
ОГОНЁК
№ 29 ИЮЛЬ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Лето... Его с нетерпением ждут все, а больше всех ребятишки. Когда, как не летом, порезвиться им на просторе, не опасаясь услышать: «Застегни воротник, закрой уши, надень шарф!» Когда, как не летом, побегать босиком, поваляться на траве, зарыться в песок, поплескаться в воде!

Месяц назад выехали на дачу детские сады и ясли. Но в этом году лето как будто отказалось выполнять свои обязанности. То и дело с хмурого неба сыпал мелкий, нудный дождь, почти без передышки дул холодный ветер. Малышей, облаченных в надоевшие им за зиму теплые штаны и курточки, не выпускали из помещения. «Ну что за напасть! — вздыхали воспитатели.— Дети не отдохнут, не окрепнут». А врачи с опаской приглядывались к носам своих питомцев: не потекли бы по такой погоде...

Однако лето есть лето. Хоть и с большим нарушением календарных сроков, оно пришло в Подмосковье. Небо очистилось, солнце протянуло свои горячие лучи, ртутный столбик пополз вверх и преодолел деление с цифрой 20. В один из таких дней и приехали мы в детский сад под Москвой.

Л. КАФАНОВА

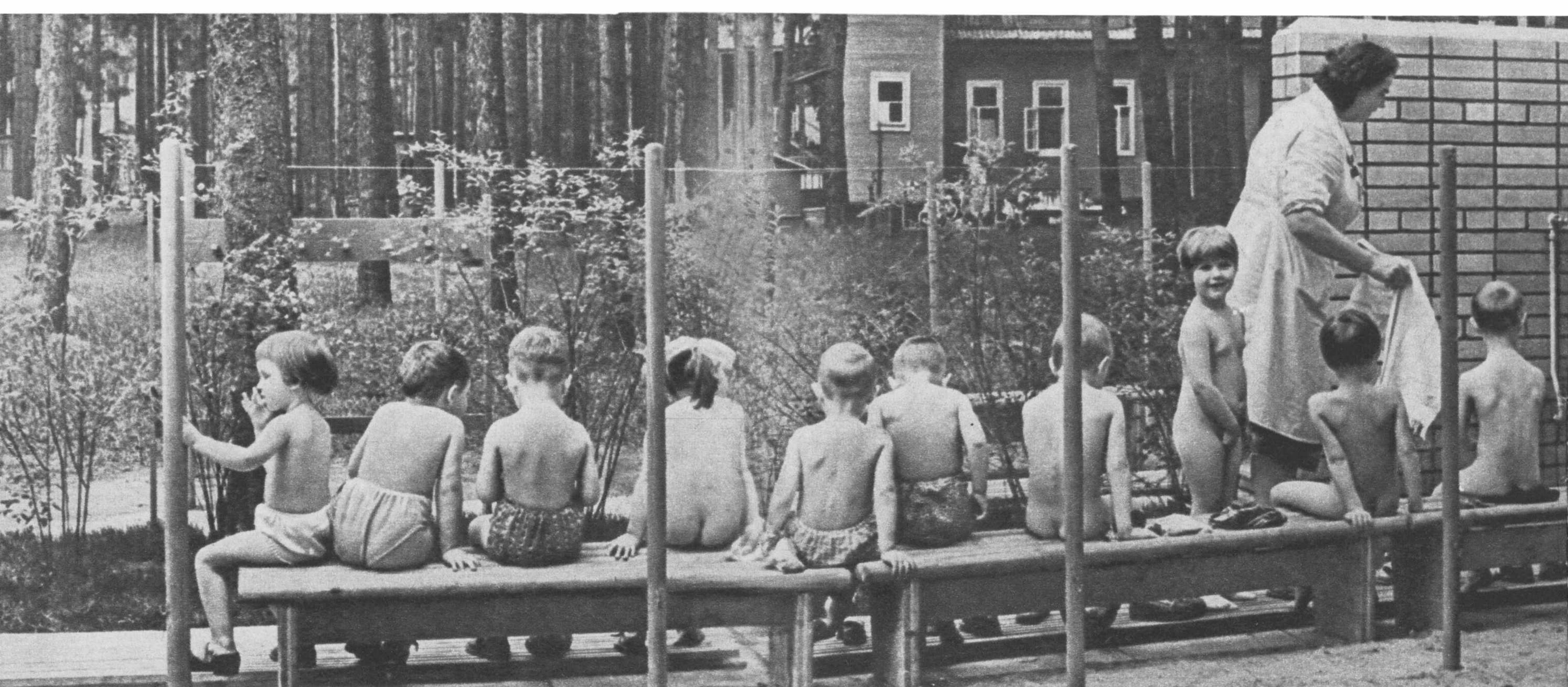
▲ Для здоровья очень важно, чтобы загорели пятки.

▶ «Ты признайся, кого тебе надо,
Ты скажи, гармонист молодой».

«Водой холодной обливайся, если хочешь быть здоров!»

Фото А. БОЧИНИНА.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

43-й год издания

№ 29 (1986)

18 ИЮЛЯ 1965

Качели... Дух захватывает. А одну четырехлетнюю девочку они даже вдохновили на стихи:

Вы качели, вы качели,
Вы на ели забрались.
Хорошо вам спать на ели,
Рано утром вставать,
Одеваться, умываться росой,
Чистить зубы пыльцой.

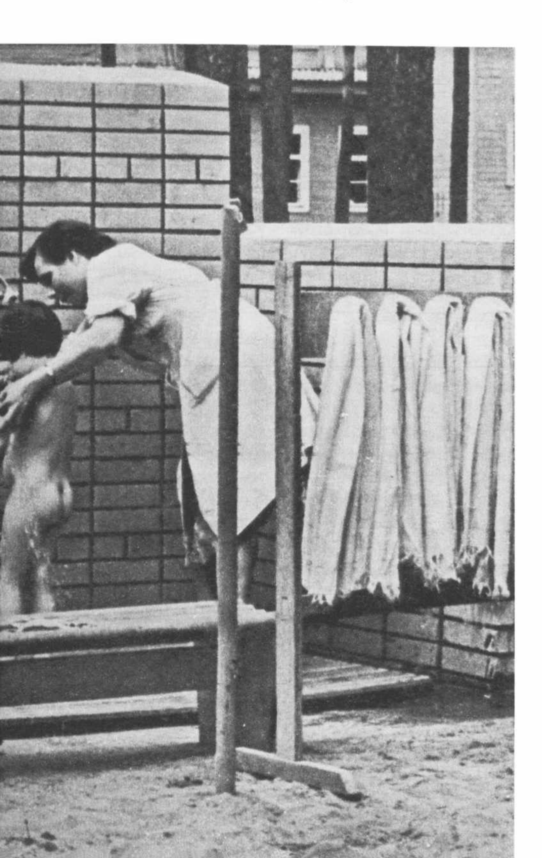

А иногда случается и так.

На аппетит не жалуемся.

Ленинград. 10 июля 1965 года. Вручение медали «Золотая Звезда».
Фото М. Блохина и С. Григорьяна (ТАСС).

Волгоград. 11 июля 1965 года. После вручения награды представителям города-героя.
Фото Н. Суровцева и С. Преображенского (ТАСС).

НЕ ПОМЕРКНЕТ СЛАВА ГОРОДОВ-ГЕРОЕВ

За заслуги перед Родиной, мужество и героизм в борьбе против немецко-фашистских захватчиков и в ознаменование победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов города-герои на Неве и на Волге награждены орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда».

Радостно отметили жители Ленинграда и Волгограда вручение их городам высокой награды.

В Ленинграде на торжественном заседании с речью выступил Первый секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.

К волгоградцам обратился с речью член Президиума Центрального Комитета КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин.

ШЕСТОЙ И ЧУВСТ

Генрих БОРОВИК,
специальный корреспондент «Огонька»

В шесть утра вежливым, но настойчивым стуком в дверь журналистов будит маленькая, худощавая немолодая женщина. Мы не знаем точно, кто она: может быть, управляющая гостиницей, может быть, дежурная по этажу. Собственно, вся-то гостиница — узкий коридор да несколько небольших комнатушек на шестом этаже старого здания. В больших гостиницах мест не оказалось, все забронировано для делегатов Конгресса мира.

Женщина кипятит воду на газовой плитке в маленькой кастрюльке, переливает кипяток в небольшой славянский кофейник и подает нам вместе с блюдечком, на котором лежит горка аккуратно наколотых кусочков сахара. При этом женщина всегда улыбается. И мы улыбаемся. И крутим головами и разводим руками: не знаем финского языка. Женщина смеется и уходит, поправив скатерть на столе.

В наших гостиничных комнатушках очень чисто, очень просто и по-домашнему очень мирно. И когда я перелистываю записи в своем блокноте, сделанные за день во время работы конгресса, у меня вдруг появляется ощущение какого-то противоречия между вот этой мирной гостиницей, этой маленькой женщиной, которая завтра снова привычно поставит кастрюльку на газовую плиту, и тем, что происходит в огромном мире.

Вот запись — выступление делегата от Южного Вьетнама. Не очень громким голосом и с виду даже спокойно рассказывал он об отравленных американскими летчиками джунглях, о концентрационных лагерях, скрытых под именем стратегических поселений, о пытках, насилиях, убийствах. И в памяти слушавших его вставал страшный образ войны, фашизма, ради победы над которым люди отдавали жизнь.

Тридцать лет назад фашистские бомбардировщики впервые вспахали землю Абиссинии, и там дала смертоносные всходы вторая мировая война.

Донеслись ли тогда до шестого этажа старого дома, в котором мы сейчас живем, звуки бомбовых взрывов и крики раненых? И если донеслись, то какую реакцию они вызвали? Может быть, такую: «Да, да, это, конечно, ужасно. Но ведь Абиссиния так далеко. Где это — Абиссиния?» А может быть, вообще никакую: на шестом этаже своих забот по горло.

Ну кто мог подумать тогда, что в далекой Абиссинии началась вторая мировая война?

За тридцать лет мир стал куда как теснее. Я показываю пожилой женщине, которая подает мне ключ от номера, финскую газету с сообщениями о работе конгресса и говорю:

— Вьетнам, Вьетнам!..

Она вежливо смотрит на газетную страницу, но голова ее занята совсем другими мыслями — кивает, привычно улыбается и уходит к себе.

...Говорят, двадцать лет должно пройти между войнами. Потому что у страны-агрессора должно вырасти новое поколение, незнакомое с ужасами прежней войны.

Двадцать лет прошло, и не случайно, может быть, что именно в 1965-м, как никогда за последние годы, приблизилась реальность третьей мировой войны. И кто может поручиться сейчас, что будущие историки, если они выживут, не напишут в своих книгах: третья мировая

ЭТАЖ

ВО ОТВЕТСТВЕННОСТИ

война началась в 1965 году во Вьетнаме и в Доминиканской Республике.

И все-таки 1965 год не 35-й. Народы мира могут остановить мировую войну.

Один из членов американской делегации (она на этом конгрессе большая — 95 человек), учитель истории в негритянской школе, сказал мне:

— В свое время германская интеллигенция слишком поздно и недостаточно активно высказывалась против выступавшего фашизма. Нам в Штатах нужно быть бдительными, нам нельзя повторять их ошибки. Это было бы ужасно.

— Сейчас нет отдельных проблем и нет отдельных людей. Все взаимосвязано. Все проблемы вместе, и все люди должны быть вместе,— говорили мне Майкл и Сюзанна Миллеры, студенты из Берклийского университета в Калифорнии.— Нельзя, например, отделять борьбу за права негров и борьбу против войны во Вьетнаме.

В Нью-Мексико — штате с небольшим населением — у них есть знакомая. Она принялась там проводить агитацию против войны во Вьетнаме. Ходила по своим малочисленным соседям, агитировала. Соседи смотрели на нее, как на сумасшедшую: они и не знали ни о какой войне. Что за Вьетнам? Какой это Вьетнам? Она легла на дорогу, остановила машины, чтобы привлечь внимание людей. Ее арестовали. Когда она потом рассказывала Миллерам о своих злоключениях,— плакала от обиды: неужели люди живут только для себя?

И еще один случай. О нем они узнали перед самым отъездом на конгресс. Американский солдат, только что прибывший в Южный Вьетнам, впервые участвовал в операции против «вьетконга». В одной деревне захватили многих жителей и в том числе женщин. Американский сержант приказал их допросить. Дал для этого солдату специальный электрический прибор. И объяснил: если женщина будет молчать, оголенные провода надо положить ей на грудь и включить ток. Заговорит. Солдат повалил сержанта, приставил провода к его груди и включил...

Дойдут ли вести об этом до американского штата Нью-Мексико, где так неудачно начала свою войну против войны во Вьетнаме знакомая Миллеров?

Чувство ответственности просыпается у народов. Зря плакала от обиды девушка из Нью-Мексико. Ее слова и ее дела не пропали даром. И в том, что на конгрессе в Хельсинки впервые в истории движения за мир присутствует такая большая и представительная делегация борцов за мир из Соединенных Штатов, есть и ее лепта. И в том, что на конгрессе не нашлось ни одного человека, кто пытался бы найти оправдание для американской агрессии во Вьетнаме, также есть ее заслуга.

Делегат из Аргентины говорил мне:

— Как можем мы стоять в стороне?! Ведь бомбы, которые падают во Вьетнаме, пули, которые летят в мирных жителей Доминиканской Республики, завтра будут уничтожать людей в моей Аргентине, в Перу, в Боливии, в Чили.

А чилиец Пабло Неруда сказал на митинге в Доме культуры:

— Кровь вьетнамцев — это наша кровь. И кровь доминиканцев — тоже наша кровь.

Я видел финнов на многотысячном митинге в день солидарности с Вьетнамом. Все, как один, поднялись они, когда на трибуну вышел представитель Южного Вьетнама, самоотверженно борющегося с огромной военной мощью американского агрессора.

И я видел финскую старушку, которая принесла Валентине Терешковой простой и трогательный подарок.

И видел молодую финскую мать, которая протянула своего сынишку Пабло Неруде, чтобы тот поцеловал его. И великий поэт, отчаянно смущаясь, смешно и неловко чмокнул мальчишку в белую макушку, к великой радости финки.

...Иногда, глядя на делегатов конгресса, пожилых и молодых (в этот раз на конгрессе больше молодежи, чем раньше), которые безвылазно сидят на пленарных заседаниях или на совещаниях семи комиссий и, нацепив на головы наушники, слушают, записывают, вносят предложения, спорят до хрипоты и расходятся поздно ночью, чтобы рано утром снова собраться здесь, в Доме культуры, я думаю: что это за люди? Какие силы заставили их преодолеть тысячекилометровые расстояния, чтобы приехать в далекий город Хельсинки? Ведь у каждого есть свои личные дела, свои заботы, свой «шестой этаж».

И все-таки они здесь. И приехали они не развлечений ради, а для большой и серьезной работы.

Среди делегатов я вижу Грету Кукхоф, члена делегации ГДР. Я познакомился с ней весной этого года в Берлине, когда собирал там материалы о немецком антифашистском подполье во времена Гитлера. Грета Кукхоф была одной из участниц этой героической организации. Ее спасли от смерти советские войска. Рассказывая о своих товарищах, казненных гитлеровцами, она говорила мне: «Только очень прошу вас, если будете писать о них, не изображайте их какими-то особенными людьми, героями от рождения. Они были не храбрее миллионов других. Как у миллионов других, у них были и повседневные заботы, и смешные привычки, и человеческие слабости. Единственно, что их отличало от других людей в Германии, которые не решались бороться против Гитлера, когда тот был в зените побед,—чувство ответственности за судьбу своего народа».

Мне кажется, что ее слова справедливы и для тех, кто работает сейчас в зале Культуриталло.

Сотни разных людей. Очень разных. Иногда не согласных друг с другом по принципиально важным вопросам. Но согласных в одном — надо отстоять мир.

И привело их сюда, в Хельсинки, чувство личной ответственности за все, что происходит в мире.

Я передаю эту корреспонденцию из гостиницы на шестом этаже. Мимо прошла наша приветливая хозяйка, понесла на кухню кастрюльку с водой — приготовить чай для журналистов. Как хотелось бы, заканчивая свой репортаж, рассказать вам, что наконец эта женщина подошла ко мне и спросила:

«Как там, во Вьетнаме? И чем я могу помочь?» Но нет. Слова эти еще не были произнесены.

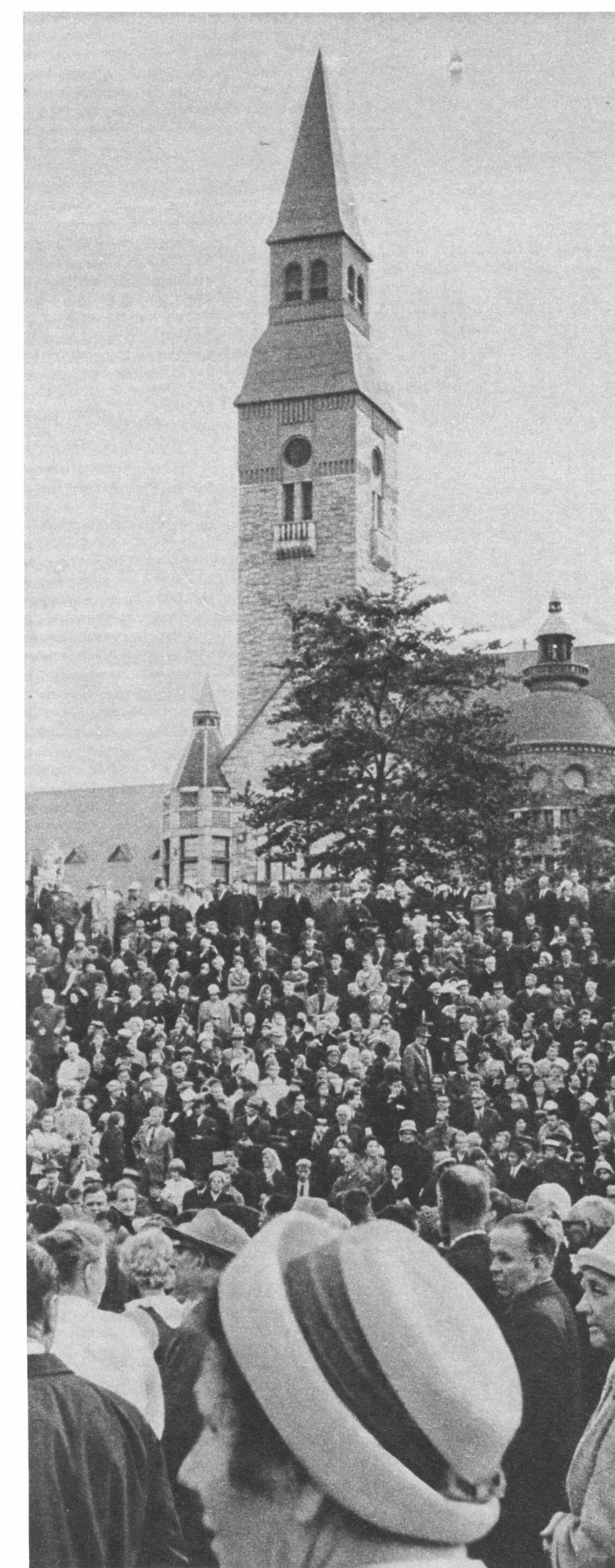
Будут ли когда-нибудь?

Будут. Надеюсь, что будут. Уверен, что будут.

И тогда люди, сидящие сегодня в зале Дома культуры Хельсинки, и миллионы, пославшие их сюда, отпразднуют еще одну победу.

Хельсинки, 14 июля.

Митинг на одной из площадей Хельсинки.
Фото автора.

Памятник героям Варшавы.

ВОЗРОЖДЕННАЯ ПОЛЬША

22 ИЮЛЯ 1944 ГОДА НАЧАЛОСЬ ОСВОБОЖДЕНИЕ ПОЛЬШИ ОТ ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ. ЭТОТ ДЕНЬ СТАЛ НАЦИОНАЛЬНЫМ ПРАЗДНИКОМ — ДНЕМ ВОЗРОЖДЕНИЯ ПОЛЬШИ.

Юзеф ОЗГА-МИХАЛЬСКИЙ

Мое оружие

После меня пусть навечно
Останутся книги, перо
и месяц над нивой,
к звездам путь бесконечный
и глиняный кубок для пива.
Пусть останется даль ржаная,
ширь полей, леса и поляны.
Пусть земля так легко рожает,
как выстреливаются каштаны.
В небе пусть
над всей планетой
светит наша звезда желанная,
пусть сияют над ней рассветы
с переменами постоянными.
Серп с косою и цеп старинный,
дедов старое оружие,
пусть останутся,
но с ними
пусть никто никогда не дружит.
Современных не счесть новинок:
из ворот заводских на волю,
на работу выходят машины,
как девчата проворные в поле.
Ночь уходит,
и утро скоро.
Бесконечное утро века.
Месяц — форточка наша в просторы,
где лежат пути человека.
Пусть останется мглистый, санный
путь холодный, зимний, туманный,
вихрь, стога разметающий в клочья,
ветер, волка слепящий ночью,
и пушистый снег первозданный.
И из самых любимых любимый,
край, где я мальчишкою бегал,
край, где глыбы тяжелой глины
легче малых пушинок снега.

Перевел с польского
И. ВАСИЛЕВСКИЙ.

ТОРГОВЫЕ ПРЕМЬЕРЫ ГОДА

Огромного выставочного павильона в одном из столичных парков оказалось недостаточно для размещения стендов ярмарки товаров хозяйственного обихода — крупной торговой премьеры нынешнего года. Дали еще одно помещение — здесь выставлены люстры, бра, торшеры, настольные лампы. Рижский светотехнический завод рекомендует люминесцентные, а в соседнем зале внимание останавливает продукция таллинского завода «Эстопласт». Девиз предприятия — изделия практичные, модные, доступные и целесообразные. Эта формула и помогла создать оригинальный настольный фонарь «Старый Томас»; настенные бра, формой напоминающие традиционные газовые фонари.

Хозяйственные товары, представленные здесь,— это все то, что мы привыкли видеть в магазинах «1 000 мелочей», и сверх того еще не менее тысячи. Подсчитано, что среди представленных нескольких тысяч изделий только совершенно новых — пятьсот! Промышленность рекомендует их торговле, которая на этот раз выступает в роли покупателя — ярмарка оптовая.

Стенды холодильников радуют не столько новыми моделями, сколько цифрами, которые обещают приблизить день, когда «проблема холодильника» станет историей. Все же о «Сарме» хотелось бы сказать несколько добрых слов. Этот холодильник выпускается на Рижском вагоностроительном заводе. Полезная площадь его — 120 литров, настенный холодильник удобен для небольшой кухни.

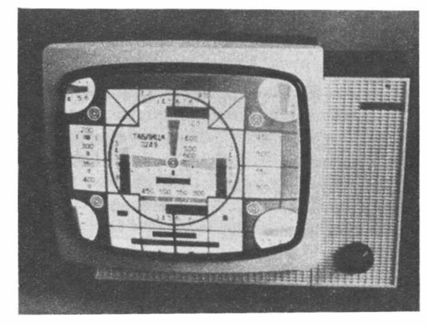
Миксер армавирского завода. Аппарат позволяет за считанные секунды приготовить вкусный коктейль, сбить сливки, суфле, превратить яблоко или апельсин в ароматное пюре.

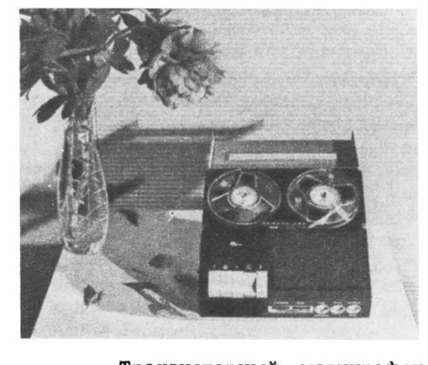
В Центральном доме Советской Армии открылась вторая ярмарка — здесь товары спортивного и культурного назначения. Телевизоры и фотоаппараты, часы, велосипеды, радиоприемники. Хорошо представлены телевизоры, и в их числе «Огонек», «Вечер». Десятки моделей транзисторов, и популярнейшая «Спидола», успевшая поменять свой наряд на более современный, и первый в нашей стране микроминиатюрный радиоприемник с часами — они позаботятся о том, чтобы включить приемник именно в ту минуту, когда начинается интересующая вас передача. Приятен «Орленок» — транзистор карманный, вес его — всего 124 грамма. От предшественников его отличают два диапазона, надежная схема.

Но больше всего, пожалуй, представлено часов. Назову, пожалуй, только сверхплоские Петродворцовского часового завода. «Ракета» имеет механизм, высота которого всего 2,7 миллиметра! У «Ракеты» есть небольшой секрет — период колебания баланса механизма отличается от общепринятого и создает более надежную работу.

К. БАРЫКИН
Фото М. Савина.

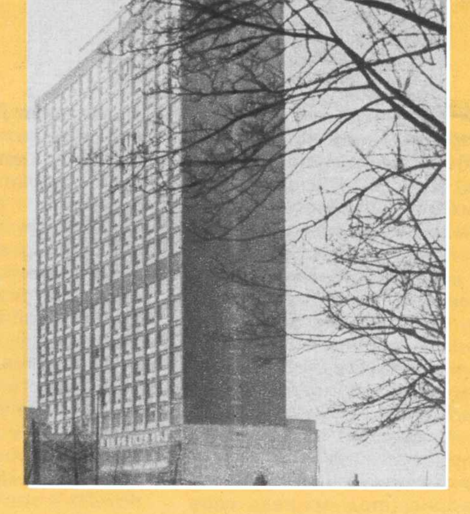
← Сейчас представители торговли — покупатели.

«Вечер»

Транзисторный магнитофон «Комета».

Варшава, которую гитлеровцы подвергли варварским бомбардировкам в сентябре 1939-го, а в 1944 году по личному приказу фюрера пытались «сравнять с землей», не только восстановлена, но и значительно выросла. Ныне численность ее населения превышает 1 миллион 240 тысяч человек. Постройки последних лет уже догоняют Дворец культуры и науки — самое высокое здание Варшавы.

На снимке: студенческое общежитие, которое молодежь называет «Ривьерой».

Новая Гута. Город, которого пятнадцать лет назад еще не было на карте. Сейчас там живет 130 тысяч человек, из которых большинство работает на комбинате имени Ленина — гиганте польской металлургии.

Город новостроек

Войлочным городком называли несколько десятилетий назад столицу Монголии. Теперь Улан-Батор — город новостроек. Многие из них родились с помощью Советского Союза. Многоэтажный Улан-Батор — это лицо новой Монголии, отметившей недавно 44-ю годовщину со дня победы народной революции.

На закладке нового жилого дома в Улан-Баторе (слева направо): инструктор по монтажу крупнопанельных жилых корпусов М. Б. Васильев, монтажники Л. Дорж, Л. Сайнжаргал, Б. Мэндбаяр и инженер Н. А. Богомолов.
Фото В. Черединцева (ТАСС).

Улан-Батор. Улица Мира.

Сегодня День металлурга

ТАЙНА БУЛАТА

Ашот АРЗУМАНЯН

Факты, о которых рассказывается в этом очерке,— лишь очень небольшая часть богатейшей летописи отечественной металлургии. Сейчас автор очерка, писатель Ашот Арзуманян, работает над книгой «Огненный след», посвященной И. Ф. Тевосяну и другим знаменитым металлургам нашей страны.

В обоих лагерях — и у английского короля Ричарда Львиное Сердце и у египетского султана Юсуфа Салах-ад-дина (Саладина) — всю ночь горели костры. А на рассвете арабы и крестоносцы пошли навстречу друг другу. Нет, это не было началом битвы. Предстояла дружеская встреча, пир. Там, на пиру, и состоялся знаменитый спор Ричарда и Саладина: чей меч лучше? «Мой!» — воскликнул английский король и мощным ударом разрубил железный брус, не оставив при этом на лезвии ни малейшей зазубрины. Тогда Саладин вынул свой меч булатной стали. Подбросив в воздух шелковый платок, он взмахнул мечом и разрубил платок. Потом подал королю другой такой же платок и сказал: «Разруби его своим мечом на лету». Сколько король ни старался, а разрубить платок не смог.

...На протяжении многих веков со времени этого легендарного спора люди пытались разгадать секрет стали, которая славилась в Европе под арабским названием — булат.

За разгадку тайны булата взялись сами крестоносцы. Тогда же, в конце двенадцатого века, стали расспрашивать они у арабов, откуда достал такой редкостный меч Саладин. «Не знаем»,— ухмыляясь, отвечали подданные султана.

Вернувшись в Англию, король повелел во что бы то ни стало разгадать тайну булата.

Приходил какой-нибудь книжник или цеховой мастер и доверительно сообщал: «Я раскрыл тайну булата. Нужно уметь закалять сталь так, как это делали в Сирии: накалить клинок до цвета вечерней зари и шесть раз вонзить его в мясистые части тела раба-эфиопа».

Слуг английского короля не смущала столь жестокая «технология». Они пробовали закалять сталь по-сирийски, но ничего не получалось. Обманщика вели на плаху.

Предлагались и другие способы закалки стали. Но Европа по-прежнему много сотен лет пользовалась привозным булатом.

...Мемориальная доска на здании одного из заводов запечатлела имя нашего соотечественника, которого по праву признают большим мастером высококачественной металлургии не только в России, но и во всем мире. На доске написано: «В этом цехе в 1828—1838 гг. выплавил булатную сталь великий русский металлург П. П. Аносов».

Все свободное время П. П. Аносов, ведавший крупнейшими заводами Урала, проводил в лаборатории, изучал, как застывает жидкая сталь, как образуются слитки. Намного раньше зарубежных ученых он применил для изучения кристаллического строения стали микроскоп, ввел травление поверхности стали кислотами, проверял, как изменятся ее свойства, если в нее добавить хром или марганец, кремний

или титан, алюминий или платину.

Успехи П. П. Аносова должны были признать крупнейшие зарубежные авторитеты. В Штирии (Австрия) проводилось испытание славившихся тогда шафгаузеновских кос и иностранных, в том числе русских. Акт испытаний сохранился до наших дней. В нем записано: «Одна златоустовская коса закалена жестче шафгаузеновских и так остро, что превзошла 120 кос штирийских, выбранных из 600 таких кос. Она выдержала по два покоса и по две ржаных жатвы».

Златоустовские косы были сделаны из русской булатной стали.

А талантливый металлург уже замышлял новый эксперимент. Веками лили пушки из чугуна и бронзы. А нельзя ли сделать стальную пушку? И Аносов сделал. Но после первой же неудачи высшие военные круги тогдашней России, благоволившие не без корысти иностранным пушечным королям, запретили Аносову дальнейшие опыты. Лишь после упорной борьбы стальная пушка — детище Аносова, Обухова и уральских сталеваров — получила право публично показать себя. Было это в 1860 году, под Петербургом. На испытание пушки Обухова пожаловал царь Александр II. Он спросил Обухова: «Уверен ли ты, что твоя пушка выдержит испытания?» «Вполне, ваше величество». Сделали больше тысячи выстрелов нормальными зарядами. Пушка цела. Сделали еще почти три тысячи выстрелов усиленными зарядами. Пушка цела. Год спустя она заслужила высокую оценку на Всемирной выставке в Лондоне.

То, что произошло в мировой металлургии на протяжении семи веков, от клинка султана Юсуфа Саладина до появления булатной русской стали, созданной Аносовым, а затем и другими выдающимися нашими металлургами,— это предыстория современной металлургии, предыстория высококачественных сталей, без которых немыслим ныне технический прогресс.

Ученые России упорно продолжали дело Аносова, но страна, жившая под сенью двуглавого царского орла, не могла тогда дать им простор для орлиного взлета. В 1913 году В. И. Ленин писал: «За полвека после освобождения крестьян потребление железа в России возросло впятеро, и все же Россия остается невероятно, невиданно отсталой страной, нищей и полудикой, оборудованной современными орудиями производства вчетверо хуже Англии, впятеро хуже Германии, вдесятеро хуже Америки».

...В 1921 году в Советской России выплавлялось только 116 тысяч тонн чугуна — всего три процента довоенного производства, которое В. И. Ленин назвал нищенским. Нужно было найти силы, чтобы возродить буквально из руин отечественную металлургию, двинуть вперед науку о металлах. Партия нашла эти силы в народе. Она нашла талантливых теоретиков и практиков, терпеливо и настойчиво обучала молодежь в советских вузах. И, празднуя сегодня День металлурга, мы не можем не вспомнить тех, кто оставил огненный след в истории советской металлургии. Среди них выдающийся деятель партии и Советского государства, крупнейший инженер Иван Федорович Тевосян.

Он родился в Нагорном Карабахе, в городе Шуше. Он был ребенком, когда булыжник шушинских мостовых обагрился кровью национальной резни. Юношей, работая в бакинском нефтяном обществе, Иван Тевосян прошел суровую школу большевистского подполья. В 1918 году, шестнадцати лет, он уже был членом бакинской организации, а затем секретарем городского районного комитета партии. Бакинские большевики избрали Тевосяна делегатом X съезда партии, где он видел Ленина и внимал его вдохновенному слову.

Из Петрограда пришла тревожная весть: мятеж белогвардейцев в Кронштадте. Тевосян был в числе тех делегатов, кого партия послала подавлять мятеж.

В Москве после съезда Тевосяна вызвали в ЦК. Емельян Михайлович Ярославский предложил ему:

— Поступай, Тевосян, в коммунистический университет. А потом мы направим тебя на партийную работу в Армению.

Но Тевосян высказал желание пойти учиться в Горную академию. В стране начиналась гигантская работа по восстановлению и развитию народного хозяйства. Нужна тяжелая промышленность, нужны специалисты, новые кадры. Тевосян хочет стать металлургом. В ЦК одобрили его намерение. И вскоре он переехал из Баку в Москву.

...Пройдет много лет. Тевосян станет министром, заместителем премьера. Но он всегда будет добрым словом вспоминать своих первых учителей, с которыми ему потом придется работать плечом к плечу: Н. П. Чижевский, К. П. Григорович, профессор старшего поколения М. А. Павлов, Г. Е. Грум-Гржимайло, блестящий геолог В. А. Обручев, известный механик И. И. Бобарыков, ректор академии И. М. Губкин. Они умели привить молодежи глубокий интерес к науке, увлечь перспективами неизведанного, приучить к такому труду, который принято называть подвижничеством.

Студент металлургического факультета Тевосян как-то сразу облюбовал одну область — булат, высококачественные стали. Он предвидел тогда, что именно они станут основой новейшей техники. Десятки сортов высококачественной стали нужны для создания современного автомобиля. Семьсот тысяч тонн стали понадобилось для сооружения Куйбышевского гидроузла. Тайна старинного булатного клинка давно осталась позади. Но появились новые, еще не раскрытые возможности булата.

По представлению Серго Орджоникидзе ЦК решил послать за границу двести молодых специалистов. В их числе — Ивана Федоровича Тевосяна.

Больше года пробыл он на заводе Круппа в Эссене — и рядовым рабочим на литейной канаве, изучая разливку стали, и помощником мастера электросталелитейного цеха, где постигал секреты производства крупповского булата, и в дирекции завода, изучая работу предприятия в целом. Знание немецкого языка помогало в общении с мастерами. Тевосян сразу же обратил на себя внимание. Крупп обратился к Серго Орджоникидзе с просьбой оставить ему Тевосяна... Один из друзей Тевосяна, Василий Семенович Емельянов, недавно рассказал мне: как правило, на заводах Круппа практикантов не допускали к работе на сталеплавильных печах. То же самое происходило и в других цехах. Иван Федорович был единственным практикантом-инженером, кто получил право работать в качестве сталевара. Надо сказать, что он этого добился с большим трудом, благодаря невероятному трудолюбию, таланту и умению проникнуть в суть самых сложных процессов.

Позже Крупп сам заявил, что Тевосян, практикант Советского Союза, получил право непосредственно работать у печи. Крупп об этом говорил, подчеркивая свое глубокое уважение к молодому советскому металлургу.

Вот почему один из крупповских инженеров как-то раз во время беседы с Тевосяном спросил: «Может быть, вы все же останетесь, поработаете у нас? Тогда вы в полной мере освоите немецкую точность и аккуратность, немецкую организованность и исполнительность». «Вы перечислили весьма ценные качества немецких рабочих и специалистов,— ответил Тевосян,— но они не являются прирожденными качествами людей какой-либо нации. Я благодарен вам за приглашение, но на родине меня ждут завод, друзья, семья».

...Серго считал обязательным для себя беседовать с каждым специалистом, возвращавшимся из заграничной командировки. Вызвал он и Тевосяна. Они уже были хорошо знакомы.

— У меня для тебя приятная весть. На XVI съезде партии тебя избрали членом ЦКК. Это — во-первых. А во-вторых, ты назначен заведующим отделом черной металлургии.

Честь была большая. Но Тевосян стал настойчиво просить, чтобы его отпустили на «Электросталь». Серго вначале и слушать не хотел. Но доводы оказались вескими, и Тевосяна отпустили на облюбованный завод.

В августе 1931 года Тевосян был назначен управляющим объединения «Спецсталь», на самый, можно сказать, «булатный» фронт. Шесть лет его работы на этом посту справедливо считаются годами взлета советской качественной металлургии.

Страна получила свою сталь — хромистую и хромо-никелевую, хромо-молибденовую и хромо-ванадиевую, быстрорежущую и инструментальную, подшипниковую и нержавеющую, а также трансформаторное железо. Нужны новые марки стали, а главное, как можно больше разной качественной стали.

Отечественная металлургия успешно раскрывала новые тайны булата. В 1936 году по заданию Серго Орджоникидзе Тевосян снова поехал в Германию и Чехословакию ознакомиться с производством танковой и судовой брони. Надвигалась война в Испании, вооруженные столкновения у озера Хасан и на реке Халхин-Гол.

И было закономерно, когда в 1937 году руководитель «Спецстали» стал первым заместителем наркома оборонной промышленности СССР, а в марте 1939 года — наркомом судостроительной промышленности.

Работа на постах, связанных с обороной страны,—это не только штрихи из биографии Тевосяна. Это этапы укрепления оборонной мощи Советского Союза.

Перед второй мировой войной фашистская Германия широко использовала участие в международных картелях для усиления своего военного потенциала. Воротилы рейнско-вестфальской черной металлургии, инициаторы создания международного стального картеля, урвали там немалый куш для развития военно-металлургической промышленности Германии.

Между тем именно в ту тревожную пору в силу многих причин наша металлургия топталась на месте, не выполняла планов. ЦК партии и правительство предпринимают ряд срочных мер для подъема металлургии. Среди этих мер и такая: 17 мая 1940 года народным комиссаром черной металлургии был назначен И. Ф. Тевосян.

...На собрании актива наркомата Иван Федорович говорил:

— Положение тревожно и требует самых экстренных мер. Главнейшая мера — специалистам наркомата, главков выехать на заводы и разобраться, в чем там дело. Беда заключается в том, что мы не знаем положения дел на предприятиях. Поговорить с рабочими, специалистами, обсудить детально и вместе с ними наметить конкретные меры, организовав тут же борьбу за их осуществление.

Так требовала партия. Это был стиль руководства, который соблюдался строжайше в течение всех лет работы Тевосяна в черной металлургии и остался в наследство его преемникам. С приходом Тевосяна, усилия которого дружно поддержали партийные организации, люди почувствовали, что рушится косная система бумажного руководства.

Заводы стали выравниваться. Однако движение вперед началось не сразу. Обнаружились замешкавшиеся, отстающие. Нарком сам отправился на заводы.

На одном из заводов нарком зашел в сталеплавильный цех и сразу заметил: мастер неправильно ведет плавку. Тевосян сделал замечание. Мастер огрызнулся: «Советчиков много, а работников мало».

Тогда нарком сам стал к печи и довел плавку до конца по всем правилам искусства.

История эта быстро облетела все заводы наркомата.

Тевосян действовал целеустремленно, решал одну проблему за другой. Покончил с текучестью кадров, взялся за тылы металлургии: руду, кокс, транспорт, машиностроение, оборудование. И на XVIII Всесоюзной партийной конференции в феврале 1941 года И. Ф. Тевосян уже мог доложить партии: черная металлургия Советского Союза работает лучше, чем в 1940 году.

И вот — война!

...В кабинете И. Ф. Тевосяна собрались руководители советской металлургии. Разговор идет о перестройке промышленности на военный лад. На следующий же день первому заместителю наркома П. И. Коробову было поручено перебазировать броневой стан. Срок — два месяца. Агрегат весом в две тысячи тонн нужно было демонтировать, перевезти, собрать и наладить прокат броневой стали. Коробов немедленно вылетел готовить площадку и монтаж стана, а на место, где требовалось демонтировать стан, командировали главного механика наркомата Гора. Срок — десять дней. И вот первая, неожиданная трудность: стан нельзя смонтиро-

вать без чертежей. Где их взять? Вспомнили, что в одном из машиностроительных институтов есть дубликат чертежей. Поехали в институт, а там все уже упаковано для эвакуации. В каком из тысячи уже заколоченных ящиков находятся чертежи? В течение ночи распаковывали ящик за ящиком, пока не нашли. Началась авральная работа. Жили на фундаменте стана. Неделями не выходили из цеха. Стан был сдан в срок. За ходом монтажа нарком наблюдал ежедневно, помогал во всем.

В первый же день войны крупнейшие металлургические комбинаты Урала и Сибири — Магнитогорский и Кузнецкий — получили фронтовые заказы на броневую сталь. Комбинаты выполнили их в предельно сжатые сроки, упростив к тому же технологию производства.

Но танкостроителям нужна была не просто броневая сталь, а броневой лист. В начале войны на Магнитке не было стана для проката такого листа. Ожидали стан с одного из заводов юга. Но фронт ждать не может. И тогда магнитогорцы под руководством Носова освоили прокатку брони на блюминге. Мировая практика не знала чего-либо подобного!

Так начинались фронтовые вахты на металлургических заводах страны.

Поздно ночью на второй день войны Тевосян позвонил главному инженеру одного из комбинатов Вайсбергу:

— Надо срочно наладить выпуск брони! Переделывайте мартены, начинайте строить новый корпус для термических печей.

Директор комбината Белан, главный инженер, главный сталеплавильщик, начальники сталеплавильных цехов Сахаров и Гурский, мастера Томилин и Никитин, сталевары Чалков, Ушаков, Ляхов, Беляев ни днем, ни ночью не уходили с завода: фронту нужна броневая сталь!

...Вскоре после начала войны стало ясно, по каким целям бьет враг. Размещение советской металлургической промышленности исторически сложилось так, что некоторые жизненно важные ее центры оказались в зоне военных действий. Фашисты хотели лишить страну предприятий Юга и Центра Европейской части СССР. Была проведена невиданная в истории по своим масштабам эвакуация этих предприятий.

Линия фронта отрезала районы, дававшие марганец. Но без марганца нет стали, тем более броневой. Нарком предлагает добывать марганец на севере СССР.

Проект наркома одобрил Государственный Комитет Обороны. В мороз, достигавший 60 градусов, построили два рудника и железнодорожную ветку. Металлургические заводы получили марганец.

...Самое трудное уже осталось позади. Налажен выпуск «катюш», наращиваются мощности металлургии. На Магнитке строятся три мартеновские печи и домна. Еще одна домна сооружается на Чусовском заводе. Три прокатных стана должны вот-вот вступить в строй на Кузнецком комбинате. Там же почти полностью восстановлен эвакуированный завод «Днепросталь».

Все это не могло не вызвать тревогу в стане противника: откуда Советская страна берет силы для сопротивления? По расчетам Гитлера, военный потенциал Советского Союза уже давно подорван. Где же они берут металл? По приказу Гитлера в Берлине расстреляли бывшего германского военного атташе за то, что он не узнал и не сообщил фюреру о каких-то неведомых резервах Советского Союза.

Фашисты возлагали надежды на новое оружие: на сверхмощные танки «тигр» и «пантера», на самоходные артиллерийские установки «фердинанд». Но и это оружие не оправдало их надежд. На Курской дуге грянул беспримерный по своим масштабам танковый бой. Победили советские воины, победила советская сталь.

Страна сказала своим металлургам сердечное спасибо, наградив многих орденами и медалями. И. Ф. Тевосяну и его первому заместителю П. И. Коробову было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

...На фронтах еще шли ожесточенные бои. И вдруг приглашенные к министру на совещание соратники Тевосяна заметили, что Иван Федорович сегодня как-то по-особому радостен. Несколько торжественно Тевосян объявил: наркомат получил директиву готовиться к восстановлению металлургических предприятий в городах, которые вот-вот будут освобождены Советской Армией. Вызвали из эвакуации проектировщиков. Подобрали руководителей предприятий. Приятные эти хлопоты всколыхнули все министерство. Вскоре начались командировки специалистов в освобожденные районы. Иногда их обгонял министр, спешивший лично помочь восстановлению металлургии Юга.

...Первые послевоенные годы. Новые большие заботы, новые трудности. Среди многих неотложных забот того времени И. Ф. Тевосян неутомимо собирает по всему тылу «своих металлургов». Про него тогда говорили, что он на память знает, куда и что эвакуировано и кто где находится.

Руководство министерства стало штабом, собравшим крупных специалистов и ученых. Там работали известные металлурги Коробов, академик Бардин, Райзер, Кузьмин, Ломако, Тихонов, Шереметьев, Архипов, Меркулов, Хлебников, Борисов, Бойко, Джапаридзе, Бычков, Соколов и многие, многие другие. Назвать всех, не менее заслуженных, в очерке нет возможности.

Выросли кадры прекрасных инженеров, мастеров, сталеваров, доменщиков на заводах. Министр знал их поименно, знал их семьи, жил их радостями и горестями. Когда он выступал на собрании металлургов, ему не надо было заглядывать в бумажку, чтобы назвать фамилии тех, на кого нужно равняться. Тевосян умел быть требовательным, строгим и в то же время заботливым, душевным. Мне рассказывали, как он однажды наставлял товарищей из министерства:

— Я накричу на начальника главка; начальник главка придет и накричит на начальника отдела; начальник отдела накричит на исполнителя; а исполнитель, не имея подчиненных, придет домой и накричит на жену. В результате пострадает ни в чем не повинная жена сотрудника. Лучше уж будем обходиться без крика.

И еще один штрих стиля работы. В министерство приходит посетитель и обращается к секретарше:

1933 год. На Первом всесоюзном съезде по высококачественным сталям. С. Орджоникидзе и И. Тевосян.

— Мне нужно повидать министра.

— Он очень занят. А по какому вопросу?

— Мне... по личному делу.

— Ах, по личному. Подождите, пожалуйста, минутку!

И, возвращаясь, секретарша говорит: «Пройдите!»

Тевосян понимал, что к нему обращаются по личному делу уже тогда, когда требуется его личное вмешательство.

Я знал И. Ф. Тевосяна, встречался с ним, видел и ощущал эту атмосферу доброго, товарищеского общения с людьми, глубокого уважения к ним. И недавно вспомнил об этом снова при встрече с его учениками и соратниками, слушая их рассказы.

* * *

Атомная проблема и реактивно-космическая техника — достаточно назвать лишь эти две сферы, чтобы представить, сколько нужно было создать новых марок металла, разработать принципиально новые технологические процессы! Есть и здесь вклад Ивана Федоровича.

Крайне нужны были жаропрочные стали. Их пробовали варить, но получалось много брака. Тогда заместитель Председателя Совета Министров СССР И. Ф. Тевосян лично взялся за изучение и освоение технологии производства новых сплавов. Эту работу Тевосян делал совместно с коллективом завода и учеными-металлургами. А затем Иван Федорович сам встал к печи и сам провел десятки плавок. Дальнейшее уточнение разработанной технологии позволило быстро освоить производство жаропрочных сталей.

Металлургия нынешней семилетки дала стране очень многое из того, что необходимо для овладения тайнами микромира,— атомной, ядерной энергией. Она помогла оснастить наши космические корабли. Она дала металл и трубы большого диаметра трубопроводам, несущим газ, нефть, воду.

В наши дни родились и рождаются новые материалы. Пластмассы, пленки, полупроводники... Созданы искусственные алмазы, рубины. Происходит чудесное превращение стекла, смол, силикатов. Все это дополняет, теснит, но не сбрасывает металл со счетов. Металлы служат и будут служить нам всегда. И нас и наших потомков еще будут заботить проблемы руд, пирометаллургии, новые возможности гидрометаллургии, новые методы покрытия металлами поверхности изделий, выгоды порошковой металлургии. И кто знает, на какие планеты понесут земной металл наши космические исполины! Не будем гадать, как будут служить металлы потомкам. Оценим достойно труды, разум и заслуги тех, кто с первых примитивных горнов довел современников до сверхмощных автоматизированных домен, мартенов, конверторов, прокатных станов.

...Древние греки почитали Гефеста, бога огня. Советский рабочий класс родил своих гефестов, людей огненной профессии. Их праздник — праздник всех советских людей. И в этот праздничный день они с уважением вспоминают тех, кто стоял у колыбели советской металлургии.

Латвийская марка

В. П. РУБЕН,
председатель Совета Министров Латвийской ССР

Вопрос. В письмах наших читателей часто встречаются добрые слова о товарах широкого потребления с маркой латвийской промышленности. Расскажите, пожалуйста, о достижениях на этом важном направлении.

Ответ. Когда республике двадцать пять лет, хочется рассказать об очень многом. Наше машиностроение, например, теперь в одни сутки дает больше продукции, чем буржуазная Латвия за год. Но, пожалуй, я не погрешу против истины, если скажу, что предметом особенной гордости в последние годы у нас стала латвийская марка на товарах широкого потребления.

Пятая сессия Верховного Совета СССР поставила задачу — по-деловому, с широким размахом заняться всем тем, что связано с бытом человека. И если говорить языком экономистов, то нам удалось кое-что сделать в промышленности для рационального сближения групп «А» и «Б». Это значит, что покупатели получат теперь куда больше товаров народного потребления.

Вопрос. Вы, Виталий Петрович, видимо, имеете в виду покупателей не только в пределах республики?

Ответ. Да, конечно. Во всесоюзном разделении труда по ряду отраслей промышленности Латвия занимает видное место. Территория Латвии составляет всего 0,3 процента территории СССР, а население—только 1 процент. Тем не менее мы поставляем каждый четвертый моторный железнодорожный вагон, каждую седьмую стиральную машину, каждую девятую осветительную электролампу из производимых в СССР. В ответ мы получаем из братских республик станки, компрессоры, автомобили, тракторы, локомотивы, нефть, каменный уголь, газ, металлы и многое другое.

Вопрос. Как обстоит дело с поставкой на всесоюзный рынок латвийских радиоприемников?

Ответ. На каждом пятом советском радиоприемнике стоит латвийская марка. В прошлом году в Москве проходила торгово-оптовая ярмарка радиопромышленности. Так вот, один миллион двести тысяч приемников, запланированных к выпуску в 1965-м, были раскуплены, что называется, нарасхват. Пришлось откорректировать планы и увеличить выпуск радиоприемников. Радиоаппаратура не новая для Латвии отрасль промышленности. История радиозавода «ВЭФ» началась еще в прошлом веке. Но в годы буржуазной власти корпуса этого завода, бывшего собственностью германского концерна «АЭГ», длительное время пустовали. И только в Советской Латвии «ВЭФ» обрел славу одного из крупнейших радиозаводов Европы. Нынешний «ВЭФ», как и его собрат, завод имени Попова, шагает в ногу с современностью: транзисторные приемники уже хорошо известны на мировом рынке, а «Спидола»— «Огонек» писал об этом — даже потеснила кое-кого. Англичане, например, закупили у нас более ста тысяч «Спидол». Есть спрос иностранных покупателей и на «Орбиту» и на «Бангу». Советским людям полюбились наши радиолы «Симфония», «Ригонда-стерео», «Ригонда-моно».

Вопрос. Какие еще новинки с латвийской маркой ждут покупателей?

Ответ. Домашние холодильники «Сарма» и восьмирожковая люстра, мопед «Рига-3» и тридцать восемь видов новых тканей, мужские свитеры из чистой шерсти и 360 тысяч пар мужских носков из эластичного капрона, клюквенный пунш и детская колбаса с сыром... Всего 207 видов новых товаров.

Я понимаю, что такой перечень не совсем удовлетворит читателей. Может быть, нам стоит ненадолго прервать беседу и отправиться на одну из наших фабрик — ну, скажем, на «Ригас адитайс».

...И вот мы на этой фабрике. Здесь женское царство — и не только потому, что в цехах не увидишь мужчин: на фабрике производят трикотажное женское белье. Правда, тут не забывают и мужчин — выпускают для них элегантные, мягкие верхние рубашки и жилеты из лавсана с начесом. А облачно-тонкое белье делают из капрона, капрона с вискозой, из ацетатного шелка.

На верхнем этаже — экспериментальное конструкторско-технологическое бюро. Здесь работают художники и конструкторы, технологи и швеи, здесь рождаются новые модели — только в этом году их создано более шестидесяти.

Четыре года назад фабрика объединила 32 небольшие мастерские. В 1962 году она дала 4 миллиона 300 тысяч штук белья, а в 1965-м выпустит 9 миллионов 600 тысяч штук. Отличный рост, казалось, можно бы и успокоиться на этом. Но люди озабоченно следят: каков спрос, не затоваримся ли? Ищут пути улучшения качества. И вот уже рижское белье удостаивается весьма высокой оценки в Москве, на всесоюзном смотре трикотажных изделий. А самое главное — получает признательность покупательниц.

Покидаем эту фабрику с мыслью: люди здесь хорошо понимают, что в наши дни нельзя расширять производство, не заботясь о непрестанном повышении качества товаров, расширении ассортимента. Иначе пропадешь, затоваришься.

— Времена «рыцарей вала» кончились, нынче деятельность предприятия оценивается главным образом по тому, в какой мере его продукция отвечает требованиям потребителя, мирового технического уровня,— это продолжает беседу с нами Виталий Петрович Рубен.— То, что вы увидели на «Ригас адитайс», характерно для многих предприятий Латвии. Люди стали более вдумчиво изучать спрос, многообразные проблемы, связанные с производством товаров народного потребления. В ход пущены и экономические рычаги — повысилась материальная заинтересованность работников легкой и пищевой промышленности.

Было время, когда, скажем, на директора завода, занятого производством так называемых «бытовых мелочей», смотрели как на хозяйственника второго сорта: то ли дело экскаватор или дизель. Теперь у хозяйственников появился вкус и к детской коляске, и к сковородке со съемной ручкой, и к щеткам для мытья посуды...

Вопрос. Какие новинки готовятся в этой области?

Ответ. Я не случайно сказал сейчас вам о коляске и сковородке: это как раз из списка тех «мелочей быта», которые после модернизации мы начали выпускать в нынешнем году в сравнительно больших количествах. Речь идет о таких «мелочах», как паста для шариковых ручек, средство для очистки оконных стекол, крышки для молочных бутылок, ящики для хлеба, о стенных вазах, колпаках для сыра, отбеливающих средствах, альбомах для гербария, садовых ножницах, дверных замках, аэрозолях...

Вопрос. Как взялись за дело созданные в республике фирмы, объединившие часть предприятий легкой промышленности?

Ответ. Очень энергично, с горячим желанием дать покупателям больше хороших, разных и красивых вещей. В этом году фирмы сняли с производства сотни устаревших товаров.

Создание фирм позволило навести порядок в подготовке новых моделей.

Иногда слышишь справедливый упрек: «Магазин поражает унылым однообразием костюмов, платьев: одни и те же фасоны, одни и те же и далеко не модные цвета». Это зло, с которым мы повели решительную борьбу, требуем, чтобы по новым моделям шили, как правило, небольшие партии костюмов, платьев. Надо следить за спросом: приелся покупателю фасон — давайте новый! Понравился — продолжайте выпуск!

Теперь совнархозу легче координировать усилия швейников и текстильщиков. Швейная фабрика «Латвия» предложила модель пестротканого мужского пиджака. Но для него нужна полушерстяная рыхлая ткань. Суконный комбинат в Кулдигском районе Латвии откликнулся на требование швейников и дал такую ткань. Фирма «Латвия» приняла тревожный сигнал магазинов: сократился спрос на плащи из набивного марокена. Срочный запрос к товарищам из «Ригас аудумс»: «Нельзя ли набивной марокен заменить одноцветным, а также ацетатным шелком?» «Можно, заменим».

Конечно, не всегда так легко решаются проблемы контакта тех, кто шьет, и тех, кто дает им ткани. Но уже можно с уверенностью заявить: специализация предприятий самым положительным образом сказалась на качестве и ассортименте товаров. Хотя нерешенных проблем тут еще много.

Вопрос. Нельзя ли рассказать о некоторых из этих проблем?

Ответ. Думается, что я не испорчу юбилейное настроение своих товарищей, если напомню о еще не взятых нами рубежах.

Вот, скажем, стиральная машина «Рига-60». По уровню механизации стирки она уступает зарубежным машинам. Не очень-то хороши в эксплуатации мопед «Рига» и мотовелосипед «Гауя». Есть претензии к обуви: она еще не обладает необходимой эластичностью.

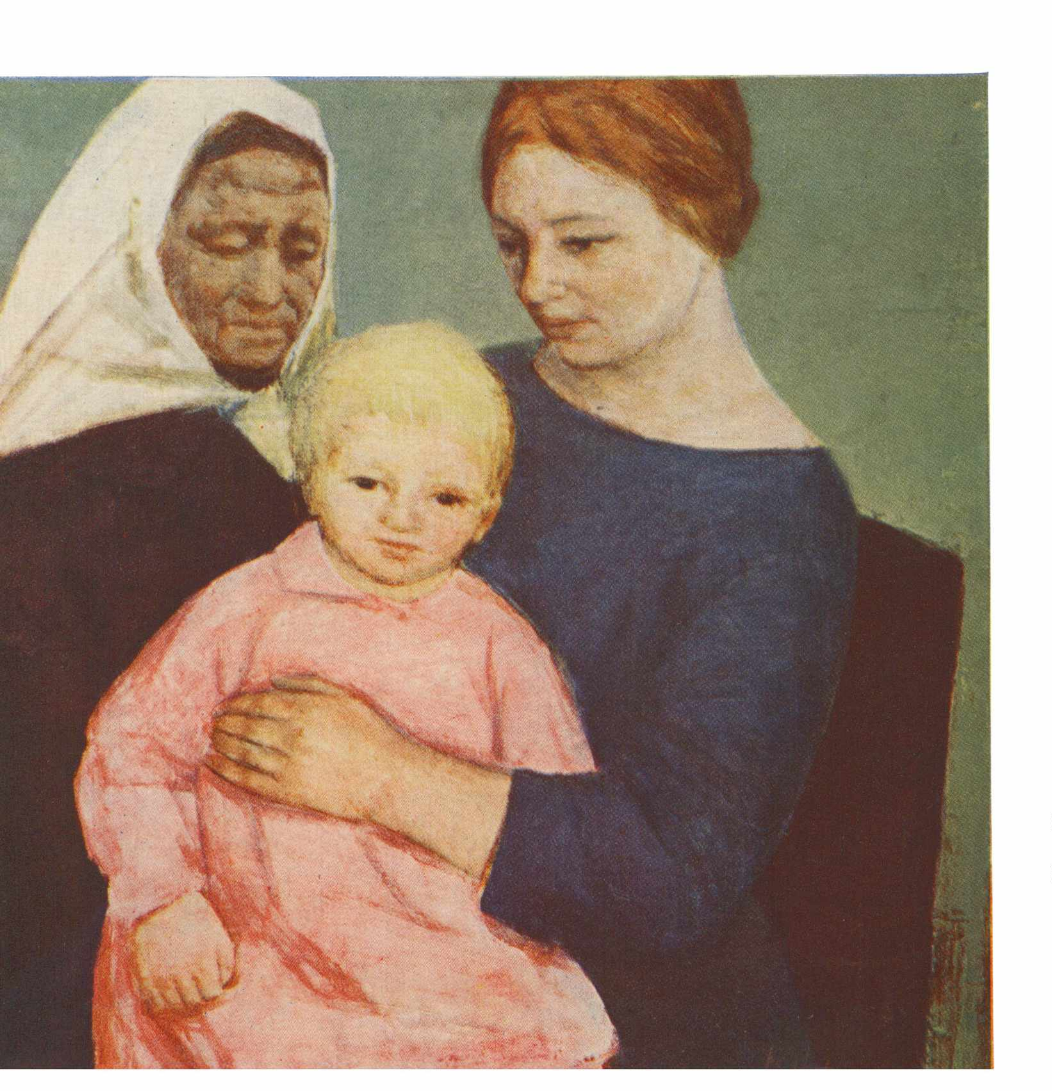
Хочется сказать несколько слов и о проблемах, выходящих за рамки республики. Хорошо, что мы равняемся на лучшие миро-

И. Заринь. РЕЧЬ. Центральная часть триптиха «Солдаты революции».

Э. Калнынь. СЕДЬМАЯ БАЛТИЙСКАЯ РЕГАТА.

Р. Валнере.

ЖЕНЩИНА С РЕБЕНКОМ.

вые стандарты. Но здесь опасен формализм, так сказать, стандарт в самой стандартизации. Всему миру известны латвийские миноги. У нас есть тут свои традиции, в частности, свой метод упаковки и прессовки в круглые бочонки, что придает балтийским миногам чудесный вкус. И вот издается ГОСТ упаковки миног, ГОСТ, утвержденный, видимо, не очень компетентным человеком, и знаменитый деликатес уже теряет свою прелесть. Мы за стандарт, он обязывает держать равнение на самое лучшее. Но мы за гибкость в применении ГОСТов.

Много времени и усилий порой затрачивается на утверждение в Москве новых моделей, цен на новые товары. Иногда это длится несколько месяцев. Смотришь — новый товар, еще не попав на прилавок, устарел. Надо дать больше прав республиканским организациям. Есть много таких вопросов, которые можно легко решить на месте, но по которым то ли из-за перестраховки, то ли в силу издавна заведенного порядка обращаются в ВСНХ, Госплан СССР...

Задумали мы начать производство комнатных весов — вещь очень нужная людям, которые хотят регулярно следить за своим весом. Я видел такие весы в ГДР, в номере гостиницы. Очень компактные, удобные, они занимают мало места. Сделали мы образец. Нам он понравился. И стоит недорого. А в министерстве торговли терзаются сомнениями: будет ли спрос? Мы решили все же запустить эти весы в производство и будем торговать ими. Думаю, что не прогадаем. Или другая новинка — зажигалка для газовой плиты. Показали ее в министерстве торговли — и снова: будет ли спрос? Скептическими вопросами ничего не решишь. Тут нужен научный анализ. Для изучения спроса на товары мы открываем большой магазин новинок. Это будет фирменный магазин совнархоза республики, где специалисты, художники, модельеры смогут систематически анализировать, что нравится, что не нравится.

Вопрос. Намечается ли в республике строительство новых предприятий легкой промышленности?

Ответ. Мне думается, что для увеличения производства товаров народного потребления важно в первую очередь расширить старые предприятия, обновить там оборудование. На чулочной фабрике «Аврора» есть машины двух типов: одни дают 80 пар в смену, другие — 150. Зачем же строить новую фабрику, если можно, не останавливая производство, заменить худшие машины лучшими?

Но мы строим и новые предприятия—гигантский Огрский комбинат, рассчитанный на выпуск 12 миллионов 300 тысяч трикотажных изделий в год. Заметьте, что это лишь немногим меньше того, что дает сейчас промышленность всей страны.

После реконструкции действующих предприятий и ввода в строй новых Латвия шагнет далеко вперед в производстве товаров народного потребления. Но уже сейчас есть основания полагать, что труженики многих предприятий, выпускающих такие товары, значительно перевыполнят задания семилетки. Это их подарок к юбилею республики.

Анна САКСЕ

Большая любовь поэта Кузнечика

Сказка

Вы и не пытайтесь отрицать, что вам нравятся чудесные стихи поэта Кузнечика! Все равно вам никто не поверит. Уж лучше честно признайтесь: навряд ли вы заметили бы летом нежную красоту солнечного заката, если бы Кузнечик не воспел ее в своих прочувствованных, мастерски сделанных стихотворениях. Разве узнали бы вы, какой должна быть настоящая большая любовь, не открой вам это поэт Кузнечик? Если бы стихи Кузнечика вышли сборниками, то не уместились бы и в двадцати томах, столько у него их было.

Но Кузнечик не заботился об увековечении своей славы. Он сочинял стихи, и сам читал их, взгромоздясь на ветвь ольхи на краю луга. Читал он их не без цели, конечно. Ах, да, вы еще не знаете, что Кузнечик был страстно влюблен в Зеленую Лягушку, жившую в ближнем мочиле. Ну, ну, не смейтесь, пожалуйста: влюбиться можно не только в лягушку, но и в осла и даже в змею, ибо любовь способна на все: она может не заметить длинных ослиных ушей и увидеть в змее грацию балерины и кротость голубки.

Итак, Кузнечик влюбился в Зеленую Лягушку. Не скажу, что с первого взгляда. Как это иногда бывает, все началось с поддразнивания. Когда Кузнечик продекламировал первую строчку своего нового стихотворения: «Умеет ли кто-нибудь так петь, как я?» — и умолк, подыскивая рифму для следующей строки, Зеленая Лягушка высунула голову из затянутого водорослями мочила и проквакала:

— Куда красивей звучит мое ква-ква!

Кузнечик, разумеется, не мог остаться в долгу и продолжал:

— Когда песня начинается моя...

Но у Зеленой Лягушки уже была готова ответная строка:

— Она глохнет, когда раздается мое ква-ква!

И так они поддразнивали друг друга день, другой, пока Кузнечик не понял, что влюблен — беззаветно, неотвратимо, навечно.

— До чего она остроумна! — восхищался Кузнечик. — И как хороша собой! И как она сумела приноровиться ко мне: мой зеленый сюртук и ее зеленое платье. Я влюблен, я люблю и буду любить вечно.

И Кузнечик принялся сочинять поэму о любви. Рано утром, протерев глаза, он стал думать и соображать, как бы ярче выразить свои неповторимые чувства, каких еще не испытал никто на свете.

До полудня он отчеканил несколько строк и, убедившись, что солнце уже стерло росу с листьев, вышел на балкон своего дома и начал декламировать:

— Умеет ли кто-нибудь так любить, как я?

Но Зеленая Лягушка, видимо, только и ждала этого. Она уже сидела на листе кубышки и своим крикливым голосом, казавшимся Кузнечику музыкой, проквакала:

— Ты что-нибудь сказал? Ква-ква!

— Эх ты, маленькая плутовка! — Кузнечик погрозил Лягушке длинным рожком. — Когда сердце мое в груди стучит...

— Ква-ква, земля тогда гудит! — Громко рассмеявшись, Лягушка размашисто нырнула в воду.

Кузнечик вздохнул и, подождав, пока его возлюбленная не появилась снова, продолжил поэму о любви:

— Словно целый оркестр звучит...

— Ква-ква-ква... — заквакали враз все обитательницы мочила, сестры и кузины Зеленой Лягушки, которым она уже тайно шепнула о Кузнечике.

Можно подтрунивать друг над другом, почему бы и нет. Вначале каждый влюбленный, даже если он поэт, будет только восхищаться этим, и милые шуточки возлюбленной будут казаться ему умнее острот самого Бернарда Шоу.

Но и любимая девушка должна знать, что, если переступить известную границу, в сладкое вино чувств возлюбленного может упасть капля горькой полыни.

Ой, ой, ой, не знала этой границы Зеленая Лягушка! Может, она была слишком уверена в своей красоте, может, она слишком возомнила о своем остроумии, которое так нравилось вначале Кузнечику, а может, она была недостаточно умна, чтобы понять, что нельзя одни и те же шуточки повторять изо дня в день.

И когда Кузнечик однажды продекламировал самое восторженное место в поэме:

— Никто на свете не умеет любить, как я...

Зеленая Лягушка опять перебила его своим «ква-ква-ква».

Но на этот раз он не погрозил ей рожком, не назвал плутовкой, даже не улыбнулся своей возлюбленной. Нет, он сердито прыгнул на другой лист и весь день мрачно молчал.

Теперь-то Зеленая Лягушка должна была понять, что терпение Кузнечика может лопнуть, и перестать дразнить его. Может быть, жизненный опыт чему-нибудь научил ее, и в другой раз она будет умнее и не повторит ошибки, которую совершила на другой день после немой ссоры, когда Кузнечик, успев за ночь отойти и все простить, сердечно пожелал ей доброго утра и прочел новую строчку из своей поэмы:

— Умеет ли еще кто-нибудь прощать так, как я!

И, представьте себе, что сделала эта ветреница? Она выпалила:

— Другого нет такого дурака, ква-ква!

Дорогой читатель, что сделал бы ты, если бы твоя суженая назвала тебя дураком? Будь у тебя хоть чуточку собственного достоинства, ты бы повернулся кругом и, не простившись, ушел быстрым шагом. А если объяснение состоялось бы в комнате, ты даже с треском хлопнул бы дверью.

И вот у Кузнечика, который сознавал, какой он талант и какое он занимает место в мировой литературе, в решающую минуту хватило духу побороть нежные, но сильные чувства и ускакать прочь. Он все скакал и скакал, пока скакать уже было некуда: дорогу преградила широкая река. Поскольку и здесь росла ольха, он решил поселиться в ее ветвях и начать новую жизнь.

Кузнечик зарекся никогда не давать сердцу воли в таком чувстве, как любовь. О любви он больше и слышать не хотел.

Но, как назло, ему случилось поселиться неподалеку от жилья Малиновки. И как только наступало утро, она заводила свою песню.

О чем? О любви!

Она пела, что любит реку, неустанно текущую к морю, черемуху, сыплющую весною в реку белые лепестки, месяц, который по ночам перекидывает через реку мост и каждое утро убирает его.

«У нее очень приятный голос.— Кузнечику начало нравиться пение Малиновки.— Да, это тебе не кваканье Зеленой Лягушки,— начал он сравнивать через некоторое время.— Она великолепна! Какая утонченность, какое богатство оттенков! И как скромно одета! Да, такой вкус говорит о врожденном благородстве. Ну, конечно, она же не какая-нибудь обитательница льняного мочила».

С этой мыслью Кузнечик заснул, но, проснувшись утром, почувствовал, что влюблен. Влюблен безрассудно, неотвратимо, навечно.

Об этом, разумеется, надо было сказать и Малиновке. И не как-нибудь, а как положено поэту признаваться в своих чувствах невесте — в лирическом посвящении.

И Кузнечик сочинил новую поэму о любви:

— Кто на свете прекрасней тебя?
Глядя на тебя, я вижу себя.

Так как Кузнечик был безумно влюблен, то ничего больше сочинить не мог и весь день стрекотал эти две строчки.

Но, когда настал вечер, Малиновка опять пела о реке, о черемухе, о месяце.

«Может, моя любовь безнадежна?» — забеспокоился Кузнечик, но тут же решил не падать духом — он ведь поэт и знает, что неприступных сердец, как и крепостей, не бывает. Те, которыми не удается овладеть приступом, можно взять осадой. И он изо дня в день стрекотал свою поэму, которую дополнил двумя новыми строчками:

— К реке, месяцу и черемухе буду тебя ревновать.
И петь перестану, если не захочешь женой моей стать!

Кузнечик оказался настоящим чародеем в сложных сердечных делах: через неделю Малиновка согласилась стать его женой. И Дятел выдолбил их имена на коре самой статной ели.

Ах, как согласно они прожили бы до глубокой старости, отпраздновали бы медную, серебряную и, бог дал бы, даже золотую свадьбу, если бы не злые человеческие языки, разбившие уже не один счастливый брак даже у своих ближних!

Надо же было повадиться на реку двоим — Ему и Ей. Надо же было им ходить сюда каждый день и просиживать до полуночи!

Нет, вначале Кузнечик вовсе не проклинал их. Его даже поразили их огромные литературные познания. Прислушавшись к стрекоту Кузнечика, Она спросила:

— Ты слышишь?

А Он ответил:

— О, это ведь большой поэт — Кузнечик!

Она положила голову Ему на колени и, какое-то время помолчав, заговорила:

— Мне кажется, он поет о любви...

— Да, о любви... в самом деле о любви,— подтвердил Он и закрыл ей рот поцелуем, так что дальнейший разбор поэзии Кузнечика стал невозможным.

Он и Она оказались также любителями музыки, ибо, когда начинала петь Малиновка, они с таким увлечением слушали ее, что на несколько минут даже забывали целоваться.

И Кузнечику пришлось пережить тяжелое разочарование. Они, оказалось, все же не умели ценить поэзию, через несколько дней Она сказала:

— Стрекот Кузнечика начинает мне надоедать.

— Мне вообще быстро надоедает поэзия,— ответил Он.

— Зато мне все больше нравится пение Малиновки,— похвалила Она Малиновку.

— Только абсолютному тупице может надоесть песня Малиновки,— согласился Он с Ней.

РАССКАЗЫВАЕМ О ПРИВЫЧНОМ

БУКВЫ ДУШИСТОЙ АЗБУКИ

А. ДЕНИСОВ

Мы вдыхаем аромат яблока. А почему оно пахнет? Что мы знаем о запахе?

«ЛЮБЫЕ ДЕНЬГИ ЗА ФЛАКОН БЛАГОВОНИЙ!»

В начале 20-х годов мир облетела сенсационная новость: археологи обнаружили гробницу египетского фараона Тутанхамона. В каждой комнате огромной усыпальницы ученых подстерегали открытия и неожиданности. Но одна строка в их отчете буквально потрясла людей, профессия которых бесконечно далека от археологии: «...мы почувствовали удивительный аромат благовоний, пролежавших три тысячелетия под землей». Этими людьми были парфюмеры.

После опубликования отчета к руководителю раскопок — английскому археологу Картеру — одно за другим пришли несколько писем, отпечатанных на фирменных бланках крупнейших парфюмерных фирм: «Любые деньги за флакон благовоний!»

Парфюмеры надеялись с помощью химиков расшифровать секрет удивительной стойкости запаха душистых масел древних. Но увы... Эта тайна гробницы так пока и осталась нераскрытой.

Существует несколько десятков научных теорий запаха, но нет единой, общепризнанной. Нет обобщающей формулы, хотя ученым удалось подметить и проследить некоторые закономерности.

Душистые вещества — это органические соединения, в которых всегда присутствуют особо активные группы. Исследователи ухватились было за эту зависимость, однако оказалось, что группы могут быть разными, а запах одинаковым, больше групп — однако запах как бы затухает или исчезает вовсе.

Пытались классифицировать душистые вещества просто по запаху. Его «рассыпали» на гамму — семь основных звучаний. Некоторое время в ходу была теория, что все многообразие ароматов — лишь композиции, так сказать, благоухающие аккорды. Однако нотная азбука оказалась такой же условностью, как и названия нот: камфарный, мускусный, цветочный, мятный, эфирный, острый, гнилостный. Сегодня известно около 300 оттенков запаха, которые все еще не удается уложить в стройную систему.

Единственная твердо установленная закономерность — зависимость душистых свойств от величины молекулы.

В поиск теории запаха ученых ведет не праздное любопытство. Расшифровав пока еще таинственные закономерности, химики научатся предсказывать ароматные свойства нового вещества. Или же диктовать синтетикам молекулярную формулу соединения с заранее предугаданным запахом.

«ТЕРРА ИНКОГНИТА»

Эксперименты с насекомыми показывают удивительные результаты. Почти фантастические. Самец бабочки находит свою подругу на расстоянии свыше десяти километров. Самые точные, самые скрупулезные расчеты говорят, что ориентиром для него служит одна молекула пахучего вещества в кубическом метре воздуха. Это меньше, чем капля воды, затерявшаяся в полноводной реке.

Запах способен передавать самые необычные сведения. Например, насекомые по каким-то неизвестным нам особенностям запаха, не прикасаясь к поверхности предмета, узнают о его форме. Ученые говорят: «топохимическое чувство».

С теорией обоняния дело обстоит несколько лучше. Хотя это тоже «терра инкогнита» — земля неведомая,— по краям которой возвышаются два заявочных столба: теория физическая и стереохимическая.

Если верить физической, то благоухающая молекула, как крохотный передатчик, излучает электромагнитные волны. Каждый запах работает на своей волне. Попадая в приемник — чувствительную клетку органа обоняния,— волна передает информацию в мозг.

Стереохимическая теория несколько сложнее. Суть ее в том, что каждый рецептор (так называют окончание нервного канала) реагирует только на молекулу определенной формы. Иными словами, рецептор — хитроумный замок, к которому подходит один единственный ключ.

Огромная неизведанная страна раскинулась между заявочными столбами двух теорий. Но какое направление будет истинным? Откуда мы войдем?

Если подтвердится физическая теория, перед нами раскроется удивительный по тонкости механизм передачи информации. Разгадка тайны «приема — передачи» запаха позволит смоделировать

Люди, люди, знаете ли вы, какой яд зависти вы влили в сердце Кузнечика? Видимо, и Малиновка не подозревала этого, ибо, подслушав их разговор, она начала свой концерт часом раньше и рассыпала такие рулады, которым позавидовало бы самое искушенное сопрано в мире.

Кузнечик поборол в себе низменные чувства и решил на другой день ошарашить их новой тематикой и свежими рифмами. Но они, наверно, оглохли, и слух вернулся к ним только для того, чтобы слушать Малиновку и расхваливать ее не хуже завзятых критиков.

— Послушай, жена! Не пой ты им!— надувшись от злости, крикнул Кузнечик Малиновке.

А Малиновка даже не ответила ему, потому что взяла высокое «до», которое хотела повторить шесть раз.

— Великолепно!— воскликнула Она.

— Прямо хочется аплодировать!— добавил Он.

— Жена, говорю же тебе, не пой ты этим невеждам!— занервничал Кузнечик.

Ах, Малиновка, почему ты не замолчала и не подумала о том, что ради непостоянной славы не стоит ставить на карту семейное счастье и рисковать любовью Кузнечика? Не будешь ли ты потом жалеть всю жизнь? Опомнись, опомнись, безумная, ибо критики, которые сегодня льстят, могут завтра тебя поносить или, что еще хуже, совсем забыть о тебе. Но я вижу, что мои предостережения напрасны, ты не первая, которая не умеет вовремя уйти со сцены.

Да, Малиновка не замолчала, и Кузнечик впервые поступил, как настоящий мужчина. Он выбранил жену самыми скверными словами, обидными для любой женщины, даже если ее ругают заслуженно. Может быть, Малиновка тоже обиделась бы, но она не слышала Кузнечика, потому что на этот раз хотела во что бы то ни стало вывести высокое «до» двенадцать раз вместо обычных шести.

— Чего там бормочет этот Кузнечик и мешает! Мешает концерту Малиновки!— с досадой воскликнула Она.

— Милая, если он тебе мешает, то я заберусь на дерево и поймаю его,— решительно сказал Он и вскочил.— Кузнечика я завтра на крючок насажу. Голавли очень жадно клюют их,— добавил Он.

— Так! Значит вот до чего докатилась наша культура — поэта променивают на голавля. И для таких моя жена поет! Теперь я вижу, что она никогда меня не любила. Ее привлекали лишь мое звание поэта, моя слава. Так прощай же, пой себе на здоровье!— воскликнул Кузнечик и, спрыгнув с ольховой ветки, проворно кинулся к лесу.

На опушке леса, правда, пахло багульником, но Кузнечику теперь было не до этого. Может, так даже лучше: в дурмане багульника он не почувствует острой боли, которую оставила в его душе поруганная любовь.

Утром он проснулся поздно. Ныла голова, но сердечная боль как будто притихла. Надо бы опять сочинять, но о чем петь певцу любви, когда некого любить?

«Может, взяться за составление собрания сочинений?— рассуждал он.— Но нет, я ведь еще не так стар и не так влиятелен. Я могу еще надеяться на избранное».

И Кузнечик начал читать свои лучшие стихи, которые думал включить в избранное. Он читал и читал, пока не услышал нечто вроде вздоха, а чуть погодя нечто вроде шепота:

— Ах, как хорошо!..

Сколько восхищения и восторга прозвучало в этом слабом шепоте! Что за нежный, медово-сладкий голосок!

И вот Кузнечик увидел ее — маленькую бурую Ящерку, которая лежала на пне и с обожанием смотрела на него сияющими глазами.

— Тебе нравятся мои стихи?— улыбнулся ей Кузнечик.

— Ах, как хорошо...— прошептала Ящерка.

И еще Кузнечик видел, как она иногда утирала маленькой лапкой глаза.

Ну, скажите сами, разве можно не влюбиться в такое нежное, в такое трогательно чуткое создание? Нельзя, скажете вы, и этим самым отгадаете, что Кузнечик влюбился в Ящерку, на этот раз окончательно, неотвратимо, навечно. Это был самый счастливый брак, какой я знаю в писательских кругах. Кузнечик, правда, уже ничего нового не сочинил, но это и неважно. У него так много стихов, что он их все читает и читает своей Ящерке, а та только вздыхает и шепчет:

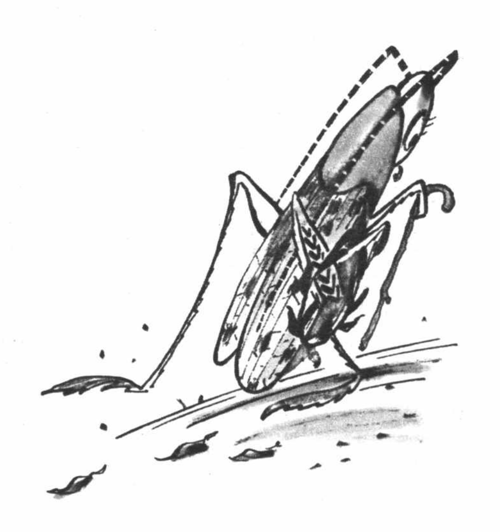
— Ах, как хорошо...

И трет маленькой лапкой глаза.

— А Кузнечик?— спросите вы.

Кузнечик все еще счастлив.

С латышского перевел Д. ГЛЕЗЕР

Рисунки В. ЧЕРНИКОВА.

простые, но очень емкие системы связи.

Если же восторжествует химическая теория... значит, по-прежнему мы будем зависеть от материальных носителей запаха — молекул душистых веществ.

Но тогда мы научимся управлять ароматом. Мир химии — мир резких, как правило, неприятных запахов — будет встречать нас нежным ветерком цветочных оранжерей.

ДУХИ, КОТОРЫЕ ЛЕЧАТ

Совершенно неожиданно для исследователей изученные, казалось, вдоль и поперек душистые растения преподнесли подарок: духи, которые лечат.

Сравнительно недавно советские биологи обнаружили в растениях комплекс необычных органических веществ — фитонцидов. Эти вещества — естественные ядохимикаты природы. Они отпугивают грызунов, убивают насекомых и микроорганизмы (в том числе и опасные для человека).

Состав фитонцидов разнообразен. В комплексе — среди эфирных масел и алкалоидов — можно встретить, например, синильную кислоту. Этот сильнейший яд содержит черемуха.

Каждый год раскрывают фитонциды все новые стороны своего характера. Оказывается, они еще и стимуляторы роста, но в то же время угнетают растения иных видов. Открытиям нет конца.

Но главное, что установлено совершенно точно: фитонциды — антибиотики. И если извлекать их вместе с эфирными маслами из растений, то духи и одеколоны будут обладать еще и лечебными свойствами.

Когда-нибудь исчезнет из больниц и клиник дурно пахнущая карболка. Дезинфицировать будут специальным одеколоном, разбрызгивая его с помощью пульверизатора. Раны и ожоги станут лечить нежно пахнущими примочками, стимулирующими регенерацию тканей. А кожные болезни — излечивать душистыми антибиотиками. (Кстати говоря, такой одеколон—лекарство от некоторых кожных болезней—уже выпускает парфюмерная фабрика «Северное сияние».)

Всем хороши душистые компоненты растений. Да вот беда: слишком дорого нам обходится зависимость от природы. «В грамм — добыча, в год — труды». Но разгаданная тайна природы — первый шаг к синтезу.

КАШАЛОТ В ПРОБИРКЕ

До конца XIX века химикам даже в голову не приходила дерзкая мысль—синтез душистых веществ. Органическая химия блуждала в потемках, приходила к открытиям на ощупь, вплоть до создания теории строения органических соединений, которая открыла эпоху направленного синтеза.

Одно из первых ароматных соединений синтезировал случай. Промывая кислотой колбу с остатками реактива, лаборант услышал тонкий запах фиалки. Удача окрылила ученых, и, как грибы после дождя, посыпались в корзину парфюмерии сложные эфиры — имитаторы цветочных запахов.

Запах розы... Впервые его воспроизвел бета-фенилэтиловый спирт. Затем дециловый альдегид, потом нониловый спирт, наконец, гераниол. Запах становится все совершеннее, все ближе к натуральному. Но... дорого сырье, сложна технология. И химики не успокаиваются, пока не найден сравнительно простой метод превращения в розовое масло дешевых и распространенных продуктов переработки нефти.

Аналогичная история с заменителями мускуса: мускус амбровый, мускус-кетон, мускус-ксилол, тибетолид...

Амбру, которую добывали до этого из желудков кашалотов, заменил амбриаль. А совсем недавно советские химики синтезировали амброксид — соединение в десятки раз более эффективное.

В наши дни искусственный запах не чудо, а плановая тема научно-исследовательских институтов. Результаты их поиска оценивает высший судья — экономика. Она взвешивает и сравнивает, что выгоднее: строить завод или по-прежнему извлекать из природных продуктов золотые молекулы.

КОКТЕЙЛИ ОРГАНИКИ

Один из самых богатых источников синтетических ароматов... скипидар. Тот самый, что испокон веку выделяют из смолы хвойных деревьев. Сотни лет он работал в незамысловатом амплуа растворителя. Наш век перевел его на главные роли в химии, дал прозвище коктейль органики.

Скипидар — сложная смесь углеводородов. Стоило только рассыпать его на составляющие части, как за каждую жадно ухватились химики. Они нашли здесь сырье для ядохимикатов и каучука, лекарств и душистых веществ. Скипидар, с точки зрения синтетика,— чудесная шкатулка богини Пандоры, с той лишь разницей, что вылетают из него только ценные продукты да дивные ароматы.

Во Всесоюзном научно-исследовательском институте синтетических и натуральных душистых веществ из терпкого скипидара извлекли целую оранжерею: запах цветов, сирени, лимона. В другом институте — органической химии имени Н. Д. Зелинского — не менее удивительные превращения претерпел тяжелый запах нефти: фиалка, ландыш, роза, гелиотроп...

Природа прижимиста. Попробуй-ка отними у нее запах земляники, свежей зелени или душистого сена!

Каждый год все причудливее сплетается букет парфюмерии. Современные духи — это уже не капля розового масла, растворенная в спирте, а сложная смесь.

Монтаж такой композиции — хитрейшая штука. Пожалуй, более сложная, чем сборка электронной схемы: комплексный аромат не поддается расчету. Он и наука и искусство.

Все компоненты — а их несколько десятков — должны шагать в ногу. Чуть сбился один — рассыпается весь строй. Например, в концентрированном виде некоторые душистые вещества не только не благоухают, а— как бы это помягче выразиться — пахнут невесть какой гадостью. Разведенные приобретают запах цветов.

...Комната, широкий стол, за которым сидят 10—15 человек, перед каждым листок бумаги. Дегустационный совет парфюмерной фабрики придирчиво внюхивается в новый аромат. Совет решает: «Быть или не быть?» По старинке и всегда ли объективно? Но давайте чуть-чуть приоткроем дверь в недалекое будущее. Придумывать композиции, отбирать наиболее удачные сочетания будут электронные машины. А «искусственный нос» — в него можно заложить опыт и знания десятков дегустационных советов — объективно оценит новизну и качество запаха. Минуты понадобятся электронным машинам для «сбивания» душистых коктейлей...

Рисунки В. ГОРЯЕВА.

я ей тихо, чтобы не привлекать внимания посторонних.

— Сейчас неудобно,— отвечает она и смотрится в зеркальце, для независимости, стало быть.

— Мне удобно,— говорю я и показываю, между прочим, полицейский значок.— Не угодно ли пройтись?

И тут происходит такое, чего раньше в моей практике никогда не бывало. Дамочка идет с нами, даже не пикнув. Мы с Путориусом отводим ее в нашу контору и начинаем допрашивать. Она сразу смекнула, что с нами лучше не темнить. Итак, мы выяснили, что она всего лишь час назад смазывала штемпельной краской подушечку для печати. Она работает секретаршей и потому постоянно обязана заботиться о директорской печати и прочих штучках. Мы взяли пробу краски с пальцев девушки, и наш ловкий алхимик Цикл за четверть часа установил, что это именно та краска, которой были проштемпелеваны кое-какие места госпожи Барбатус. Преступление раскрылось. Нужно было достать лишь парочку дополнительных свидетельств. Какой завод изготовляет эту штемпельную краску?

— Нам необходимо получить всю бутылку,— говорит Путориус.

— Она у директора в шкафу,— отвечает задержанная.

И тут я, между прочим, тоже замечаю, что она дьявольски красивая или, как это называется, обтекаемая такая, ну, словом, классная. Зовут ее Маммилла. Здорово так подкрашена и пахнет роскошно. Просто черт побери, как роскошно пахнет! Мы с Путориусом требуем у нее бутылку, но она, смотрим, колеблется. Боится, видно, получить расчет и вообще опасается неприятностей. Тогда мы сговорились с Путориусом, что придем в ее контору, когда там будет пусто. Вечером или ночью. Она сказала, что у нас нет ключей. Да нам ключи и не потребуются. Путориус открывает без ключа любой замок. Потом эта девушка (или дамочка, кому как больше нравится) дает нам клятву держать язык за зубами. Еще она пообещала Путориусу сходить с ним как-нибудь в ресторан. Но тут я живо прервал их болтовню и сказал, что свидетельница свободна и может идти к себе на службу. Она ушла чуть не плача, оттого что опоздала после обеда на три часа. Но меня это нисколько не волнует, ведь каждый

ОБ ЭТОМ ПОМА

Глава шестая

Следствие по делу об ограблении ювелирного магазина Барбатуса велось весьма энергично уже три месяца. Как и раньше бывало, ценные побочные продукты получались в изобилии. Свободных граждан свободной страны сажали под арест. Газеты печатали экстренные выпуски, а некоторые члены парламента срочно уезжали в отпуск.

Мое сыскное бюро подводило первые итоги расследования. Я сохранил как редкостные документы донесения моих сыщиков, записанные на магнитную пленку, и сейчас передаю их слово в слово. Вот, например, рапорт М а р к а - Д у б и н к и:

«Это — скверное дело, господин министр. Но теперь оно проясняется. На печати ювелирного магазина Барбатуса была штемпельная краска завода «Муска». Откуда я знаю? Я изучил это дело. Ну вот. Конечно, я могу рассказать все по порядку, с самого начала. Я исходил из того, что надо двигаться по узкой линии, чтобы не было напрасных арестов. Итак, я сидел в кабаке и потихоньку исследовал карманы, портфели и сумочки посетителей. Ни одной печати. Чего другого — пожалуйста. Фальшивые доллары, контрабандная губная помада, поддельные закладные, лак для ногтей и прочая интимная дрянь. И то неплохой результат: задержано двенадцать человек. По крайней мере не зря пачкал руки.

И вот я опять сижу в кабаке. Но на этот раз мы вдвоем. Босс разрешил мне взять с собой Путориуса. Это тот самый парень, который тогда, помните, раскрыл торговлю наркотиками. Ну вот. Сидим мы в кабаке, и Путориус угощает. Балакаем о погоде, о бабах и о футболе. И вдруг Путориус говорит:

— Марк, ну-ка погляди на эти руки.

Я гляжу. Гляжу только на руки и ни на что больше, господин министр. Чертовски красивые руки. Такими руками можно играть хоть на пианинах, хоть на чем угодно. Пальцы тоненькие, в маникюре. И тут я замечаю, что на пальцах — следы штемпельной краски.

— Вы арестованы, барышня,— говорю

гражданин обязан помогать суду и следствию. Иначе какой же дьявол ликвидирует в нашей стране преступность, если все вечно торопятся? Это моя философия.

Как только Маммилла ушла, мы с Путориусом начали совещаться. Вот мы, значит, сидим в кабаке. Между делом еще двоих арестовали. И тщательно планируем операцию «Штемпельная краска». Дело, по-видимому, осложняется. Это оттого, что сейчас в Лаконии поспела черника и люди ходят с черт-те какими руками. Поди разбери тут, кто собирал чернику, а кто пользовался штемпельной краской. Но нас не проведешь. У нас имеются направляющие нити. Скоро и печать и подушка будут доставлены к Циклу на экспертизу. Мы с Путориусом должны дождаться лишь вечера. А пока у нас еще есть время пропустить законно по стопке виски.

Эта контора находится в самом центре Палинодии, на улице Мультум. Это банкирская контора, где о деньгах говорят с почтением. Ночной сторож, оказывается, знакомый Путориуса. Он впускает нас на лестницу, а нам больше ничего и не

П р о д о л ж е н и е. См. «Огонек» №№ 27, 28.

нужно. Я держу наготове пушку, а Путориус работает отмычками. Все идет, как часы. Подходим к кабинету директора. На двери табличка: **«Капра Гиркус, генеральный директор. Прием только по предварительной записи»**. Нам смешно. Путориус действует отмычкой. Да, это искусство, надо вам сказать! И не какая-то там абстрактная чушь, а настоящее искусство! Путориус мог бы отлично жить, посвятив себя профессии взломщика,— так мастерски владеет он отмычкой. Но он не хочет становиться на скользкий путь. Он предпочитает служить закону и справедливости, как все порядочные полицейские. Он считает, что в такой стране, как Лакония, будущее принадлежит полиции. Мы открываем дверь и входим. Перед кабинетом директора небольшая прихожая. Мы входим тихо-тихо, как монашки в воду. Не говорим ни слова, прислушиваемся. Дверь в кабинет приоткрыта, и за нею слышны голоса. Скоро нам становится ясно, что за банковские дела дебатируются там. Сам директор Капра Гиркус занят весьма срочными и неотложными делами с мисс Маммиллой.

— Не будем им мешать,— говорит Путориус,— это неделикатно.

— Противно,— говорю я.— Терпеть не могу смотреть, когда другие крутят шуры-муры.

— Ежели в меру, то шуры-муры здоровью не вредят. А даже способствуют.

— Ах, в меру! Ну, знаешь ли, я просто не в силах больше сдерживаться. И потом полиция вовсе не обязана быть деликатной. Мы стоим на страже права и безопасности родины. За то нам и жалованье платят.

С этими словами я первый решительно вхожу в кабинет Капра Гиркуса и показываю служебный значок. Путориус входит следом за мною, немного смущаясь. Ему неловко оттого, что он договорился с Маммиллой о встрече в другом месте. Я, конечно, вижу, что мы все тут мешаем друг другу, точно десять заповедей, но я должен выполнять свой долг. Между прочим, конечно, извиняюсь и ставлю вопрос ребром: какой штемпельной краской пользуются в этом доме? Маммилла чуточку смущается, а Капра Гиркус грозится подать в суд. Я ему, со своей стороны, тоже судом пригрозил. Хотя, между нами говоря, конечно, я-то знаю, что прелюбодеяние в Лаконии, а особенно в Палинодии,— дело весьма обычное, и в течение десятилетий никого за это не наказывали. Ну, короче говоря, банкир идет к шкафу, открывает его и рявкает:

— Фирмы «Муска».

Я беру бутылку краски и печать. Затем я опять же извиняюсь, и мы с Путориусом удаляемся. На улице Путориус говорит мне:

— Тоже нелегкая, видать, эта банкирская работа. День до вечера, да и по вечерам покоя не дают. Но эту фифочку я больше не хочу видеть.

Я не люблю сентиментальности. Поэтому я советую Путориусу выкинуть из головы всех баб и думать только о деле. Придя в нашу контору, мы разбудили Цикла и дали ему на анализ печать и краску. Затем коротко докладываем боссу. А босс аж вспотел весь. И говорит, что нам может выйти хана. Капра Гиркус — активист нашей партии и друг министра полиции. Нам могут всыпать чертей, говорит. Не за то, говорит, что мы взяли печать и бутылку краски, а за другое. В наших законах, говорит, есть такая статья, согласно которой прерванное наслаждение приравнивается к серьезным телесным увечьям. За это могут дать срок или наложить большой штраф. Плевать на Маммиллу, говорит, но там был Капра Гиркус! Босс, конечно, признает, что Капра Гиркус неважный банкир и дрянной вообще человечишка, но он большой активист нашей партии, а это все кроет.

Но я отбрасываю сантименты прочь. Главное, мы установили, что это — изделие завода «Муска». Я дал взятку — пять тысяч долларов — и получил возможность обследовать завод. Производство пришлось приостановить, и мы опросили весь персонал. Нами установлено, что в текущем году на заводе были украдены разновременно пять бутылок штемпельной краски и две подушечки. Технический директор завода подозревает, что здесь орудовала шайка воров, руководимая и оплачиваемая из-за границы. Или же все это козни рептилий. Они хотят спровоцировать нас, наплевав на закон и справедливость. Но я не отступлю. Я сжимаю кольцо, и я еще покажу, чего стоит Марк-Дубинка. Еще парочка хороших арестов — и чернильные воры будут накрыты. А тогда уж мы сможем начать серию расследований, с тем чтобы окончательно распутать историю ограбления ювелирного магазина. Теперь, во всяком случае, ясно, господин министр, что это краска завода «Муска».

Я не хочу хвалиться, но, право же, я действовал в соответствии с указаниями. Мне пришлось нанимать и оплачивать несколько сот временных сыщиков и прочий персонал. Словом, мои расходы составляют на сегодня немного больше двадцати тысяч долларов. Очевидно, надо представить счет хозяину ювелирного магазина, который заварил всю эту кашу. У меня такое чувство, что преступники с минуты на минуту будут в наших руках. Я имею в виду похитителей штемпельной краски. И уж они так дешево не отделаются. Тут вполне может выйти шпионское дело. Так что можно заранее готовить электрические стулья. Все вышесказанное я клятвенно подтверждаю и заверяю моей полицейской честью и совестью. У меня нет иной цели, как говорить правду и только правду — на благо отчизны, во имя закона и справедливости...»

* * *

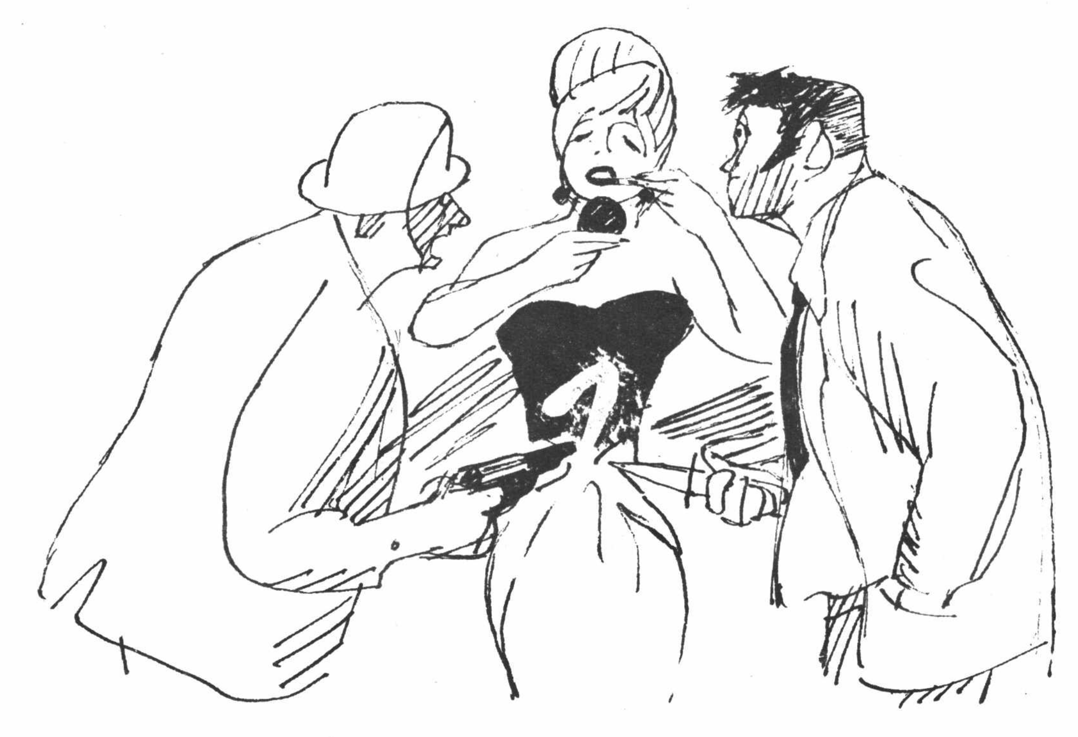
Рапорт Марка не нуждается в комментариях. Он честен без прикрас, как народная песня Лаконии. Приглядитесь к нему. В нем открываются дремучие глубины истинно народного мышления стопроцентного лаконийца. В этой чистой душе можно сеять все, что угодно, и все прекрасно всходит. Именно такие люди необходимы нашей лаконийской свободе и демократии. Было бы несколько рискованно давать оценку интеллектуальным способностям Марка-Дубинки, поскольку и он ведь является признанным активистом нашей партии. Впрочем, у него бывают даже собственные мысли, потому что он никогда ничего не читает. Среди у г р е й он пользуется доверием, хотя ему случалось иногда по ошибке сажать за решетку своих. Ничего подобного не могло бы, разумеется, случиться в Финляндии, где гражданская ответственность воспитывается еще с пеленок.

Глава седьмая

С е к с т - К о с о г л а з ы й не принадлежал к монголоидной расе, и его кличка имела совершенно иную подоплеку. Глаза его отличались особой неправильностью преломления: когда он обращал взор направо, он видел то, что находилось слева, и наоборот. Секст был исключительно образованный человек, превосходный следователь, с тонким чутьем. Он не считал пистолет синонимом справедливости, а потому вообще отказался носить оружие. Зато у него в кармане всегда имелись наручники и маленький сосудец с эфиром, которым Секст-Косоглазый при надобности усыплял задержанных. Находясь в разъездах, он, подобно апостолу Павлу, отправлял отовсюду послания в разные адреса, чаще всего, однако, домой, где о нем скучала жена и одиннадцать детей.

Три месяца Секст изучал интереснейшее преступление Лаконии и вот, наконец, представил следующий доклад:

«Светлые плащи задали много хлопот, но мое патриотическое рвение ни на минуту не ослабевало. Теперь уже можно

сказать с уверенностью, что на грабителях были плащи либо фирмы «Акантия эт Эктобиус», либо «Арвалис К°». Материал — английский поплин, ткань с густой тонкой основой и значительно более грубым и редким утком; выработана из египетского хлопка и мерсеризована; импортирована в текущем году. Импортн. лицензия Л. Ц. 541/678—1958. Цены плащей колеблются, так как большое количество их реализовано с уценкой по распродаже и через магазины подержанного платья. Универсальный магазин «Атропос» роздал свыше пятисот таких плащей бесплатно всем клиентам, которые приобрели в «Атропосе» автомашину, десять телевизоров или же автофургон стирального порошка. За истекший квартал нами было задержано пять тысяч четыре человека, имевших на себе или при себе подозрительные поплиновые плащи. Из них арестовано сто восемьдесят человек, коим будут предъявлены обвинения, между прочим, в совершении следующих преступлений: занятие проституцией (при прежнем правительстве) в государственных служебных помещениях; использование государственного имущества (при прежнем правительстве) для своих частных выгод; нарушение валютного режима; взяточничество и подкуп; ложные доносы и клевета; антилаконийская деятельность при прежнем и при нынешнем правительстве; недозволенная знахарская практика в высшем обществе и купля ученых званий в иностранных университетах без специального разрешения, выданного Государственным банком Лаконии.

Неделю тому назад я был почти уверен, что преступление раскрывается. Заранее дал сообщение в газеты и переехал с семьей в новую, просторную квартиру. Ведь направляющие нити были у меня в руках, оставалось лишь арестовать преступника. Я встретил на улице прохожего со светлым плащом в руке. По характеру ткани и фасону я тотчас опознал изделие «Арвалис К°». Мне сразу показалось, будто прохожий что-то прячет. Возможно, на плаще были пятна штемпельной краски, ружейного масла или крови. Я стал выслеживать его. Нанял две дюжины бастующих государственных сыщиков. Они следили за каждым шагом преступника. Арестовывать незнакомца на данном этапе пока еще не стоило, поскольку мне хотелось схватить заодно и его сообщника. Я узнал все его личные данные: имя — Агрестис Агрикола, возраст — 45 лет, занятие — постоянно безработный, особые приметы — беспартийный, скрытный, среднего роста, темноволосый, буйный, жует жвачку.

С помощью маленькой хитрости я завладел плащом Агрестиса Агриколы. Он зашел пообедать в ресторан «Лукулл» — знаменитый институт обжорства, куда некоторые посетители заходят, чтобы обменять шляпу или пальто на лучшее. Захватив плащ Агриколы, я поспешил в нашу контору, и мы с Циклом тщательно исследовали его. Обнаружилось важное обстоятельство: на плаще имелись три пятнышка крови. Я немедленно дал объявление в газеты: «Полиция напала на след убийцы!» Газеты опубликовали портрет Цикла с интервью, в котором читателям подробно объяснено, что такое кровь.

В одном-единственном красном кровяном шарике содержатся миллионы молекул гемоглобина. Молекула гемоглобина имеет следующую формулу: $C_{578}H_{1203}N_{195}S_3FeO_{218}$. В молекуле только три атома серы и один — железа. Большую часть гемоглобина составляет глобин, а затем — соли железа, или гематин, молекулярная структура которого довольно проста: $C_{34}H_{34}N_4FeO_5$. Кристаллы гемоглобина лошади и человека совсем несхожи между собою, но гемоглобин мула напоминает в равной степени осла и человека, что, бесспорно, доказывает наше близкое родство по крови.

Была ли на плаще убийцы кровь человека? Будь этой крови побольше, ответить на данный вопрос не представляло бы труда: испытуемую кровь впрыскивают кролику — и кролик погибает. Но что, если пятнышко на плаще — всего лишь след плохо упакованной говяжьей печенки? Опять-таки мы выясняем это с помощью простого опыта. Вливаем кролику малую дозу человеческой крови. В крови испытуемого животного вырабатывается особое защитное вещество, антиген, борющийся против частиц человеческой крови. Кролику не нужна человеческая кровь, которая всегда содержит вредные примеси — либо алкоголь, либо иные яды. Итак, было ли найденное пятно пятном крови? Да, это, несомненно, кровь. Но мы еще не можем с уверенностью сказать, человеческая ли это кровь, или же обезьянья, или другого теплокровного животного. Пока исследования не закончены, полиция не желает публиковать более точные данные. Теперь можно лишь засвидетельствовать, что совершено убийство, и убийца будет схвачен с минуты на минуту.

За преступником продолжалась слежка. Я шел за ним по пятам и время от времени менял маскировку. Его приметы крепко запали мне в память. Вероятно, у него было нарушено кинестетическое чувство, отчего руки и ноги его действовали как-то вразнобой. Из этого я заключил, что он, несомненно, совершил умышленное убийство. Во всяком случае, он все время нес плащ на руке, по-видимому, что-то скрывая. На другой день Агрестис Агрикола вышел из дому примерно в пять часов утра. Поймав на улице такси, он крикнул:

— Поехали в Аллиум!

— Туда часа два езды,— сказал шофер.— Я не поеду так далеко.

— В Аллиум,— повторил разбойник и выхватил из-за пазухи пистолет.

Он сел рядом с шофером, и машина помчалась. Я двинулся за ними следом. Погода, казалось, раздумывала, полить ли дождю или проясниться. Машина с преступником мчалась впереди с бешеной скоростью, как будто предчувствуя беду. Еще немного — и добыча была бы в моих руках. И какая добыча! Прежде всего сто тысяч долларов за поимку преступника, а затем — слава и почет.

Мы приближались к Аллиуму — знаменитой столице преступного мира Лаконии, где многие добиваются удачи в жизни независимо от образования и заслуг. Я хотел было связаться по радио с полицией Аллиума, но отказался от подобной мысли.

Мы прибыли в центр города. Машина преступника свернула налево, так что мне пришлось — в силу моего досадного порока зрения — повернуть направо, чтобы не отставать от него. Машина въехала в тихий проулок и остановилась у входа в увеселительное заведение «Сильвер Сити», где женщинам запрещено появляться в мужских костюмах. Я приготовился к бою. В моем левом нагрудном кармане не дремали наручники, а в правом кармане брюк — сосуд с эфиром. Я знал, что они действуют, как часы, которые никогда не надо заводить. Сотворив крестное знамение, я призвал благословение неба на жену и детей, на себя и на свою маленькую подружку. Затем я вошел в «Сильвер Сити», разыгрывая полуслепого чудака ученого. В зале был только бармен — мужчина средних лет с красным шарфом на шее. Я сразу догадался, с кем имею дело. Красный шарф и светлый плащ: вот они, верные приметы!

Осторожно теребя фальшивую бороду, я заказал бутылку пива и, сев за столик, принялся читать философский трактат Альцедо Испида-младшего «История не повторяется». Превосходная вещь! Изданная удобным карманным форматом, книга стоит всего лишь полдоллара. Я вновь признал, что Альцедо Испида-младший умеет писать нечто такое, чего сам не понимает. И он при этом обвиняет своего читателя в неясности мысли. Нервы мои были напряжены. Испида утверждал, что история человечества читается по древним наскальным надписям и что она вся запечатлена в изрезанной извилинами коре человеческого мозга. Теперь я готовился к истории, которая никогда не повторится. Кому охота, чтобы она повторилась?

Разбойник, которого я выслеживал чуть ли не целую неделю, бросил на меня взгляд, полный презрения и ненависти. Демонстрируя пренебрежение к тихому книжнику, он несколько раз выстрелил в воздух. Это было конкретное презрение к культуре, которого в нашей стране гораздо больше, чем автомобилей и холодильников. Я постарался занять терпения у Испиды-младшего и подумал про себя: «Ну зачем ты балуешься своей пукалкой? Хорошо стреляет тот, кто стреляет последним».

Агрестис Агрикола спокойно подошел к бару, вынул пистолет из кармана, повертел им и воскликнул:

— Если вы двинетесь с места, я застрелю обоих!

Опять я оказался прав. У бандита была нарушена координация движений: он направил пистолет на бармена, а смотрел на меня, моргая правым глазом. Мускулы смеха у него с течением лет совершенно атрофировались. Разбойник потребовал у бармена кассовую выручку и стопку виски, чтобы спрыснуть сделку. Вот когда наконец я мог без труда взять его! Я нащупал в кармане орудия производства: наручники и эфир. Но в тот самый момент, когда грабитель опрокинул в горло стаканчик виски, бармен нагнулся и неожиданно выхватил пистолет. Однако бандит оказался проворнее. Он выстрелил бармену в грудь и с холодной усмешкой сказал:

— Ах, ты так, Вульпес! Теперь мы квиты. В прошлый раз ты обдул меня на тысячу долларов. Больше не сплутуешь. Еще минута — и ты покойник.

Бармен упал на стойку, стиснув грудь обеими руками. Я мгновенно включил миниатюрный магнитофон-портсигар, который всегда со мною, и записал на пленку его последние слова:

— За мной не пропадет, Агрестис... Квиты... Ты застрелил меня, но и я не остался в долгу... Ты выпил виски, болван, и не знал... что в нем... цианистый калий...

Спустя тридцать две секунды оба они были мертвы. Три человека всегда могут сохранить тайну, если двое из них умрут. Я приходил в отчаяние, ибо они открыли мне только часть тайны. Кто же был третий покойник, чью кровь мы нашли на плаще Агриколы? Это оставалось по-прежнему загадкой, давая мне четкую направляющую нить для продолжения расследования. Я поспешил в Палинодию, и тут химик-криминалист Цикл спутал мне все нити. Он установил, что бурое пятнышко на плаще вовсе не кровь, а какое-то другое вещество. Возможно, это был соевый соус, а может быть, выделения какого-нибудь млекопитающего. Следствие продолжается, и плащ в настоящее время отправлен за границу, в один из крупнейших иностранных центров криминалистики.

Мне сейчас нужна новая направляющая нить. Может быть, стоит взяться за красные шарфы? Я не могу сидеть сложа руки, пока преступление не раскрыто. Но прежде всего мне необходимо получить 22 тысячи долларов для уплаты по счетам. Я знаю, что наш клиент — состоятельный человек, готовый отдать все, чтобы довести до конца начатое дело. Когда он услышит, что двое бандитов уже прекратили бренное существование без помощи полиции, а третий разбойник скоро попадет в наши сети, то, я полагаю, он не станет скряжничать.

Настоящий рапорт я клятвенно подтверждаю и заверяю своей полицейской честью и совестью. У меня лишь одна высшая цель: говорить правду и только правду — на благо отчизны, во имя закона и справедливости...»

* * *

Господин Барбатус оплатил очередной счет сыскного бюро. Правда, не обошлось без ворчания. Он находил, что дело слишком раздувается. В тюрьмах уже начали жаловаться на нестерпимую тесноту. Но

когда я намекнул об этом премьер-министру, он коротко ответил:

— Тесные ботинки надевают с помощью ложки.

Пряча от людей свою злость, он всегда говорил скабрезности, облекая их в форму острот.

— Послушай-ка, мой добрый Лепус Тимидус,— сказал он по-братски после моего доклада о деле Барбатуса.— Счастье для Лаконии, что государственные сыщики бастуют: никогда еще у нас не раскрывали столько преступлений. И, что самое изящное в этом, казенные средства экономятся, поскольку работу сыщиков и прочие расходы по делу оплачивает частное лицо. Вот это, по-моему, настоящая свобода и демократия: раз мы поддерживаем частную инициативу, пусть и частный капитал хоть немного поддержит государство. Продолжай и дальше в том же духе.

Человек хоть верит не всему, что слышит, однако спешит повторить услышанное. Я вспомнил эту старую истину, когда Ламелла рассказала, что видела на жене премьер-министра бриллиантовое колье, похожее, как две капли, на украденное в магазине Барбатуса уникальное ожерелье «Якхос».

— Наверно, это просто хорошая копия,— сказал я.

— Достань его мне.

— Это невозможно.

— Для тебя нет ничего невозможного. Я хочу, чтобы ты добыл мне эту вещь. Мне хочется только посмотреть, не украдена ли она в магазине моего мужа.

Наш деловой разговор состоялся в постели, в минуту, когда на мужчину легко оказывать давление. Многие государственные решения принимались в постели! Ламелла умела вымогать. Она сказала, что начала писать мемуары, в которых я предстану симпатичным любовником. Она была не первой женщиной, которая надумала получать за свои грехи авторский гонорар, придав исповеди форму печатного произведения.

— Милый Лепус!.. Достань мне эту безделушку только на один день, только подержать, милый!

— Нельзя, нельзя,— сказал я резко, так как просто не мог придумать ничего более подходящего ни в тот момент, ни после.

В любви то и дело случаются недоразумения, возникает невольная или умышленная эксплуатация. И очень редко любовь бывает достойна своего имени. Постель может быть раем, но и гильотиной тоже. Здесь приносят ложные клятвы, опьяняются на короткий миг и просыпаются в похмелье. Гений всегда чувствует свою ограниченность — у глупца же нет этого неудобства. Любовь тоже безгранична. Она сметает преграды, для нее нет ничего невозможного.

— Милый Лепусик!.. Так ты достанешь мне колье? Только на время. Вот я завязываю на углу простыни узелок. Пусть он тебе напоминает...

С тем же успехом она могла бы сказать:

— Милый министрик! Если хочешь лучше запомнить, завяжи петельку на пальце, а если забудешь, надень петлю себе на шею...

Продолжение следует.

Сувенир

Вл. КРУПИН

Я привез из Латвии сувенир. Это легкая и изящная деталь — из тех, что применяют в станках и машинах. Пластмасса? Нет. Похоже, что она выточена из ценной породы дерева.

Есть люди, встречи с которыми ждешь годами. Знаешь их понаслышке. Встречаешь их имя на обложках солидных изданий. Видишь в киножурналах. И все-таки недостает личного общения, чтобы составить себе целостное представление о человеке, имя которого стало для тебя таким знакомым.

Очень давно я хотел увидеть академика Арвида Калниньша.

Первая встреча была заочной. Близкий мне человек болел туберкулезом. Знакомые посоветовали: напишите в Ригу, в Институт лесохозяйственных проблем Калниньшу. Он поможет: у них есть новое эффективное средство ПАСК. Письмо ушло. А в ответ вскоре пришла посылочка с лекарством.

ПАСК (парааминосалициловая кислота) спас жизнь не одному больному. Тысячи людей в нашей стране с благодарностью вспоминают А. И. Калниньша, С. Г. Гиллера и других создателей этого препарата.

И вот я в Риге. Улица Академияс. Здесь расположен целый комплекс новых институтов — органического синтеза, механики полимеров, химии древесины. И внешний вид и оборудование — модерн. В самом хорошем понимании этого слова. Калниньш возглавляет сейчас Институт химии древесины. Ему уже семьдесят, а замыслов хоть отбавляй. Подвижной, неугомонный, вечно с новыми идеями, он не забывает, однако, проверить, как внедряются в жизнь прежние институтские разработки и проекты.

Жизнь Арвида Ивановича Калниньша могла бы послужить благодатным материалом для романиста. Она полна драматических конфликтов и ситуаций.

Сын лесника, окончил политехнический институт на год раньше положенного срока благодаря своей одаренности и трудолюбию. Педагоги — академик Вальден и профессор Антропов — прочили ему большое будущее. Молодой химик рвался в науку. Но война (шел 1916 год) рассудила иначе. Калниньшу пришлось надеть форму сапера. Мировая война отняла у него два года.

Демобилизация застала Калниньша вдали от родного дома, на Украине. Арвид Иванович, не раздумывая, включился в созидательную работу Советской власти. Читал лекции по лесной технологии и химии в учебных заведениях Житомира. Работал одновременно в губсовнархозе.

1920-й. Белополяки оккупируют Волынь. Вместе с группой латышей — беженцев первой мировой войны — Калниньш возвращается на родину.

Война принесла Латвии много бед и опустошений. Добрая половина крестьянских домов была разрушена. Жили в землянках, сараях. Естественно, торопились поскорее построиться. Зимой крестьянин валил лес. Весной — распиливал. Летом древесина (еще влажная!) укладывалась в постройку. Оставалось оштукатурить ее, и можно справлять новоселье.

Радость была недолгой. Сырая древесина быстро поражалась грибными болезнями. Через год-другой новый дом требовал капитального ремонта.

Помочь разоренным войной и оставшимся без крова земледельцам взялся молодой доцент Латвийского университета А. Калниньш. Поиски эффективных средств защиты древесины от преждевременного разрушения, начатые в двадцатые годы, привели к созданию целой отрасли науки. «Консервирование древесины» — по этому учебнику А. И. Калниньша учатся теперь студенты-лесохозяйственники всей нашей страны.

Выдающиеся исследования молодого химика не могли остаться незамеченными в маленькой Латвии. Авторитет доцента Калниньша был чрезвычайно высок. И в 1925 году, когда в стране было создано так называемое «правительство специалистов», Калниньш назначается министром просвещения.

В его ведении в те времена находилась наука.

— «Ведать» было, собственно говоря, некем,— вспоминает Арвид Иванович.— Химией, механикой, биологией, физикой и другими точными науками занималось человек десять — двенадцать. А теперь вот только в институте, где я директорствую, полтораста научных сотрудников. Три доктора и двадцать один кандидат. Но работать тогда было не легче. Сменить бестолкового директора школы и поставить на его место хорошего специалиста было целой проблемой. За спиной бестолковых стояли такие силы, как взятка, богатая родня, связи.

Министром Калниньш пробыл недолго. Независимый специалист показался слишком независимым. К тому же он чересчур много мечтал о рискованных экспериментах не только в своей научной, но и в социальной области.

Арвид Калниньш ушел с головой в науку.

Латвия — страна лесов. Сосновые боры, ельники занимают пятую часть ее территории. Для латвийской буржуазии лес стал источником ее обогащения. Хищнические рубки — вот основной метод ведения лесного хозяйства. Разгулявшийся топор дровосека наводил Калниньша на грустные размышления. Он выступал в печати с призывами к бережному обращению с лесом. Безрезультатно. Слишком уж легко древесина превращалась в звонкую монету иностранной чеканки!

К социалистической идее приходят разными путями. Арвид Калниньш шел к ней из науки. Крупный ученый, исследования которого еще в 1930 году, по оценке мировых авторитетов, имели «эпохальное значение», в буржуазной Латвии так и не смог претворить в жизнь свои главные замыслы.

Одним из первых решений правительства Латвийской ССР было назначение А. И. Калниньша проректором Сельскохозяйственной академии. Энергии, с которой он взялся за дело, можно было только позавидовать.

...И снова война. Оккупанты припомнили профессору все. И просоветские настроения, и то, что он отстаивал закон об отчуждении баронских земель без вознаграждения. Фашистский листок «Национальная Земгалия» требовал 31 июля 1941 года «отстранить от должностей коммунистических профессоров А. Калниньша и других». Арвид Иванович был брошен в Рижскую центральную тюрьму.

Три года было вычеркнуто из жизни, из науки. Только в 1944 году, когда Рига стала свободной, он вернулся к педагогической деятельности, одержимый идеей наверстать упущенное. Наверстать и в теории и в практике.

Бывший военный сапер А. Калниньш принимает деятельное участие в восстановлении мостов через Даугаву, за что награждается боевым орденом Красной Звезды. Профессор Калниньш создает институт химии древесины, пишет новые учебники для вузов. Депутат Калниньш выступает организатором «Дней леса», добивается финансирования перспективных научных работ.

Список трудов академика А. И. Калниньша насчитывает 542 названия. 453 из них выполнены за последние двадцать лет. Читаешь названия его трудов и сразу замечаешь, что они нацелены на решение конкретных задач. Витаминная хвойная мука — добавка кормам сельскохозяйственных животных... Возможность получения фурфурола из древесины отходов и льняной костры... Лигно-волокнистые плиты из щепы... К развитию химической переработки древесины в Коми АССР...

Двадцать изобретений и открытий только за последние десять лет!

Проблемам лесохимии, рациональному использованию древесины и ее отходов Калниньш посвятил всю свою жизнь. Вполне понятно, что говорить об этом спокойно он не может.

— Хвоя, ветки, сучья, стружка, щепа, опилки — все, что сегодня практически выбрасывается, все это необходимо максимально вовлечь в дело! Если превратить в древесно-стружечные плиты и другие пластики хотя бы половину отходов, мы сможем вместо двух деревьев рубить только одно. Представляете, сколько лесов сохранится на земле!

А химия позволяет нам сделать много больше. Видите эту втулку? Из чего она сделана? Из опилок. Не из ценных пород, а из обыкновенной осины. Осина по традиции считается годной на дрова, да и то не самые лучшие. И вот из этого «бросового» дерева мы можем получать отличные пластики. Нужны, правда, клеящие вещества, чтобы опилки или стружки стали пластмассой. Где их взять? Извлечь из тех же лесных отходов. Поставьте эту осиновую втулку на место бронзовой, и она прослужит в три раза дольше.

Академик переходит к новым примерам. Рассказывает о пластифицированной облагороженной древесине. После химической обработки, кстати, вполне экономичной, береза, например, становится равноценной пластмассам, цветным металлам, красному дереву. Рассказ точен, насыщен яркими образами, убедителен—сказывается полувековой опыт публициста и популяризатора. И, что особенно важно, речь идет об исследованиях, которые внедрены или внедряются в жизнь.

Рижский способ гидролиза растительных отходов — опилок, подсолнечной лузги, торфа, кукурузной кочерыжки—применяется для производства кормовых дрожжей и сахара.

Фурфурол — ценнейшее сырье для химического синтеза. Под руководством А. Калниньша разработан метод получения такого сырья из отходов лесной и хлопковой промышленности. Цепочка эта тянется дальше — через соседний институт оргсинтеза в Фергану. Соседи — академик С. А. Гиллер и его сотрудники — создали технологию производства эндотала. Этот химикат вырабатывается теперь в Фергане. Он открывает дорогу на поля хлопкоуборочным комбайнам.

...Я прячу в карман втулку, подаренную мне академиком, и испытываю в этот момент двойное чувство. Радуюсь, что наконец встретился с ним. И сожалею, что наш разговор был таким коротким.

БОБРУЙСКЛЕС

Рига — морской порт...

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Набережная Даугавы.

Лео Вайдер — биохимик, представитель профессии, которая перемещается в наши дни из научных лабораторий в заводские цеха.

Вчера — школьники, сегодня — строители. Завтра эти ребят
Фадеева, Иван Яскевич, Лилия Слонис, Юрий Дзенис, Константи
и Галина Стефанова — будут работать на одном из самых со
предприятий — заводе химических реактивов в Олайн

ята: Галина
ин Виллюмс
овременных
не.

Мария Тронина, доярка совхоза «Вилце», не жалуется на своих подопечных: коровы знаменитой латвийской бурой породы дают по 3 400 литров молока в год.

Плявиньская ГЭС — энергетическое сердце Латвии.

«Юрас перле» — «Морская жемчужина» — так называется кафе в курортном городке Юрмала на Рижском взморье.

ДО СВИДАНИЯ, ЗЕМЛЯ!

Слова Анатолия **ИМЕРМАНИСА** Музыка Зинги **ТРАВИНОЙ**

1. Прощай, Земля!
В это утро раннее,
Быть может, навсегда
Прощаемся, Земля.
Нет, Земля!
Ты не верь в расстояния!
Вернутся к тебе твои сыновья.

Припев:

Марс, Венера, Марс, Венера, Марс, Венера!
Едут добровольцы звездной целины.
Марс, Венера, Марс, Венера, Марс, Венера!
Нам в дороге земные снятся сны.

Марс, Венера, Марс, Венера, Марс, Венера!
Едут добровольцы в звездные края.
Марс, Венера, Марс, Венера, Марс, Венера!
Здравствуй, Космос! Прощай, Земля!

2. Поверь, Земля,
Звездное сияние
Не сможет в нас убить
Твой алый свет, Земля.
Нет, Земля!
Из любого задания
Вернутся к тебе твои сыновья.

Припев.

3. Прощай, Земля!
В это утро раннее
Такой, как никогда,
Ты кажешься, Земля.
Нет, Земля!
Не прощай — до свидания!
Вернутся к тебе твои сыновья

Припев.

Двести шестьдесят призов и кубков — продукция спортивного «цеха» завода.

SK VEF

Марка «ВЭФ» достаточно хорошо известна нашему читателю. Телефонными аппаратами этого завода пользуется добрая половина граждан нашей страны. Что касается радиоприемников «Спидола» и «ВЭФ-транзистор», то они славятся далеко за пределами Советского Союза. И все же мало кто знает, как расшифровать эти три буквы.

Владимир Пименов, секретарь комитета комсомола предприятия (и, между прочим, мастер спорта по гимнастике), сказал нам:

— Официально «VEF» — это значит: «Valsts Elektrotehniska Fabrika» — «государственное электротехническое предприятие».

А Станислав Мелдерис, заместитель председателя спортклуба завода, внес поправку:

— «SK VEF» — это значит: «Veseliba Energia, Forma» — «Здоровье, Энергия, Форма».

Мы считаем наш клуб еще одним цехом предприятия. Этот цех укрепляет здоровье, вырабатывает энергию и бодрость, помогает каждому вэфовцу, независимо от возраста, сохранять форму и хорошее настроение.

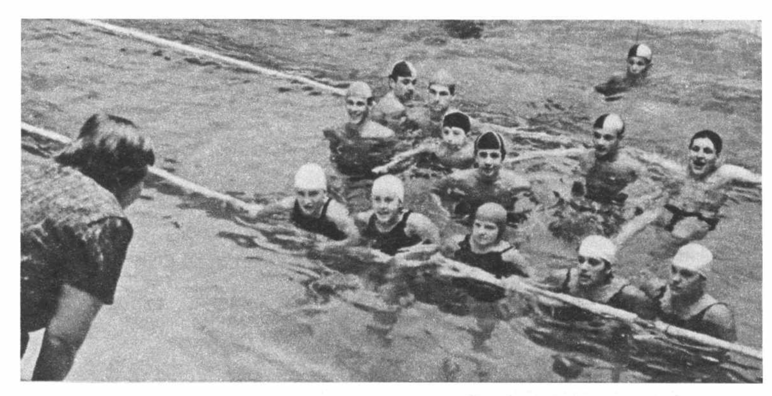
«Продукцию» физкультурного цеха вполне можно выразить в цифрах. Среди 6 258 членов спортклуба 87 мастеров спорта, 53 чемпиона и рекордсмена Латвийской ССР. Двести шестьдесят кубков и призов, завоеванных вэфовцами на городских, республиканских, всесоюзных и международных соревнованиях, хранятся в правлении спортклуба.

Вот что такое VEF!

В. ДМИТРИЕВ

Сармите Лучинска, мастер спорта по гимнастике, будет преподавателем.

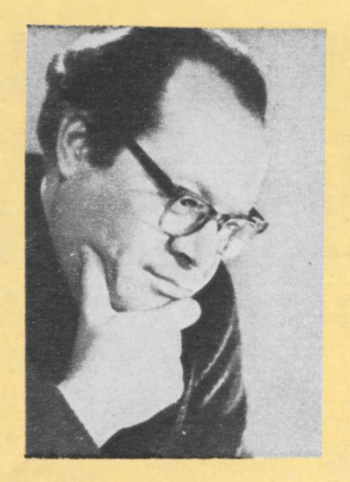

К услугам рабочих и инженеров завода свой плавательный бассейн. А где свой бассейн, там и чемпионы свои. Инструктор Велта Лагздкалне и техник Зелма Плэнне (на переднем плане справа) — обладательницы республиканских рекордов.

На международных соревнованиях бегунов VEF представляет монтажник Янис Уэулиньш.

Фото Дм. Бальтерманца.

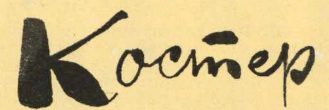

Мих. МАТУСОВСКИЙ

Свое 50-летие Михаил Матусовский встречает в расцвете творческих сил. Его знают и любят тысячи читателей. Его песни, переведенные на десятки языков, поют в разных странах. «Подмосковные вечера» звучат на всех меридианах нашей планеты. Песнь о безымянной высоте сошла с экрана и путешествует по всему свету, возбуждая у людей любовь к миру и ненависть к войне. Его стихотворные сборники не залеживаются на прилавках — их берут, зная, что поэт всегда скажет в них свое слово, нужное для души и сердца.

Трудолюбие в нем счастливо сочетается с талантом, с тонкой наблюдательностью, с умением зажечь читателя звонкой и сильной строфой, в которой свежий образ, меткое сравнение служат мысли, передовой идее.

Костер

С этим чувством знакомы вы сами
И, наверно, поймете меня.
Здесь могу пропадать я часами,
Изучая законы огня.

У него что ни миг, то причуда:
Вот он в хворост шмыгнул — и молчок.
А потом неизвестно откуда
Он покажет вам свой язычок.

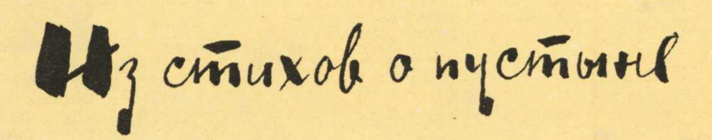
Вот взлетает он в сумрак осенний,
По валежнику хищно скользя.
И характер его изменений
Угадать и предвидеть нельзя.

Сквозь золу и сквозь пламень крылатый
Я разглядывать молча готов
Очертания живших когда-то
И погибших давно городов.

Средь столбов раскаленного праха,
Устремленных в слепой небосвод,
Кто-то руки ломает от страха
И на помощь кого-то зовет.

Пробиваясь в дымящемся хламе,
В мертвых глыбах обугленных плит
Человеческим голосом пламя
О погибших надеждах кричит.

Вижу я искаженные лица,
Ясно слышу набатную медь
И никак не могу научиться
На огонь равнодушно смотреть.

Из стихов о пустыне

Оливы

Не о бугенвиллиях богатых,
Не о пальмах пышных и счастливых,
Не об эвкалиптах и гранатах —
Речь пойдет сегодня об оливах.

Узловаты корни их и ветви,
И приюта нет под редкой тенью.
Но они идут навстречу ветру
Все — упорство, все — сопротивленье.

Крепкий ствол, почти лишенный кожи,
Кажется сухим и неказистым.
Вероятно, их создатель тоже
Был немного абстракционистом.

Долог путь до самой ближней касбы[1],
До заката нам дойти едва ли.
Ливией был край когда-то назван,
Мы б его Оливией назвали...

Третьи сутки караван в походе.
Дети спят, уткнувшись в одеяло.
И поет кочевник что-то вроде:
«Во поле оливушка стояла...»

* * *

Осыпается неверная дорога
Из-под ног, из-под копыт, из-под колес.
Я у здешнего допытываюсь бога:
Ты куда это, аллах, меня занес?

Почва треснула, как высохшая кожа.
Спят оливы вдоль шоссейной полосы.
И пустыня раскаленная похожа
На огромные песочные часы.

Вдруг «лендровер» проскрежещет тормозами,
Колокольчик забренчит издалека.
Смотрит Африка багровыми глазами,
Воспаленными от зноя и песка.

Лишь случайный караван протянет мимо
Да верблюжьи померещатся стада.
И опять все застывает недвижимо,
Словно в озере соленая вода.

Как песок сквозь щели, время утекает.
Не длиннее, чем мгновенье, этот день.
И на солнце ослепительно сверкает
Геометрия арабских деревень...

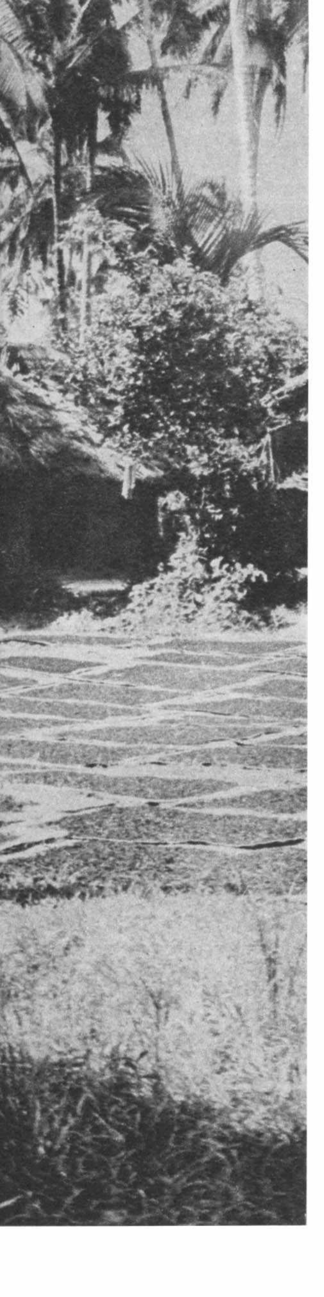
[1] Старый арабский город.

Н. ТУРКАТЕНКО

Фото автора.

МЫ ЖИВЕМ НА ЗА

«Пусть наша дружба будет такой же прочной, как этот фундамент»,— сказал первый вице-президент Объединенной Республики Танзании Абейд Амани Каруме во время церемонии, посвященной началу строительства специалистами ГДР жилого комплекса для Занзибара. Сейчас стройка уже завершается.

Крестьянин, которого вы видите на снимке слева, живет на свете уже 78 лет. Он всю жизнь выращивал и собирал гвоздику, главное богатство Занзибара, а прибыль от этого получали феодалы и колонизаторы. Теперь земля на Занзибаре принадлежит народу.

Доброй славой пользуются занзибарские кокосовые орехи. Они дают сладкий, освежающий в любую жару сок и отличную копру. Но прежде чем испить из этой природной чаши, надо достать ее иной раз с высоты тридцати метров. Далеко не всякий может быть сборщиком кокосовых орехов. Труд этот нелегок и опасен и требует большого мастерства.

«Мы живем на Занзибаре, в Калахари и Сахаре...» Помните, мы это читали у Чуковского?

Когда-то слово «Занзибар» звучало не только для малышей, но и для взрослых как название далекой и экзотической страны. А теперь вы можете добраться до Занзибара, ставшего ныне частью Объединенной Республики Танзании, за полтора дня. «Ил-18» унесет вас с Шереметьевского аэродрома в беспосадочный полет до Каира. Дальше — Хартум, откуда английская «Комета» доставит до столицы Кении Найроби. А там уж рукой подать и до Занзибара.

И вот ваш самолет опускается на бетонную дорожку в занзибарском аэропорту. После пронесшихся под вами растрескавшихся от зноя пустынь и покрытых редкими деревьями суровых саванн вашему взору открывается изумрудно-зеленый остров, окруженный бирюзовыми волнами Индийского океана.

Люди, населяющие Занзибар, в отличие от окружающей их природы совсем не сказочные. Они обыкновенные. Крестьянин и рабочий, шофер такси и бывший рикша, рыбак и уличный торговец кофе — все они думают о земле и урожае, о хлебе насущном, а главное — о будущем своих детей, а значит, о будущем своей страны.

Именно поэтому в ночь с 11 на 12 января 1964 года над Занзибаром разразилась буря народной революции, очистившая его от колонизаторов и феодалов. Со времени революции прошло уже полтора года. Конечно, далеко не все проблемы решены. Не хватает многого, часто главного: оборудования и медикаментов, школ и техникумов. «Но мы решим эти проблемы»,— твердо заявляют занзибарцы. При этом они с признательностью говорят о помощи, оказываемой им друзьями: Советским Союзом, ГДР, другими социалистическими странами.

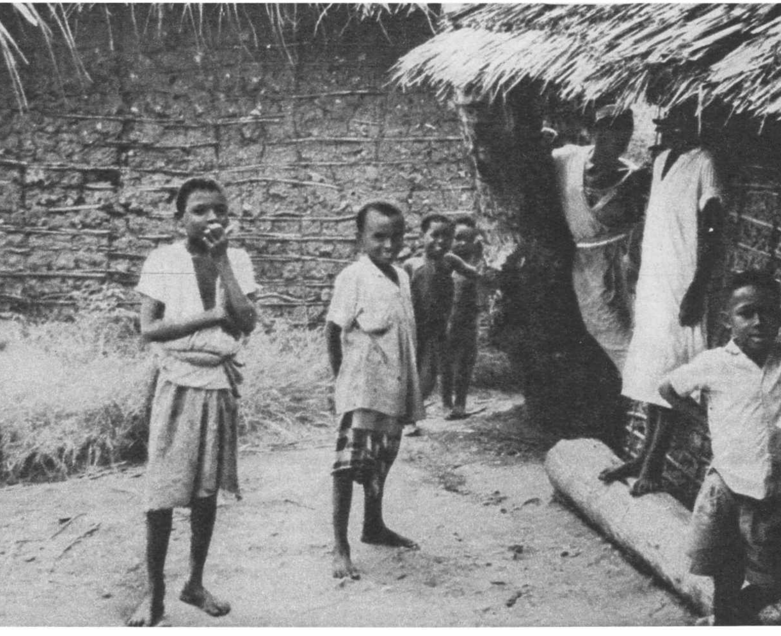
Мне повезло на Занзибаре. Во-первых, я приехал туда в июне, то есть в разгар тамошней зимы. Жара и влажность были вполне терпимы и не отбивали охоту ходить и ездить, встречаться с людьми. Во-вторых, в ответ на мою просьбу Молодежная лига партии Афро-Ширази прислала мне, как корреспонденту ТАСС, в качестве помощника и переводчика серьезного и толкового юношу по имени Абдалла Мохаммед. Он сказал так: «Занзибар — это моя родина, и я люблю ее. Я хочу, чтобы вы хорошо узнали Занзибар и тоже полюбили его».

На стремительном приземистом «таунусе» мы исколесили Занзибар вдоль и поперек. Мы были на собраниях, митингах, парадах, на открытиях школ, и на строительных площадках, и даже на бое быков. Да, на острове Пемба бой быков — тоже излюбленное развлечение, только это совсем не похоже на испанскую корриду.

Мы были в домах и хижинах, в деревнях и в коллективных хозяйствах. И я очень благодарен моему другу Абдалле Мохаммеду за то, что он никогда не забывал осведомиться перед каждой нашей очередной поездкой, захватил ли я фотоаппарат и, если да, есть ли в нем пленка.

Как и многие другие занзибарцы, Абдалла Мохаммед поехал учиться в Советский Союз. Сейчас он студент подготовительного отделения Киевского университета. Абдалла будет агрономом. Эту дорогу открыла перед ним революция.

НЗИБАРЕ

Они еще не учились в школе. Но сейчас на Занзибаре введено бесплатное школьное обучение, и скоро эти ребята пополнят ряды юных пионеров.

Заметки партийного работника

Правила и исключения

Б. ШУМИЛИН,
заведующий отделом административных органов ЦК КП Белоруссии

В Минске, в музее Великой Отечественной войны, висит портрет юноши-партизана, лихого разведчика и подрывника, на боевом счету которого двадцать семь пущенных под откос фашистских эшелонов. На груди героя — орден Ленина. Это Федя. Федор Бачило. Пареньку не было и двадцати, а его уже уважительно величали Федором Афанасьевичем... Прошло еще двадцать лет. Сырые землянки, ночи в снегу, ранения оставили свой тяжкий след: на ноге — протез, и никак не отвяжется от Федора иссушившая тело болезнь. Но душа человека по-прежнему светла. Бачило несет беспокойную вахту фоторепортера республиканской газеты «Чырвоная змена». Исколесил он всю Белоруссию, везде успевает его фотообъектив, везде Федор первый...

И вот однажды после командировки, после того как на газетную страницу легли очередные его снимки, добытые нелегким репортерским трудом, Федор Бачило возвращался из редакции домой. Идет и видит, как шайка молодчиков пристает к прохожим, оскорбляет девушек. Скрипя протезом, Бачило подбежал к распоясавшимся хулиганам и сильными руками расшвырял их. Те было опешили, но — такова уж повадка труса и подлеца — один из них выхватил припрятанное под полой шило и, метясь в сердце, со спины пырнул самоделкой. Федор упал.

Жизнь Федора висела на волоске, но врачи победили смерть. К тому же сказалась партизанская закалка, сильная воля.

Бачило уже выписался из больницы, приступил к своей любимой работе. Бандиты были задержаны и предстали перед судом.

Вспоминаешь историю покушения на жизнь Федора Бачило и задумываешься: почему в наших советских условиях еще бытуют подобные преступления? Почему в том возрасте, в котором Федор, не щадя себя, насмерть бился за свободу Родины, почему в этом же возрасте ошалевшие от душевной опустошенности лоботрясы предаются гульбе, пьянству, хулиганству, поножовщине?

Есть правила, и есть исключения из правил.

Таких, как Федор, большинство. А молодчики, поднявшие на него руку,— это выродки, это исключение из правил. И если эти исключения еще существуют, если еще встречаешь на улице скучающих снобов, хамоватых повес, хулиганов, способных стать убийцами, значит, есть какое-то слабое звено в системе работы наших судебно-административных органов, милиции, прокуратуры, судов, значит, есть какие-то серьезные промахи в воспитании молодежи.

Кто виноват, что подвыпивший хулиган Иван Иванов избил до полусмерти молодого рабочего Василия Васильева? На этот немудрящий вопрос порой следуют такие туманные, запутанные рассуждения, теоретизирования, что просто диву даешься. Хотя ответ предельно ясен. Прежде всего виноват лично он сам, Иван Иванов. И никакие ссылки на школу, семью, всякие привходящие обстоятельства не снимают этой личной вины. И прежде всего строжайшим образом, не прикрываясь щитом гуманности, надо спросить с него самого, Ивана Иванова. Бандит, хулиган, гуляка должен отвечать по всей строгости законов.

Иному читателю покажется: это же азбучная истина — «наказывать по всей строгости». Увы, к сожалению, нам известно немало случаев, когда и милиция и суд бывают снисходительны к злостным хулиганам, подводя под эту свою снисходительность «теоретическую» базу: мы-де государство гуманное.

Гуманизм— это не всепрощение. И у нас на рабочих собраниях в последнее время все чаще стали раздаваться гневные голоса: «К хулиганам — никакой снисходительности! Строго наказывать пьяниц, значительно повысить штраф с тех, кто попал в милицию, в вытрезвитель. Не превращать в «базы отдыха» места, где хулиган отбывает пятнадцать дней».

В ЦК приходят письма рабочих, которые предлагают расширить права органов милиции в борьбе с пьянством, хулиганством, изменить порядок привлечения этих уродов к уголовной ответственности, усилить наказание. Один из рабочих так и пишет: «Пусть хулиганы и пьяницы трепещут перед законами нашего общества».

Требования эти вполне справедливы. Да, надо повысить личную ответственность преступника за совершенные им деяния. Но тут же находятся горячие головы, склонные при этом если не вовсе сбросить со счетов ответственность семьи, школы, общественности, то уж, во всяком случае, резко снизить меру этой ответственности: пусть-де, мол, сам отвечает за все! Думается мне, что это шараханье из стороны в сторону не принесет пользы. Мы обязаны и воспитывать нашу молодежь куда лучше, чем это делаем сейчас, и строже наказывать тех молодых людей, кто не желает считаться с требованиями нашего общества.

Из всех, если так можно выразиться, соответчиков я бы выделил семью, родителей. Сделал бы я это еще и потому, что мне не раз приходилось слышать даже из уст ответственных работников примерно такое заявление: «Во всех бедах, связанных с воспитанием ребят, повинна школа. Там, мол, имеются педагоги, классные руководители, пионервожатые, и если они возьмутся за дело с душой, используют все предоставленные им средства, то проблемы нравственного воспитания молодежи будут решены. И если где с парнем или девушкой приключилась беда, то пусть они, работники школы, и ответ держат». На мой взгляд, это ошибочная точка зрения.

Воспитывать легче, чем перевоспитывать. То, что упущено родителями в ту пору, когда дети пошли в первый класс, потом куда труднее наверстывать.

* * *

Мне пришлось за последние годы знакомиться с рядом преступлений, совершенных молодыми людьми. Анализ этих дел дает основание утверждать, что распущенность, хулиганство, преступность юношества чаще всего порождаются безответственностью отцов и матерей за поведение своих детей. «Трудные» дети вырастают, как правило, в «трудных» семьях. Какой духовной пищей насыщаются родные дитяти, каковы их отношения с коллективом, обществом, чем они увлечены и к чему стремятся—заботы обо всем этом часто родители целиком сваливают на школу, комсомол, на кого угодно, только бы не обременять себя. Вот и получается, что духовно не закаленный юноша легко попадает под дурное влияние еще до того, как его разум и сердце созревают для самостоятельных решений, подсказанных опытом жизни.

Часто такой губительный порок, как пьянство, являющееся в 90 случаях из 100 верным спутником преступлений, начинается с того, что этакий культурный и интеллигентный папаша почитает за хороший тон предложить сынку: «А ну-ка, Вася, давай по маленькой за здоровье мамы!» Сперва «по поводу», а кончается тем, что дурман «злодейки с наклейкой» выхолащивает душу, плодит моральных уродов, которым «море по колено».

Закономерен вопрос: «Как же можно тебе доверить то или иное важное дело, если ты не уследил за своим кровным ребенком?» К сожалению, вот в такой резкой форме мы очень редко ставим вопрос перед родителями — то ли обидеть не хотим, то ли считаем: одно дело— работа, другое — всякие семейные коллизии... Мне кажется, что мы еще не в полной мере используем все рычаги общественного и административного воздействия на тех легкомысленных пап и мам, которые, ссылаясь на свою чрезмерную занятость, кивая на школу, комсомол, милицию, попросту увиливают от своей первейшей гражданской обязанности.

В Белорусском научно-исследовательском институте животноводства работает инженер П. Его сын Игорь плохо учился, хулиганил. Много раз работники милиции и прокуратуры беседовали по этому поводу с отцом. Но он лишь потакал сыну, даже восхищался его «смелостью» и охотно погашал причиняемый Игорем материальный ущерб. Как и следовало ожидать, шестнадцатилетний парень докатился до воровства. За крупную кражу его арестовали и осудили. Казалось бы, теперь уж папа возьмется за ум, а он все свое твердит: «Мне ничего не стоит возместить причиненный ущерб. А арестовывать Игоря —аморально».

Вот вам рассуждения интеллигентного человека! Не понимает этот папа, что никакими деньгами он не расплатится с обществом за нанесенный ему урон. И не понимают руководители института, партийной организации (инженер П.— коммунист), что урон, если

хотите морально-материальный урон, нанесенный таким папой, должен определяться отнюдь не количеством рублей, единовременно внесенных им в кассу.

Как дошел до преступления Петр Арунас, тот самый, что тяжело ранил Федора Бачило? Еще в школе он слыл хулиганом. Родители знали об этом. Но считали, что за воспитание Петра отвечает школа, а их дело — сторона. Учителя и товарищи всячески старались помочь ему стать человеком. После окончания восьмилетки его определили на завод. Ходил он туда недолго, бросил работу. Рабочий коллектив вернул парня на предприятие, но Петр снова стал прогуливать, не выполнял заданий, получал взыскания. А родители пребывали все в той же позиции: это, мол, дело общественности. В тот день, когда Петр поднял руку на Федора Бачило, пьянка происходила на глазах у родителей Арунаса...

А вот «послужной» список дружка Петра Арунаса — Евгения Цепелева. В мае прошлого года напился пьяным, хулиганил, был оштрафован товарищеским судом. В июле снова арестовали. На 10 суток. И, наконец, нападение на Федора Бачило. Отец Евгения, Петр Матвеевич, заведующий кафе в Минске, член партии. Личной жизнью сына почти не интересовался. По поводу всех его похождений высказывался примерно так: «Молодо-зелено. Пройдет время, образумится». Но вот грянул гром. И что же? Папа из кожи лезет вон, выгораживая сына-преступника.

Как же быть с такими папами и мамами, которые считают, что все заботы по воспитанию юношества возложены на общество? Универсального рецепта не существует. Надо использовать разные способы, чтобы вовремя предупредить родителей, пренебрегающих своими обязанностями. Но ведь бывает и так: все, кажется, сделали, такую тревогу подняли, что дальше некуда, а родители все так же беспечно взирают, как сын катится под гору. Или, хуже того, сами ведут себя недостойно, показывают дурной пример детям. Мне думается, что в таких случаях надо действовать куда более решительно, чем мы это делаем сейчас. В такой семье юношу попросту опасно оставлять. И надо смелее принимать решение о лишении родительских прав по суду, об определении ребенка в государственное учебное заведение, где он содержался бы за счет тех же самых родителей.

* * *

Как учатся, как ведут себя дома и на улице наши дети, как папы и мамы выполняют в семье свой гражданский долг?

Эти вопросы в последнее время все чаще и чаще оказывались в сфере внимания хозяйственников, руководителей партийных организаций ряда предприятий Минска и других городов республики. И это очень хорошо. Вопросы эти обсуждаются на партийных собраниях в начале и конце учебного года, а иногда и чаще. Но здесь хочется предупредить некоторых ретивых товарищей, порой забывающих, что речь идет о шлифовке не гаек, а человеческих душ: вмешательство в сферу семейной жизни должно быть в высшей степени деликатным.

«Нашу смену — нам и воспитывать! Воспитание молодежи — дело всего коллектива!» Лозунги эти правильные. Но ведь иной умудряется и правильные лозунги вульгарно истолковать. Грубым вмешательством в интимные стороны жизни семьи, равнодушно-чиновничьим разбирательством сложных человеческих судеб порой не только не поможешь, а навредишь воспитанию молодых.

Есть у нас и такие руководители, которые обладают поразительной способностью из мухи делать слона. Они трубят вовсю: «Караул! Улица во власти молодых преступников!» И при этом сами беспомощно опускают руки.

Недавно мне пришлось беседовать с руководителями одного из районов Минской области: «Никак не можем справиться с группой малолетних правонарушителей». Заинтересовались этим районом. Здесь живут и работают тысячи коммунистов и комсомольцев, а правонарушителей - подростков оказалось только... 15. Сколько там было проведено различных совещаний, заседаний, сколько выработано резолюций, намечено мероприятий! Но никто не попытался разобраться в судьбе этих выбившихся из колеи «трудных» ребят. Когда же в районе нашлись коммунисты и комсомольцы, которые взяли личное шефство над каждым из «трудных», то оказалось, что не такие уж они и трудные.

Иногда у нас очень уж спешат поставить клеймо «неисправимый». Мне вспоминается «неисправимый» Саша К., парень из Могилева. Большая трагедия случилась в его семье. Отец — уголовник, осужден. Мать вышла замуж за другого. Мальчик лишился и любви родителей и их контроля. Стал плохо учиться, замкнулся. Людей, способных протянуть пареньку заботливую руку, не оказалось, а вот тех, кто с легкостью окрестил Сашу «неисправимым хулиганом», нашлось в достатке. К счастью, Саша попал в такой школьный коллектив, где опытные педагоги приметили, что парнишка обладает редкостной логичностью мышления и выдающейся памятью. Парня определили в школу юных математиков, созданную на общественных началах при Могилевском пединституте. Выступая на областной математической олимпиаде, Саша оказался победителем. Первое место занял он и среди юных физиков области. Вот вам и «неисправимый». Сейчас Саша учится в 8-м классе. Отличник, дисциплинированный ученик. Я не сомневаюсь, что «неисправимый» вырастет хорошим гражданином нашей Родины. Вот что значит суметь увлечь «неисправимого», увлечь тем, что ему больше всего по душе, что заставит его порвать с улицей.

...В печати появляются статьи, авторы которых спорят о том, кто больше отвечает за воспитание детей: семья или школа? По-моему, спор этот беспредметен. И школа и семья, дополняя и взаимодействуя друг с другом, вместе должны решать задачи воспитания гражданина коммунистического общества. Улучшая учебно-воспитательный процесс в школе, укрепляя связь семьи и школы, однако, прежде всего необходимо повысить ответственность родителей за воспитание детей. Здесь, мне кажется, наиболее слабое звено.

* * *

Когда анализируешь причины хулиганства, то бросается в глаза, что после занятий в школе, вузе или после работы молодежь зачастую оказывается предоставленной самой себе. И тут иногда вступает в свои права улица, с ее «героями», овеянными дутой славой пьяных дебошей, драк, картежных игр и т. д. и т. п.

Мало мы занимаемся досугом молодежи, а там, где и занимаемся, иногда бывает столько формализма, запланированной скуки, что диву даешься: неужели все эти «мероприятия» проводятся лишь для отчета? А ведь порой даже не требуется больших усилий, материальных затрат, чтобы помочь молодежи весело и разумно провести свободное время.

Давайте заглянем во двор дома № 4 по улице Я. Купалы в Минске. Здесь успешно действует спортивный клуб «Орленок». Организаторы клуба создали комплекс спортивных площадок, спортивные секции. От желающих заниматься в клубе «Орленок» отбоя нет. Приходят и с соседних улиц. И что примечательно: среди чемпионов этого клуба есть немало ребят, бивших рекорды в драках, пьянках. Поединок «Орленка» с улицей закончился в пользу спортклуба.

То, что сделали активисты дома № 4 по улице Я. Купалы, под силу всем и всюду. А ведь нередко видишь во дворах ребят, играющих не в волейбол, а в карты, состязающихся не в пинг-понг, а в мордобитии.

Хочется в этой связи предъявить серьезные претензии советским органам и строителям. Почему, сдавая комплекс зданий, даже в новых жилых районах строители, как правило, оставляют кучи мусора и ямы вместо спортивных площадок, которые так красиво выглядят на ватмане? Почему в проектах микрорайонов так мало проявляется заботы о домовом клубе, спортплощадках?

Но построить клуб — это еще полдела. К сожалению, некоторые наши клубы отнюдь не стали тем домом, куда бы тянулась молодежь, где бы она весело могла провести вечер. В роскошном — с колоннами, с богатыми люстрами, с большими залами — Дворце культуры хозяйничают казенщина, скука и... коммерческий расчет. Иные профсоюзные деятели превращают клуб в... кабинет передового опыта. Другие превращают рабочий клуб в театр, кино со своим финансовым планом. А ведь какой моральный, а если с умом посчитать, то и не только моральный урон мы несем из-за этих коммерсантов от культуры!

Клуб — это ведь не только «мероприятия» и мало кого привлекающие лекции. Может, о работе клуба нужно судить не по тем галочкам, которыми пестрят планы всяких мероприятий, а совсем по другим, никак не учитываемым «показателям»: ходит ли туда молодежь? Можно ли посидеть там в дружеской компании? А иной хочет посидеть за чашкой кофе наедине с журналом, газетой, да и вообще просто так посидеть, обременив официанта скромной просьбой: «Чашку кофе». До тех пор, пока наши клубы не избавятся от казенщины, формализма, скуки и коммерческих замашек, они не привлекут в свои залы молодежь.

Кстати, о так называемых молодежных кафе, появившихся во многих городах. Очень хорошая идея. Но кое-где умудрились оказенить и эту затею. И здесь свой план мероприятий. Я был в Москве, шел по улице Горького. Смотрю, молодежное кафе. У входа толпится молодежь. Спрашиваю: «В чем дело?» «Не пускают, там сегодня мероприятие какого-то завода». Оказывается, в молодежное кафе можно попасть по пригласительным билетам. А сельский клуб? Ведь это же не кинотеатр. Тем не менее план, спускаемый из района, предусматривает 26 сеансов в месяц. Где уж тут до культмассовой работы! Прежде всего здесь коммерция.

* * *

И в заключение — о литературе, театре, кино, обо всем том, что, пожалуй, сильнее, чем что бы то ни было, может повлиять на молодежь.

Сравнительно недавно с трибуны съезда писателей РСФСР было снова сказано по этому поводу много хороших слов. Сказано, например, что за последние годы издано около 15 тысяч книг... Но нужна-то всего одна — такая, которая передавалась бы из рук в руки. Статистика в писательском деле не показательна. Одна «Судьба человека» Шолохова, которую прочли все, перетянет тысячи иных книг, которые пылятся на складах, продаются по сниженным ценам и просто списываются как неликвид.

К сожалению, уже давно не появляются такие книги, как роман Н. Островского о Павке Корчагине, которую читали в очередь даже по ночам и на которой воспиталось целое поколение. Не появляются фильмы, равные «Чапаеву», трилогии о Максиме, «Мы из Кронштадта». Вот и получается, что наши экраны часто занимают фильмы, воспевающие мещанство, индивидуализм, мир чистогана, узколобого эгоизма. Особенно мало проявляется заботы о создании интересных фильмов, увлекательных книг для подростков 14—17 лет.

Что и говорить, плохо еще используем мы огромные возможности кино, радио, телевидения и печати для воздействия на юные сердца и умы, для воспитания у молодежи здорового вкуса и высоких моральных качеств. Характерная деталь. Однажды задержанных в Минске за хулиганство подростков спросили, какие кинофильмы им более всего понравились. Оказалось, «Великолепная семерка», «Шайка бритоголовых» и некоторые другие фильмы этого же плана.

Сколько писалось о том, что надо более продуманно подходить к приобретению и демонстрации на широком экране зарубежных фильмов! А что изменилось? Исчезли Тарзаны — появились «семерки». Надо наконец навести порядок в отборе фильмов, приобретаемых за рубежом.

* * *

...Я остановился лишь на некоторых сторонах большой проблемы воспитания молодежи. Я говорил не столько о том, что уже стало правилом нашей жизни, сколько об исключениях из этого правила. Хочется верить, что исключений этих будет все меньше и меньше.

Виктор **СТАРИКОВ**

Фото **А. УЗЛЯНА.**

Второе лето я живу в маленьком уральском поселке Флюс, на берегу просторного и чистого Волчихинского водохранилища. Это — одно из удивительных по красоте мест Среднего Урала.

Тут по-особому горит небо, когда поднимается солнце, разгоняя туман. Спокойными красками играет вода. Чернеют лодки рыбаков. В сумерках десятки огоньков разгораются кострами на ближних и дальних берегах. Они будут сверкать в темноте всю ночь.

Сотни жителей Свердловска и Ревды проводят тут летние дни. Раздолье уральских лесов, чистота рек и озер манят к себе горожан. От солнца юга и Черного моря, интересных поездок за границу не отказываются. Но, кажется, стали больше ценить и любить свой край, красоты своей земли.

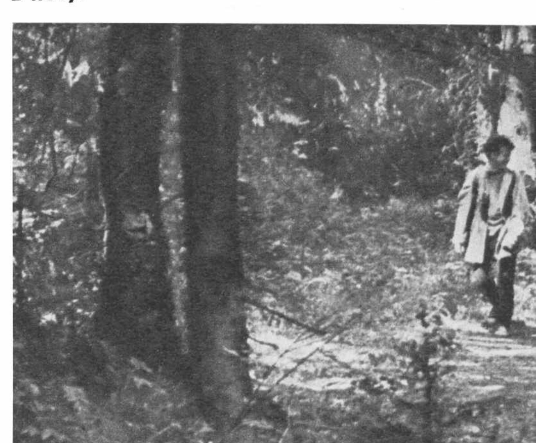
От Свердловска шоссейные магистральные дороги идут на все четыре стороны света: на север — к Нижнему Тагилу, на юг — к Челябинску, на восток — к Тюмени, на запад — к Перми. По какому шоссе ни поедешь, увидишь коллективные сады, дома отдыха на берегах озер и рек, туристские базы, спортивные лагеря, дачные поселки. 15 тысяч рабочих из Нижнего Тагила выезжают в воскресные дни к Иван-озеру. Оно появилось недавно: плотиной перегородили реку Иса и создали «море».

Со всего Урала едут сюда туристы. Одни уходят в пешие многодневные походы по лесам и берегам рек, другие в лодках спускаются по Чусовой. Смотришь на подрумяненные солнцем лица юношей и девушек и невольно завидуешь им. Тянет взвалить на спину рюкзак и двинуться с ними в

Как в Сочи.

В лесу.

УРАЛЬСКОЕ ЛЕТО

Птицы поют.

По Чусовой.

лесные дебри или сесть за весла в лодке и вновь полюбоваться каменными скалами и обрывами Чусовой, ее перекатами и шиверами.

А неподалеку от туристской базы находится на реке Шишимка дом отдыха «Коуровка». Женщины едут сюда отдыхать вместе с детьми.

Мы заглянули еще в дом отдыха «Асбест». Он приютился в густом сосновом бору на высоком берегу реки Пышма, в десяти километрах от знаменитого во всем мире месторождения уральского асбеста.

На шоссейных и проселочных дорогах встречаются велосипедисты, мотоциклисты, автомобилисты на «Москвичах», «Запорожцах» и «Волгах». Разные у них маршруты, разные расстояния.

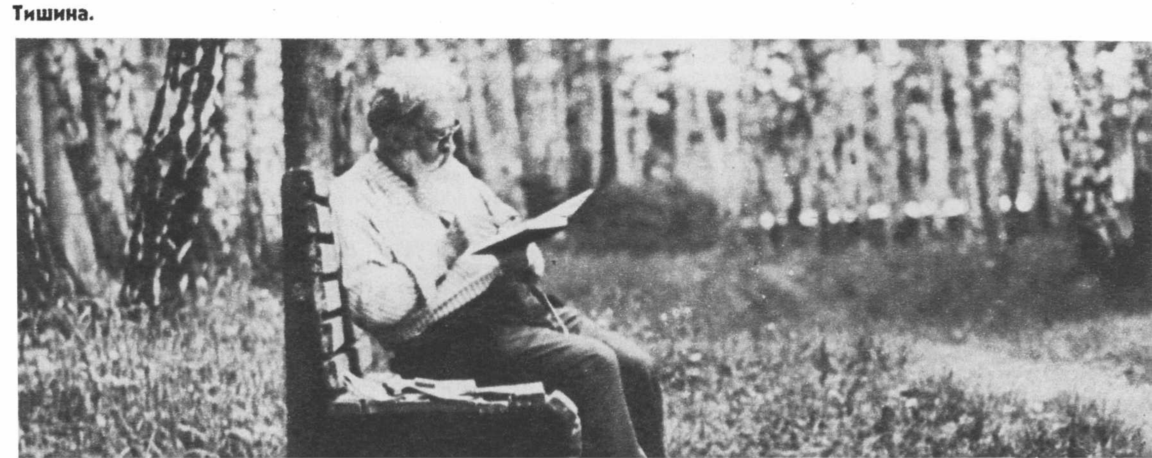
Сам Свердловск за последние годы обзавелся двумя просторными пляжами — на озере Шарташ и на пруду Верх-Исетского завода. В солнечные дни на берегу тесно, как на пляжах Черноморья. И загоревших тоже не меньше, чем под жарким небом южных курортов.

На Верх-Исетском пруду есть «Морской клуб». У некоторых такое название вызывает ироническую улыбку. Однако величина Верх-Исетского пруда такова, что тут соревнования на шлюпках и парусных яхтах проводятся по программе морских клубов.

Два года назад очистили от многолетних отходов предприятий городской пруд. Прошлой осенью закончили реконструкцию плотины и одели в гранит новую набережную на проспекте Ленина. На берегу появились купальщики, в пруду — рыба. Теперь по утрам и на закате можно увидеть, как в центре города на гранитных плитах сидят десятки рыбаков. На уловы не жалуются. Говорят, что рыба боится шума. Но тут рыба, наверное, особенная, городская. Ее не пугает шум трамваев, проносящихся за спинами рыбаков. Клеву это нисколько не мешает.

Тишина.

Над Даугавой

Н. ТОЛЧЕНОВА

Даугава для латыша — что для русского Волга; и понятно: человеку свойственно любить родную землю, ее реки, поля, леса. Эту несложную истину художники Латвии умеют наполнять живым и трепетным смыслом, передавая зрителю свое волнение, свой порыв. Тогда и самый пейзаж у них словно перестает быть просто пейзажем, только пейзажем. Он обретает второй план и несет в подтексте высокое общественное звучание.

Такая картина и пишется необычно. Так, например, писалось художником Лео Свемпом «Лето», публикуемое на нашей вкладке. Историю создания этого пейзажа я узнала от самого автора.

...ШЕЛ 1942 год.

Фашисты, вторгшись в Ригу, немедленно изгнали Свемпа отовсюду. Из академии, куда он был избран в советское время и где преподавал; из мастерской, где работал; из дома, где жил...

Художник уехал из Риги в Огре. Там он мог чувствовать себя сравнительно безопасно. Впрочем, настоящего-то покоя на душе все равно не было: душа болела.

Целыми днями Лео Симанович бродил по окрестностям Огре. Некогда живописные места казались ему теперь неузнаваемо печальными, мрачными. Свемп страдал от мучительной неизвестности, окутывающей и его собственную будущую жизнь и будущее народа. Страдания как бы затемняли его взгляд; художник удивлялся: неужели раньше солнце светило по-настоящему? Любимая земля Свемпа плакала перед ним невидимыми слезами.

Высокий, худой, рано поседевший, Лео Симанович, понурившись, как слепой, шагал по рыжей стерне, жестко шелестевшей под ногами. Словно на века отброшенная назад, земля в ярме сразу оскудела: лишенные золотых, радостных тонов желто-белесые снопы, щетинистые, редко поставленные друг от друга, казались убогими, неполновесными.

А над рыжей скудостью, унылой заброшенностью полей нависло безрадостное небо.

Почему же оно, это синее летнее небо, кажется таким невеселым, даже грозным?.. Видимо, разгадка — или часть ее! — в рисунке и цвете облаков. Как каменные, без обычной своей легкости, пушистости, лежат они над землей давящим, тяжким грузом и отсвечивают тем же печальным, рыжим, беспокойным цветом, каким окрашена и земля...

Взгляните теперь, как робко, пугливо запряталась в низинку, укрылась в берегах речушка, впадающая в Даугаву.

Обычно Свемп, без памяти любивший милый его сердцу пейзаж, писал неугомонную речку резвой, игривой, веселой, будто расшалившийся ребенок. Сейчас она, едва переглянувшись с небом, чуть проблеснув несмелой голубизной, как обреченное дитя под обстрелом, беззащитно прижалась к земле... А что может сделать эта голая, рыжая земля?! Она сама беспомощна и пустынна, пока висит над ней унылое, тягостное лето, а над страной — чужеземное иго... Даже крохотная избушка вдали выглядит жалким и одиноким, случайным пятнышком. Людей нет; все кажется заброшенным, выморочным.

Взволнованный и смятенный, полный напряжения пейзаж становится у Свемпа воплощением душевного сопротивления, протеста.

Коренной уроженец Северной Латвии, Свемп появился на свет в небольшом крестьянском хуторе Вецбараны, Белявской волости. Согласно нерушимому завету отцов и дедов, хутор из рода в род переходил по наследству к старшему в семье. У Симана Свемпа росли три сына; Вецбараны доставались Павлу, наследством второго, Николая, была отцовская мельница. Ну, а уж на долю Лео мало что приходилось. Впрочем, он не особенно горевал об этом. Он хотел учиться.

В двадцать лет Лео встречал в Москве Октябрьскую революцию, а через год стал студентом ВХУТЕМАСа.

После, вернувшись в Латвию, Лео жил творчеством, целиком отдавшись полотнам, краскам, цвету, свету, и других забот не знал, пока не пришли в Ригу гитлеровцы... Братья же Свемпы, разделившие отцовскую землю, тоже не пожелали стать фашистскими прихвостнями. Более того, они осмелились открыто выразить свое отвращение к фашизму. Павел, старший, вообще всегда говорил то, что думал. И на этот раз сказал:

— На русских немцы обожгутся! Войну им не выиграть!

Вскоре за Павлом явилась полиция. Его отправили в Германию, и там он погиб.

Не уцелел и Николай. У него нашли партизанскую листовку.

...Вот так история одного пейзажа, одного лета позволяет лучше, глубже понять творчество Свемпа, сильное, живое.

Сейчас, в свои без малого семьдесят лет, Свемп снова избран ректором академии, главою латышских художников... Вид у Лео Симановича грозный. Густые брови насуплены над глазами, прикрывая их голубой, ласковый свет; твердые губы сжаты. А стоит Свемпу улыбнуться, как все вокруг радуется вместе с ним — большим художником, чьи картины — богатство всех, а не одних только латышей.

НЕЛЕГКО пришлось в годы гитлеровской оккупации и народному художнику СССР профессору Эдварду Калныню.

Как и Свемп, Калнынь был на волосок от гибели.

Впрочем, до 1944 года гитлеровцы не трогали и даже будто совсем не замечали крупнейшего художника. Но то была лишь искусная политика врага. И едва началось отступление фашистских войск, как полиция объявила Калныню, что он подлежит незамедлительной отправке в Германию.

Приказ носил безоговорочный характер. За нарушение — смерть.

Что было делать, как спасаться?

Калнынь бросился к знакомому доктору. С разрешения властей хирург Катлап владел небольшой частной лечебницей в местечке Ирлава возле города Тукумса.

Катлап укрыл у себя Калныня, раздобыв ему — для пущей безопасности — удостоверение санитара. Выданное по всей форме, с печатями и подписями, оно хранится у Эдварда и сейчас.

Дом врача стоял рядом с больницей; там и прожил Калнынь тревожное, долго тянувшееся время. Ему удалось написать портрет доктора, его детей и матери — в память о тяжелых, но незабываемых днях.

Жена Калныня — Рита Валнере — тоже художница. Она окончила академию в 1956 году. А в выпуске 1958 года были студенты Калныня: Заринь, Ильтнер и Берзинь. Эту молодежь ныне считают самыми интересными и многообещающими, своеобразными мастерами Латвии. Теперь у них в академии уже свои ученики.

Об Индулисе в республике говорят:

— На редкость он жизнеспособен и очень активен!

Познакомившись с Заринем, видишь, что это исчерпывающая характеристика! Именно таков Заринь, таковы его картины. Они как-то по-особому, радостно активны, радостно жизнеспособны; в них все свидетельствует о натуре целостной, напористой, искрометной.

Коммунист по убеждению, Заринь глубоко предан теме партии, теме советской жизни. В его последней картине (это «Речь», часть триптиха, публикуемая нами) поражает свет мысли и чувства, — он лежит на лицах солдат, слушающих вождя; мы не видим оратора, однако облик его воскресает в душе каждого, кто смотрит на картину.

Таким же настроением проникнута работа Зариня «Читают «Искру»...»

— А как вам нравятся вот эти мои создания? — с лукавой гордостью спрашивает Индулис, знакомя со своими мальчишками-близнецами. Кристапсу и Каспарсу по три года, один старше другого на семь минут, но все равно они схожи как две капли воды, и просто нельзя понять, как ухитряются разбираться в них мать и две бабушки... А пока я пытаюсь постигнуть этот секрет, Заринь торопливо собирается в поездку на Плявиньскую ГЭС. Поменяв тапочки на туфли, в машину садится и Вера, жена Индулиса.

— Хоть немного побыть с мужем, а то его и не увидишь!..

— Строительство Плявиньской ГЭС — это у нас тема номер один! — говорит Заринь.

Он ездит туда чуть не каждый вечер: дипломники почти все готовят там свои работы. Да и не одни только дипломники...

ТЕМОЙ «номер один» называет Плявиньскую ГЭС — гигантскую стройку примерно в ста километрах от Риги — еще один крупный латышский художник, Александр Карлович Звиедрис, как и его многочисленные ученики.

Пожалуй, Звиедриса тоже можно считать ректором, ведающим кадрами той особой академии, чье имя — самодеятельность, безбрежное народное творчество. Весь коллектив «Латэнерго» ценит человека, пестующего заводских ребят — механиков, сборщиков, слесарей. Он растит из них талантливых живописцев.

В заводской среде Александр Карлович чувствует себя как дома, видя рядом открытых, душевных людей. Он и узнает и не узнает в них себя, свою молодость: ведь ныне все так изменилось! Да и миновали давно те годы, когда Звиедрис, простой рыбак, выходил в море, грузил суда в портовых городах... Но и тогда никакая усталость не могла пригнуть юношу к земле.

Горьковская тема труда, уважения к общему делу, тема красоты и величия труда, — это тема не одной картины, но всей жизни Звиедриса. И очень интересно наблюдать в его мастерской, как художник решает ее — все снова и снова.

Им написаны же сотни и сотни картин и эскизов. Это человек невиданного трудолюбия и великого упорства, на редкость оптимистической жизненной философии. Александр Карлович считает, к примеру, что каждый человек должен первые тридцать лет учиться мастерству; вторые тридцать — наблюдать жизнь, а третьи тридцать — практически претворять накопленное.

Конечно, это шутка. Ну, а все-таки, значит, и у самого Звиедриса, влюбленного в жизнь и в труд, неутомимого работяги-художника, главное-то, итоговое тридцатилетие как раз впереди! Пусть же оно принесет ему новые удачи.

...Одна из картин Звиедриса поэтически названа им «Золотая кормилица Даугава».

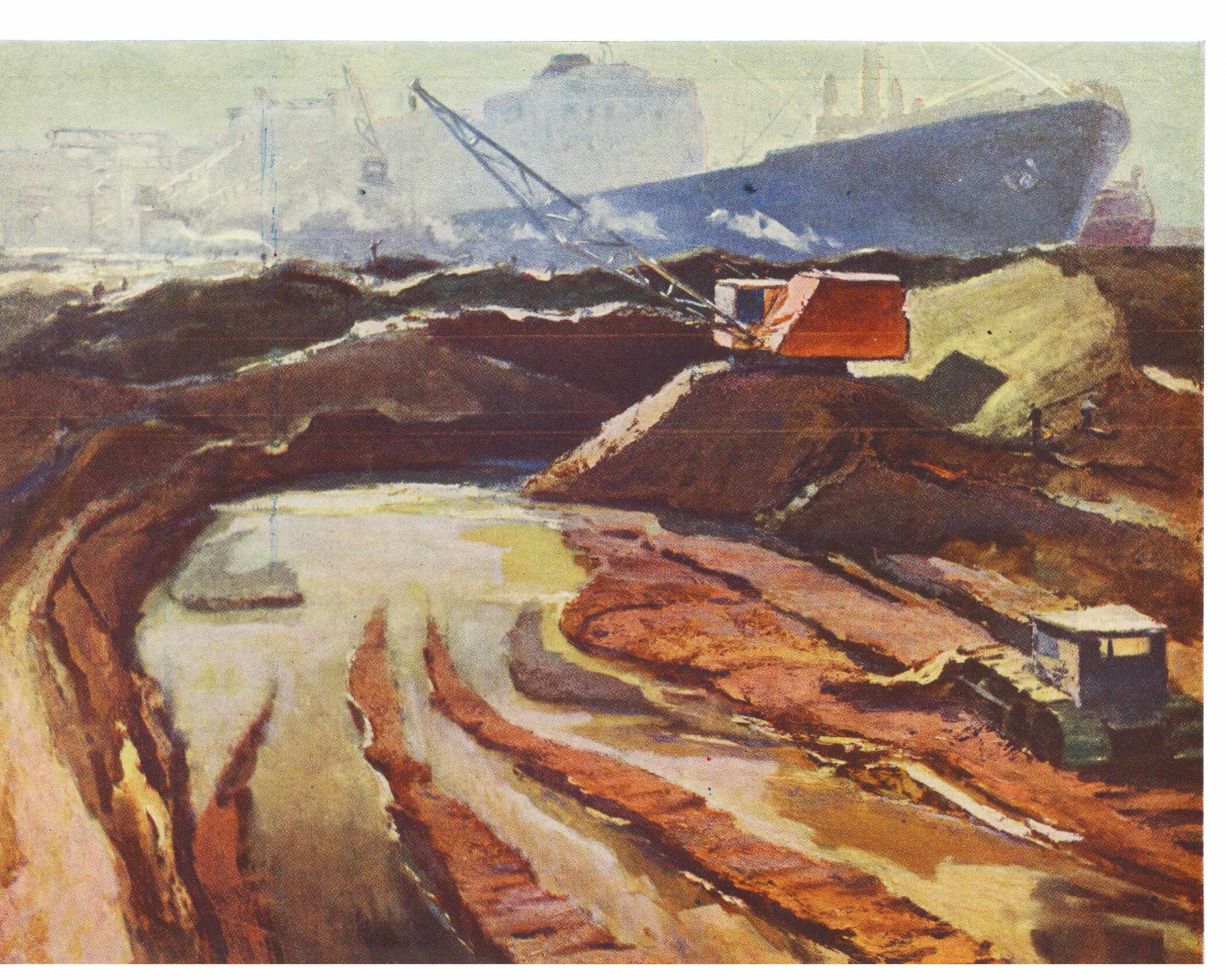
Любимая река латышей полна здесь жизни и сияния; ее воды отражают спокойный золотой свет неба. Они разлились свободно и привольно, заняв весь видимый глазу простор. А над Даугавой, над светлыми, золотыми ее водами, царит доброе лето, полное цветения, росных зорь, долгих прозрачных вечеров, которые на иванову ночь почти незаметно переходят в утро.

П. Постаж. ОПЯТЬ В МИРНОЙ ЖИЗНИ.

Л. Свемп. ЛЕТО.

Э. Калнынь.
НОВЫЕ ПАРУСА.

А. Звиедрис.
ВЕЛИЧИЕ ТРУДА.

ПРАВДА БОЛЬШАЯ, ЧЕЛОВЕЧНАЯ

Где б ни воевал солдат, ему всегда кажется, что именно на участке его дивизии, его полка, его батальона, роты, взвода и отделения происходили самые напряженные бои и самые важные события.

На войне каждому из нас, солдат, свойственно свое собственное, индивидуальное вйдение происходящего. Тем более, что пуля, на каком участке фронта она ни укусит живое солдатское тело,— везде есть пуля. И снаряд — везде снаряд...

Быть может, руководствуясь именно этой простой и ясной мудростью, писатель Всеволод Кочетов в первых же строках своих «Записей военных лет»[1] определяет:

«Это была моя война. Потому что у каждого, кто участвовал в ней, она была именно своя, много ли, мало, но отличавшаяся от войны другого».

Этими словами Всеволод Кочетов как бы предупреждает читателя, что во главу своего повествования кладет сложившиеся еще в военные годы, сугубо собственные ощущения и понимание событий.

И точно: для Кочетова события, о которых идет речь в записях,— поистине «своя война». Каждая тропка, каждая дорога, каждое село в местах, где идут бои, дороги его сердцу и не раз и не десять раз исхожены и изъезжены писателем еще в мирное время, когда Кочетов работал на судостроительном заводе и когда был корреспондентом районных и областных ленинградских газет. Десятки людей, которых Кочетов знал и о которых писал, людей мирнейших профессий — секретарей райкомов, председателей колхозов, врачей, инженеров, ученых, коллег-журналистов,— встречает он теперь в солдатских шинелях.

Каждый, кто стойко и добросовестно выполняет свой долг, в глазах Кочетова подлинный герой. И повар Григорий Трофимов, который, будучи тяжело ранен, не покидает своего поста у походной кухни. И артиллерийский наблюдатель Дубовик, расположивший свой НП под самым носом у немцев. И майор Ермаков — смелый и умный командир, умеющий глубоко проникнуть в душу своих солдат. И два маленьких ленинградца, которых автор «Записей» повстречал в заброшенном сарае и которые на его оклик отозвались тонкими детскими голосами: «Мальчики мы».

И автор не сомневается и не хочет сомневаться в том, что эти мальчики, которые, несмотря на весь ужас, их окружающий, не забывают, что один из них — пионер, другой — октябренок, обязательно переживут блокаду, войну, станут большевиками, строителями нового прекрасного мира.

С особенной теплотой, проникновенно пишет Всеволод Кочетов о комиссарах и политруках, об армейских коммунистах, которые вызывали дикую ненависть и страх у гитлеровцев и глубокую любовь и привязанность наших воинов.

Пишет он об умном, все понимающем комиссаре Мельникове, а у меня, партизана, возникает перед глазами лицо и острый взгляд секретаря Черниговского обкома партии Николая Никитича Попудренко, павшего смертью храбрых в бою. Пишет о коммунисте Брусничкине, подвергшемся неправедным репрессиям тридцать седьмого года, но тем не менее не потерявшем ни стойкости, ни чистоты, а перед глазами — образ пламенного большевика, прославленного комиссара ковпаковцев Семена Васильевича Руднева, с которым посчастливилось мне повстречаться на партизанской тропе...

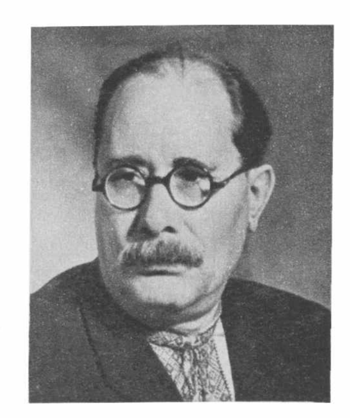
В то же время Кочетов не прощает чинодральства, черствости, равнодушия к людям. Правда и только правда, все как было, правда с ошибками, неудачами, гибелью, с голодом и холодом, с хорошими и плохими людьми, правда с верой в торжество нашего дела, в стойкость и героизм нашего народа, правда большая, человечная — вот что проходит красной нитью через все «Записи», через всю «мою войну» Всеволода Кочетова.

Да, война, о которой пишет Всеволод Кочетов, действительно его война. Таково уж свойство его писательского таланта: ни одно событие, ни один человек не оставляют его равнодушным, ко всем и ко всему у него свое ясное и четкое отношение.

Вл. ПАВЛОВ

[1] Журнал «Октябрь» №№ 1, 6, 11 за 1964 год и № 5 за 1965 год.

Старейшина донецких поэтов

Павлу Григорьевичу Беспощадному семьдесят.

Ему было пять, когда его родители в поисках заработка оставили Смоленщину ради Донецкого угольного бассейна, и уже в двенадцать будущий поэт участвовал в шахтерских трудах — работал выборщиком породы и заливщиком кокса, был лампоносом и плитовым, вагонщиком, подрывщиком и коногоном.

Научась грамоте, он много читал, жалея об одном,— что не встречаются ему книги, написанные шахтером. Вероятно, в ту раннюю пору начала вызревать в нем мечта о своей книге:

Долго, долго в этом разбирался
С ненавистным, жалким п о ч е м у?
Вот и Горький в руки мне попался,
Очень рад тогда я был ему.
И в башке потом засело: значит...
И совсем уж веселел мой взор:
Будет время — так или иначе,
А напишет книжку и шахтер.

Образы были перед глазами, оставалось соединить их мыслью и, подняв на крыльях стихотворной мелодии, отпустить в простор.

Еще мальчиком полюбил П. Беспощадный стихи, а потом — рабкор и рабочий поэт — он вместе с товарищами, также познавшими труд горняков, стал печататься в донецких боевых газетах и журналах.

Конечно, и в молодых редакциях и в задорных литературных объединениях в обстановке общего подъема и вдохновения все отчетливее вырисовывалась первая книга шахтера о шахтерском крае:

Книга, книга с черным переплетом,
Не такой я, чтоб башкой поник.
В черный улей, в каменные соты
Я принес шахтерские огни.

Вот оригинальный «Памятник» рабочего автора, осмысливающего свою миссию.

Его «Каменная книга» вышла в 1930 году. Неоднократно переиздаваемая, она не только выдержала испытания временем, но и вызвала к жизни многие книги других рабочих авторов — сверстников Беспощадного и тех, кто годится его сверстникам в сыновья и внуки.

Так собиралась донецкая литературная плеяда и накапливалась шахтерская поэтическая традиция.

Старейшина этой плеяды и зачинатель традиции — П. Г. Беспощадный. Недаром, когда речь заходит о донецкой шахтерской стороне, сейчас же говорят о Беспощадном, подобно тому как, называя розу, тотчас же называют ее соловья.

Ник. УШАКОВ

«НА КОНЧИКЕ ЛУЧА»

Не знаю почему, но я всегда чувствовал себя как-то скованно в присутствии Юрия Олеши. Может быть, потому, что очень любил его, точнее, его книги: роман «Зависть», романтическую сказку «Три толстяка». Не укладывалось у меня в сознании и то, что Юрий Олеша, тонкий, изящный, умный художник, и Зубило, фельетонист «Гудка», чьи лихие, озорные строфы, полные яда и насмешки, составляли славу газеты,— одно и то же лицо, настолько они мне представлялись разными, непохожими друг на друга. Бесед с ним у меня было очень немного, но всегда я при всяких встречах увлеченно рассматривал его. У него была колоритная, бросающаяся в глаза внешность: прекрасная голова, посаженная на широкие плечи, острый, наблюдательный взгляд, ироническая и вместе с тем какая-то добрая, стеснительная улыбка. Он мало написал, но все написанное им звенит чистым золотом. Его изящные остроты бродили по Москве, надолго застревая в памяти людей. Он разбрасывал их с щедростью богача, как медные пятаки на паперти.

И вот Юрия Олеши нет. Но голос его вдруг прозвучал с присущей ему силой: вышла последняя, посмертная книга писателя «Ни дня без строчки». Она не была закончена автором, хотя писалась семь лет. Она может показаться разбросанной, фрагментарной, не всегда последовательной. Но в ней больше, может быть, чем во всем, что им написано, видна душа писателя, художника, мастера слова. Читаешь ее и видишь живого Юрия Олешу со всеми сложностями и странностями его натуры. Для автора она была, несомненно, самой любимой из всех написанных им книг. И это отчетливо чувствуешь, когда листаешь ее страницы.

Книга эта — биография, но не только биография. Это и новеллы, и летучие заметки, и философские размышления. В ней отразилась вся жизнь, прожитая писателем. В ней отразилось — по-особому, по-олешевски — наше время, со всеми его громами, грозами и блеском солнечных лучей.

Он любил жизнь и любил работу. Каждую фразу он оттачивал с необычайным тщанием. Каждое слово взвешивал и примерял, чтобы найти одно, единственно нужное и точное. Метафоры были его страстью: он придумывал и собирал их с ненасытной жадностью. «Я твердо знаю о себе, что у меня есть дар называть вещи по-иному. Иногда удается лучше, иногда хуже».

Юрий Олеша работал трудно, как каменотес, но сделанное им в вашем сознании отражается как легкое, изящное кружево. «Доходило до того, что я писал в день не больше одной фразы. Одна фраза, которая преследовала меня именно тем, что она — только одна, что она короткая, что она родилась не в творческих, а в физических муках».

Писательская жизнь Юрия Олеши была нелегка. После яркого взлета шли долгие годы раздумий, поисков, внутренних терзаний. Почти постоянные материальные невзгоды он переносил с мужеством античного стоика. Он пишет сам о себе: «Меня никогда не интересовала экономика. Все мое существование в экономике выражалось в том, что я покупал в булочной хлеб, в магазине обуви—ботинки, в театральной кассе — билеты». Ему никогда не удавалось выдавить на бумагу ни одного слова, если оно не подогревалось жаром души, неукротимым стремлением сказать, написать, излить себя. Искренность и честность, как два верных сторожевых пса, охраняли его от праздной и пустой словесной расточительности.

Юрий Олеша не был отшельником, прячущимся в лесах. Его восторженное жизнелюбие не имеет границ. Ему нравятся запахи, краски, птицы, звери — он обожает их. В своей книге он восклицает: «Да здравствуют собаки! Да здравствуют тигры, попугаи, тапиры, бегемоты, медведи-гризли! Да здравствует птица секретарь в атласных панталонах и золотых очках! Да здравствует все, что живет вообще — в траве, в пещерах, среди камней! Да здравствует мир без меня!»

Его называли метром. Но он запомнил навсегда, как в Одессе один матрос, перепоясанный пулеметными лентами, назвал его «братишка». Для него это осталось важным событием в жизни.

Книга «Ни дня без строчки» Юрия Олеши может стать настольной для каждого литератора. Она научит его многому, а главное, тому, как, родив идею, облечь ее в форму звонкую, ясную и точную. Читатель, любящий литературу, прочитав ее, возвысит свое уважение к профессии писателя.

Книга кончается прекрасными словами: «Ничего не было в моей человеческой жизни, что обходилось бы без участия солнца, как фактического, так и скрытого, как реального, так и метафорического. Что бы я ни сделал, куда бы я ни шел, во сне ли, бодрствуя, в темноте, юным, старым,— я всегда был на кончике луча».

Это одна из тех, в общем, немногих книг, с которой жаль расставаться, как жаль обрывать беседу с другом — человеком, дающим вам радость духовной близости, щедро одаривающим вас блеском своего ума и своей речи.

Ник. КРУЖКОВ

Юрий Олеша «Ни дня без строчки». «Советская Россия». Москва. 1965.

На берегу Хопра. Михаил Александрович Шолохов и руководитель делегации трудящихся ГДР Зигфрид Вагнер.

Фото В. Турбина (ТАСС).

Гости Тихого Дона

Михаил АНДРИАСОВ, специальный корреспондент «Огонька»

Донцы уже знали, чьи это гости едут по дороге. На границе Вешенского района, той земли, где живет Шолохов, друзья из ГДР остановились. Они просто не могли дальше ехать. Перед ними была живая «стена» — стена дружбы.

...Бывает, слова не могут помочь тебе и ты не в состоянии описать того, что видишь. Так случилось и здесь. Именно это чувство испытывали все, когда школьница Люся Красноглазова обратилась к гостям на немецком языке:

— Дорогие товарищи! Мы все — и дети и взрослые — рады видеть вас на донской земле.

Руководитель делегации Зигфрид Вагнер — умудренный жизнью человек, рослый, широкоплечий, с руками рабочего — по-отцовски обнял пионерку, поцеловал ее, коротко сказал:

— Спасибо, девочка. Всем вам спасибо, дорогие русские товарищи. Мы говорим: «Дружба! Мир! Счастье каждому дому!»

Эта встреча была первой из тех многих, что потом произошли на шолоховской земле. Сердечно встретили немецкую делегацию и казаки станицы Вешенской.

Дружелюбие хозяев сразу расположило гостей. Непринужденная беседа Михаила Александровича с немецкими товарищами продолжалась до полуночи.

На следующий день, рано утром, когда небольшой ветер волнами перекатывал массивы щедрой донской пшеницы, гости приехали на поля колхоза «Тихий Дон». Здесь их встретили председатель колхоза Александр Стефанович Максаев, секретарь партийного комитета артели Павел Арефьевич Абакумов, бригадиры полеводческих бригад и механизаторы. Колхозники не без волнения встречали друзей из ГДР. Они знали: среди делегатов опытные специалисты сельского хозяйства — председатель сельскохозяйственного производственного кооператива в районе Ростока, член ЦК СЕПГ Эрнст Вульф, председатель сельскохозяйственного кооператива имени Михаила Шолохова в районе Потсдама Лотар Кох, бригадир полеводческой бригады этого кооператива Ульрих Темплин, бригадир животноводческой бригады кооператива Герхард Борхардт, организатор первого сельскохозяйственного производственного кооператива в ГДР, член ЦК СЕПГ старый немецкий коммунист Бернхард Грюнерт. Эти люди, по отзыву Михаила Александровича Шолохова, — отличные знатоки сельского хозяйства. Когда в мае 1964 года Шолохов гостил в Германской Демократической Республике и побывал там в сельскохозяйственных кооперативах, он пригласил немецких колхозников на Дон...

Немецкие хлеборобы задают много вопросов, подробно расспрашивают об уходе за пропашными культурами, интересуются: применяют ли донцы на полях органические и минеральные удобрения, гербициды?

Хозяйство «Тихого Дона» понравилось немецким крестьянам, особенно большой участок рослого подсолнечника. Гости высказали полезные замечания, поделились советами.

Когда расставались, Эрнст Вульф сказал:

— Пусть будущее немецкого и русского народов будет таким же чистым и щедрым, как эти бескрайние казачьи поля.

Секретарь парткома колхоза Абакумов подарил каждому гостю четыре тома романа «Тихий Дон».

— Книги Михаила Александровича Шолохова, — подчеркнул руководитель делегации Зигфрид Вагнер, — это мудрые книги, книги-наставники. Они помогают трудящимся ГДР в строительстве нового общества.

...Мне вспомнилось, как в городе Веймаре Шолохов с душевным волнением перешагнул порог домика Гете, и первое, о чем спросил:

— Все ли книги библиотеки Гете уцелели во время войны, все ли были спасены?

И когда ему ответили, что, к счастью, библиотека Гете не пострадала в войну, он искренне обрадовался:

— Очень хорошо!

Веймар понравился Михаилу Александровичу. Он с интересом знакомился с достопримечательностями города. Побывал и в доме Фридриха Шиллера. После, когда у него спросили, что он думает о Веймаре, Шолохов со свойственной ему лукавинкой ответил:

— В этом городе нельзя не писать. Немецкие классики знали, где выбирать место для работы...

На хуторе Кружилинском гости из ГДР зашли в скромный казачий курень, в котором родился Михаил Александрович. Кто-то из немцев заметил:

— Кляйне хауз — гроссе Шолохов!

И всем нам без переводчика стал ясен смысл простых слов:

— Из этого маленького домика вышел большой Шолохов!

В станице Каргинской снова волнующая встреча. Кажется, вся округа вышла встречать гостей. Им охотно рассказали, что в Каргинской писатель прожил пятнадцать лет — с 1910 по 1925 год. Здесь обучался грамоте в местной школе. Здесь начал писать «Тихий Дон». Гости осмотрели старую, приземистую каргинскую школу, в которой учился Шолохов, и побывали в светлых классах новой школы, расположенной в большом двухэтажном здании. Это та самая школа, на строительство которой Михаил Александрович отдал Ленинскую премию, полученную за «Поднятую целину».

Река Хопер — одно из любимых мест Шолохова. Здесь на живописном берегу он отдыхает, встречается с рыбаками, сам испытывает удачи и неудачи рыболова.

Сюда, на Хопер, километров за семьдесят от Вешенской, и повез своих гостей Михаил Александрович. Угостил стерляжьей ухой и в дружеской беседе поделился мыслями:

— Эрнст Вульф, Лотар Кох и Бернхард Грюнерт — теперь уже мои старые знакомые. Это истинные представители немецкого народа, — сказал Шолохов. — Вы побывали в колхозе «Тихий Дон», в совхозах «Кружилинский» и «Каргинский», встречались там с полеводами, животноводами, механизаторами. Это очень хорошие встречи. Учиться всегда полезно. Все мы учимся друг у друга. Интересной и полезной была моя прошлогодняя поездка в Германскую Демократическую Республику. Встречи с людьми разных профессий и возрастов глубоко тронули меня, и я часто вспоминаю о них. Вот и здесь собрались люди разных профессий. У каждого свои симпатии, свои привязанности. Мне близки крестьянский труд, люди сельского хозяйства.

Целый день отдыхали гости на Хопре, купались в реке, гуляли в прибрежном лесу. Здесь легко дышится...

Под вечер группа гостей окружила писателя и с волнением слушала его рассказ о Доне, о прошлом этого привольного края, об истории земледелия у донских казаков.

В тот день, когда гости покидали радушную Вешенскую, Михаил Александрович пригласил их к себе в дом на прощальный завтрак.

— Дорогие немецкие друзья! — сказал он. — Самое худшее у писателя, когда он повторяется. Писатель не может повторяться. Но

Капитан Щетинина ве

Советский теплоход «Орша» к берегам Австралии привела из Владивостока первая в мире женщина — капитан дальнего плавания доцент Анна Ивановна Щетинина. Австралийские газеты уделили большое внимание столь необычному, на их взгляд, рейсу.

Свой первый путь в океан она начала сорок лет назад матросом на пароходе «Симферополь». Шли годы... Плавала на траулерах и транспортных судах. И вот наконец Анна Щетинина — капитан океанского корабля «Чавыча». Произошло это тридцать лет назад. Первая женщина — капитан дальнего плавания! Она водила пароходы в порты Америки, Азии, Европы...

Став капитаном, Анна Щетинина решила получить высшее морское образование. Это привело ее в Ленинградский ин-

я здесь не только писатель, но и хозяин. А хозяин может повториться. Мария Петровна и я рады снова видеть и приветствовать вас в своем доме. Вы извините меня, дорогие гости, что я не был с вами на моей родине, в хуторе Кружилинском. Но вы это поймете. Детство меня не баловало. Не всегда взор человека обращается к прошлому. Особенно, если это прошлое было не таким уж светлым.

Я рад видеть всех вас, дорогие товарищи, моя любовь ко всем вам—сынам новой, народной Германии.

Обращаясь к первому секретарю Союза немецких писателей Гансу Коху, Михаил Александрович говорил:

— Дорогой друг Ганс Кох! Пользуясь вашим присутствием, мне бы хотелось несколько слов сказать о нашем общем большом деле — о литературе. Все мы, писатели, несем огромную ответственность перед народами мира, и прежде всего перед немецким и советским народами. Писатели должны честно, правильно объяснять современникам и будущим поколениям исторические факты. Надо сказать людям, как могло случиться, что великая немецкая нация не смогла в свое время противостоять вандализму Гитлера. Надо, чтобы литераторы говорили обо всем правду. Между тем некоторые буржуазные писатели в своих книгах, в газетных и журнальных выступлениях идеализируют военщину. В Соединенных Штатах Америки находятся отдельные литераторы, воспевающие преступления американской армии. И это в то время, когда морская пехота США ведет постыдную войну против героического народа Вьетнама, грубо вторгается на землю свободолюбивого народа Доминиканской Республики. Все это отвратительно и идет против совести человечества.

Михаил Александрович говорит о молодых писателях Германской Демократической Республики.

— Это настоящие литераторы,— подчеркивает Шолохов,— писательское поколение, достойное тех литературных умов, какие породила Германия. И это радует. У нас тоже есть настоящее литературное пополнение.

Станица Вешенская.

...дет корабль

...ститут инженеров водного транспорта. Война прервала занятия. Женщина-капитан совершает на Балтике фронтовые рейсы, плавает на Тихом океане.

Потом мы ее видим преподавателем высших инженерных морских училищ в Ленинграде и Владивостоке. Каждое лето она совершает рейсы на учебных судах. И когда один из таких кораблей, «Меридиан», пришел в Японию, на страницах газет, выходящих в Токио и Иокогаме, появились заголовки: «Женщина — капитан дальнего плавания и профессор».

Сейчас Анна Ивановна Щетинина снова на капитанском мостике. Она решила во время своего отпуска совершить плавание в Австралию, где еще никогда не бывала.

Г. БРЕГМАН

16 СТРАНИЦ ИЗ ЖИЗНИ АЛЕКСАНДРА ДЮМА

Н. КОВАЛЕНКО,
А. КОЗОЧКИНА,
старшие научные сотрудники
ЦГАОР СССР

Многие думают, что открытия нового возможны лишь на широких просторах космоса или земных пустынь. Это неверно. Достаточно на самом обыкновенном московском троллейбусе доехать до Большой Пироговки и войти в один из расположенных на этой улице центральных государственных архивов СССР, как вы окажетесь в мире удивительном, романтическом, полном интереснейших открытий и неожиданных находок.

В одном из хранилищ вы увидите ряды стеллажей, заполненных аккуратно подшитыми делами, заведенными тайной полицией русских царей на лиц, участвовавших в революционной борьбе или подозревавшихся в неблагонадежности и нелояльности по отношению к царской власти.

Казалось бы, что общего между знаменитым французским романистом Александром Дюма-отцом и полицией царской России?

И, однако, вот перед нами тоненькое дело из 16 страниц в обычной серой обложке — дело «Об учреждении надзора за французским подданным, писателем Александром Дюма».

Летом 1858 года Александр Дюма, которому к тому времени было уже 55 лет, исполнил наконец свою мечту — посетил Россию. Его давно влекло в страну, история которой была полна трагических страстей и столкновений, страну широких просторов, интересных людей, с которыми он встречался в Париже. Однако все попытки Дюма посетить Россию раньше оказывались тщетными: Николай I не жаловал знаменитого писателя, не скрывавшего своих симпатий к революционным идеям и даже участвовавшего в революционных событиях в Париже в 1830 и 1848 годах.

Более того, в 1840 году Дюма опубликовал роман «Записки учителя фехтования», сюжет которого — история русского офицера-декабриста и его жены-француженки, отправившейся за ним в ссылку в Сибирь. Роман был запрещен в России.

Во второй половине 50-х годов положение изменилось. Николай I умер. Правительство Александра II, играя в либерализм, не хотело ухудшать отношений с просвещенными кругами русского общества официальным запрещением именитому писателю въезжать в Россию. Дюма выразил желание посетить Россию по приглашению графа Кушелева-Безбородко, с которым он встречался в Париже, и прославленный автор «Трех мушкетеров» и «Графа Монте-Кристо» прибыл в Петербург.

18 июля 1858 года шеф жандармов и начальник III отделения «собственной канцелярии» царя князь Долгоруков направил следующее секретное предписание начальнику Московского округа корпуса жандармов: «Известный французский писатель Александр Дюма (отец), прибыв в недавнем времени из Парижа в С.-Петербург, намерен посетить и внутренние губернии России, для каковой цели собирается поехать и в Москву.

Уведомляя о сем Ваше превосходительство, предлагаю Вам во время пребывания Александра Дюма в Москве приказать учредить за действиями его секретное наблюдение и о том, что заключено будет, донести мне в свое время.

Генерал-адъютант князь Долгоруков».

Так была заполнена первая страница в деле «Об учреждении надзора за Александром Дюма».

Аналогичные предписания были получены жандармскими начальниками Одессы, Нижнего Новгорода и Кавказского края.

Шеф жандармов был встревожен не напрасно: в Петербурге Дюма отнюдь не ограничился литературно-аристократическим салоном графа Кушелева-Безбородко, балами и обедами, устраивавшимися в честь гостя петербургским высшим светом. Его больше интересовал издававшийся Н. А. Некрасовым «Современник» и группировавшиеся вокруг журнала демократические круги русской литературы. Воспользовавшись своим знакомством с молодым Григоровичем, его искренней дружбой, Дюма попросил Григоровича представить его Н. А. Некрасову и Панаевым.

На даче Панаевых и Некрасова — между Петергофом и Ораниенбаумом — Дюма провел несколько дней.

В Москве Дюма поселился в доме графа Д. П. Нарышкина. Древняя столица России, всегда славившаяся своим гостеприимством, оказала Дюма поистине королевский прием. Балы, вечера, обеды; дом князя Голицына, сад «Эльдорадо» — одно сменялось другим... 27 июля в саду «Эльдорадо» в честь Дюма был устроен грандиозный праздник под названием «Ночь графа Монте-Кристо». Иллюминация, фейерверк, огромный вензель «А. Д.», украшенный лавровым венком и гирляндами...

Но и в Москве писатель посещал не только праздники и обеды. Его привлекало героическое прошлое страны, ее настоящая жизнь. Он едет на места Бородинского сражения, посещает пригородные дворцы, монастыри, имения. Человек открытого и общительного характера, прекрасный рассказчик и собеседник, он легко сходился с людьми, заводил новых друзей и знакомых, наблюдал, запоминал, записывал.

Надо отдать справедливость полицейским чиновникам: благодаря их служебному рвению и усердию мы имеем подробные документальные записи о пребывании Дюма в России.

«7-го сего сентября Дюма выехал из Москвы с семейством Д. П. Нарышкина в имение его Владимирской губернии Переяславль-Залесского уезда село Елпатьево, где, как говорят, намерен пробыть дней 15, а оттуда намерен отправиться в Нижний Новгород»,— доносил из Москвы жандармский генерал Перфильев.

Дюма интересовало в России все: исторические предания и шумная, пестрая Нижегородская ярмарка; степень знакомства русских с французской литературой и постановка дела образования в России; быт столичных аристократов и жизнь российской провинции.

В Казани Дюма жил на окраине города, в здании пароходного общества «Меркурий». Близко сойдясь с семьями инженера путей сообщения Лана и ректора университета, он проводил большую часть времени в среде университетских преподавателей.

В Саратове его интересовали «рыбные богатства реки Волги и разной промышленности», состояние саратовской торговли...

Из Саратова Дюма отплыл в Астрахань, куда и приехал 14 октября. На другой день после приезда астраханский губернатор Струве устроил для Дюма нечто вроде театрализованного показа жизни и быта армян, татар и персов, составлявших большую часть разноязыкого населения Астрахани — «в домашнем их быту и в национальных костюмах». И завертелся круг: обед у губернатора, танцевальный вечер в доме благородного собрания, присутствие «на молебствии по случаю начатия работ по углублению фарватера реки Волги», охота, рыбная ловля, визит к персидскому консулу, посещение персидских лавок и т. д. и т. п.

Однажды утром на пароходе «Верблюд» Дюма отправился в окружении губернатора и его свиты в стан калмыцкого князя Тюмена, где провел два дня, наслаждаясь изумительными зрелищами: народными плясками, соколиной охотой на лебедей, конными состязаниями, ловлей диких лошадей...

Столь необычные для европейца развлечения, приемы и празднества, отличавшиеся поистине восточной роскошью и блеском, писателю, конечно, были интересны.

Блистательный «граф Монте-Кристо», как любили называть Дюма современники, отличался огромным трудолюбием и всегда, во всех условиях находил время и возможности для главного — своего писательского труда.

В донесениях полицейского чиновника из Астрахани читаем о нем: «Утром 19 числа занимался описанием того, что видел и что было ему показано, обедал в своей квартире...» «21 числа утром писал письма в Петербург, Москву и Париж, куда также отправил по почте брошюру своих путевых впечатлений о России...» «...Вечером 21 и утром 22 числа занимался составлением путевых записок».

Путевые записки, упоминаемые в донесениях, составили по возвращении Дюма из поездки книгу «От Петербурга до Астрахани», вышедшую в Париже в 1859 году. Общеизвестно, что в этой книге очень много ошибок, искажений и попросту фантастических историй и анекдотов, выдаваемых за правду. Но тем не менее это первая книга во Франции, которая познакомила массового французского читателя с именами Пушкина и Лермонтова, Некрасова и художника Иванова. Читатели Дюма — а круг их был очень широк — впервые узнали многое об истории России, ее культуре, ее нравах, и это, конечно, имело большое значение.

В полдень 22 октября Дюма выехал из Астрахани в Кизляр, а оттуда через Дербент, Баку, Шемаху — в Тифлис.

Благодаря «вниманию» и «заботам» полиции Дюма не смог увидеть многого, характерного для жизни России того времени. Но он с радостью увидел и оценил то, что для него было самым главным и интересным,— что в России знали и любили французскую культуру, французскую литературу — и классиков и современных авторов.

На родине Дюма в это время правящие круги французской буржуазной империи Наполеона III, проникнутые ханжеством и лицемерием, косо смотрели на своего недавнего кумира — Дюма с его героями, постоянно бросавшими вызов обществу. Один из французских корреспондентов писал из Парижа в газету «Московские ведомости» в ноябре 1858 года: «...Позвольте сообщить вам, что здесь нашли весьма странным, чтобы не сказать более, прием, сделанный Александру Дюма в России. Дюма, конечно, человек веселый и одаренный воображением, но неужели этого достаточно, чтобы заслужить общественное уважение?»

Вот что рассказало нам архивное дело.

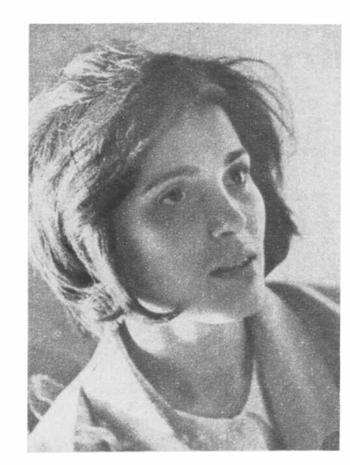
Людмила Савельева (СССР).

Такое можно увидеть только на московском фестивале. Кинозвезды в ожидании автографа Павла Поповича. Справа — Гертрауд Миттермайер (ФРГ).

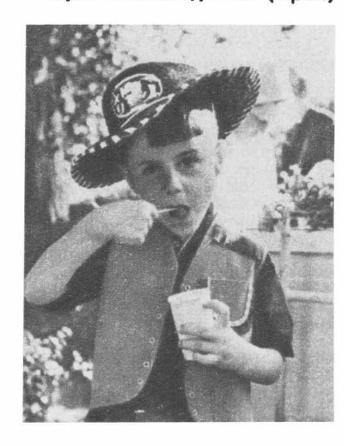

Лхасурэн (МНР).

Надежда Ранджева (Болгария).

Рафик Магомед Реза (Иран)

Мари Франс Пезье (Франция).

ЗВЕЗДЫ ЗАГОРАЮТСЯ

И. ВЕРШИНИНА

Как становятся кинозвездами? На этот вопрос ответить невозможно, ведь посвящение в звезды происходит в темном зрительном зале.

Это было первое в ее жизни интервью. Я могла даже спросить, как начала она работу в кино, узнать о творческих планах, о роли, над которой сейчас работает, и роли-мечте. Словом, все те вопросы, которые после меня в разных странах, на самых разных фестивалях будут задавать ей десятки раз десятки моих коллег. И я спросила все это у болгарской актрисы Надежды Ранджевой, которая приехала к нам на фестиваль со своим первым фильмом, и узнала, что пригласили ее сниматься, когда шла она по улице из университета. Она ведь будущий филолог.

Фильм «Разрешение на брак» словно состоит из двух новелл: первая часть — документальная — счастливые современные свадьбы, вторая — небольшой, но напряженный актерский сюжет — свадьба в фашистском застенке перед расстрелом. Словно фреска, застывшее лицо невесты, большие трагичные глаза, первый и последний, как горячечный бред, разговор супругов, а вернее, монолог ее. И кончилось счастье... Трудная, очень трудная роль. 20—30 минут актриса на экране, а помнить ее и думать о ней будешь долго.

...Со вздохом облегчения, закончив очередную сессию, Мари Франс Пезье сложила многочисленные книги и поехала на свой первый кинофестиваль. Здесь, в Москве, в 1963 году демонстрировался ее первый фильм, «Любовь в 20 лет». Но актрисе было тогда меньше двадцати, к тому же предстояла поездка с французской студенческой делегацией на Кубу.

И наше знакомство с Мари Франс ограничилось тогда экраном... Зато сейчас мы можем познакомиться не только с ней, но почти со всей ее семьей, ведь на днях сюда туристами приезжают мама и брат Мари.

Надо сказать, что приезды целыми семьями очень характерны для этого фестиваля. К Иву Чампи прилетает жена, известная японская актриса, к Марине Влади, которая здесь с мужем, прилетела сестра, популярная французская актриса Одиль Версуа. Особенно много гостей приехало с детьми. Начиная от 5-летнего иранского киноактера и до подростков, не собирающихся наследовать профессию родителей. Побывать в Советском Союзе, узнать его народ — к этому стремится каждый, а тем более молодежь.

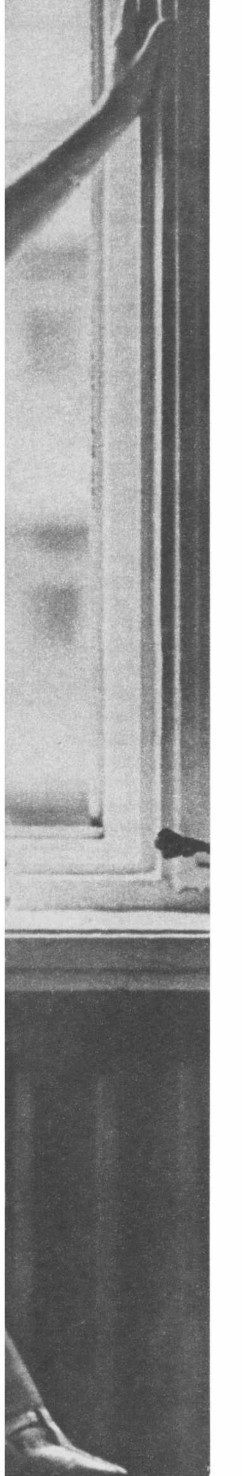
...Друзья торопились: в 7.30 у них премьера, а сейчас уже 2 часа. Их путь лежал на Красную площадь. Нет, это не было туристское стремление — сняться на фоне Кремля или у памятника Минину и Пожарскому.

— Ваши космонавты всегда перед стартом идут на Красную площадь, а у нас сегодня старт! Представляем нашу первую работу в кино — «Приключения Вернера Хольта».

Это рассказ об их сверстниках, о тех, кому было двадцать в начале сороковых годов; это рассказ об отцах, воевавших тогда на Восточном фронте... Это рассказ о том, как много надо было увидеть и запомнить, как много испытать и передумать, чтобы понять, куда ведут те идеи, что с детства им вбивали в головы нацисты. Это рассказ о загубленной молодости отцов и предостережение потомкам.

Молодые актеры поняли ответственность серьезного разговора со зрителем, и поэтому зритель верит им, напряженно следит за «приключениями» героев, а когда фильм кончается, взволнованно аплодирует. Как это дорого участникам! Ведь в этом зале сидят и те, у которых они учились заочно, в чьих картинах мечтают играть: Бондарчук, Ромм, Герасимов, Козинцев, Чухрай.

А еще они учились у Станиславского, изучали его систему, и у Брехта — на его пьесах. Манфред Харге, который играет бездумного, одержимого вояку Вольцова, работает сейчас в созданном Брехтом Берлинском ансамбле. Вместе с Клаусом Питером Тиле они окончили киноинститут и сейчас оба много играют в театрах, занимаются режиссурой. Младшая из них, Моника Войтович, что играет

Клаус Питер Тиле, Моника Войтович и Манфред Харге (ГДР).

ФЕСТИВАЛЬ В ГОСТЯХ У ЛЕНИНГРАДЦЕВ

Марина Влади приехала сюда всей семьей — с сестрой, она рядом, и мужем (смотри наверх).

Экскурсия в Петродворец в жаркий день имеет особую прелесть.

В МОСКВЕ

Фото Е. УМНОВА.

Гундель, занимается в школе Лейпцигского театра и на его сцене исполняет даже такие роли, как Луиза в «Коварстве и любви».

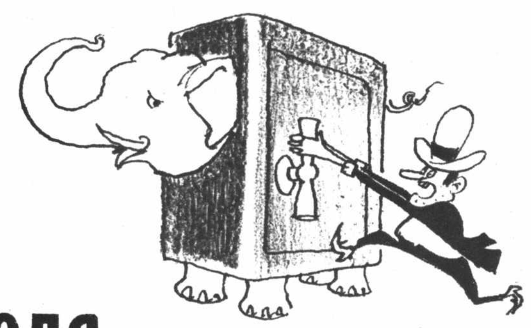
Ее сверстник, монгольский актер Лхасурэн, тот, что исполняет главную роль в картине «Дружба дружбой», в детском театре Улан-Батора сыграл уже 30 ролей, среди них немало пьес советских драматургов и русская классика.

...«Война и мир» демонстрировалась в самом конце фестиваля, а до тех пор Люсю Савельеву никто в лицо не знал — ни гости, ни фоторепортеры. В то время, как они с фотоаппаратами наготове стояли на всех этажах гостиницы «Москва», у лифтов, в холле, даже в ресторане, где собирался весь фестиваль, Люся спокойно проходила мимо. Скромная, немного застенчивая, она в этой яркой, громкой, уверенной толпе не обращала на себя внимания. То ли дело, когда проходила Голубкина или Ева Кшижевска, Михаил Казаков или Радж Капур, — даже служащие гостиницы бежали к ним за автографом!..

Так было до тех пор, пока на экране не появилась надпись «Война и мир». Когда зажегся свет в зрительном зале, Люся Савельева уже была звездой.

Мы познакомили вас здесь с несколькими дебютантами фестиваля. Все они разные, как и фильмы, и характеры, и народ, который они представляют. Что же объединяет их, что характерно для каждого? Человечность, внимание к проблемам, которые волнуют широкие круги зрителей, наблюдательность, вдумчивость, желание понять, что нужно людям, желание стать им полезным, стремление сказать свое слово о своем времени. Слово, которое не забудется завтра, а будет интересно и нужно следующим поколениям.

Пройдет еще несколько дней, закончится кинофестиваль, разъедутся гости по домам, пойдут обычные кинобудни, только в созвездии разных стран станет одной звездой больше. И будут знать и будут помнить, что зажглась эта звезда в Москве.

УХОДЯ, ПРОВЕРЯЙТЕ ЗАМКИ

Офис, как всегда, сиял, сверкал и блистал стерильной чистотой в ожидании ослепительных секретарш, деловитых клерков и степенных боссов. Даже охранники приосанились в этот утренний час, стараясь согнать с лица следы ночного бдения на дежурстве. В коридоре, где расположены кабинеты боссов, царила особенно торжественная предрабочая тишина. И вдруг она была нарушена...

Из лифта в коридор не вошел, а ворвался сам Уильям Келли. Начальник охраны едва успел поприветствовать его. Громыхая связкой ключей, Келли подлетел к двери, на которой висела табличка: «Фрэнк Ковач, финансовый директор». Келли, чертыхаясь, с трудом разобрался в связке ключей и наконец открыл дверь. На молчаливый вопрос, застывший в глазах охранника, он только раздраженно бросил:

— Теперь здесь будет новый порядок! Все пойдет иначе.

С этими словами он начал обыск в кабинете Ковача. Келли тщательно исследовал содержимое всех столов и шкафов. Подбирал ключи и секретные комбинации цифр к сейфам, и стальные чудовища одно за другим, словно нехотя, раскрывали перед ним свои пасти. В поисках каких-то нужных ему документов Келли быстро перебирал все бумаги. Но и в главном стальном мастодонте, который ему удалось открыть лишь с помощью охраны, его поиски были безуспешны. Правда, здесь он на некоторое время задержался, разглядывая прелюбопытные фотографии, которые затем были официально отнесены к разряду документов «исключительно интимного характера».

Но не эти занятные картинки были целью его поисков. Келли снова стал энергично ворошить бумаги в столах и сейфах. За этим занятием и застали его пришедшие на службу секретарши и клерки. Кто-то из них известил Ковача о проведенном обыске. Тот поспешил на место происшествия, предусмотрительно захватив с собой магнитофон. Он записал на пленку показания свидетелей обыска и тут же настрочил заявление главному боссу учреждения, Рею Блиссу, в котором излил все свое возмущение. Заявление было написано на высокой ноте. Ковач напирал на то, что были попраны его «конституционные права», особенно негодуя по поводу обнаруженных у него в сейфе фотографий.

Что касается прав и конституции, то Ковач написал о них в своем заявлении красиво и вполне логично. Но о фотографиях он выразился довольно неясно. Например, упоминая о том, что Келли нашел их в сейфе, Ковач почему-то делает вывод: «Тем самым Келли охарактеризовал свой моральный облик» (?!). Затем, видимо, подумав, Ковач дописал: «Если вы свяжетесь с вонючками, то и сами будете дурно пахнуть».

Тут самое время назвать место действия и раскрыть интригу захватывающего дух происшествия.

Строгий офис — главный центр республиканской партии США. Уильям Келли — главный помощник председателя партии Рея Блисса. В свободное от партийной (и сыскной) деятельности время Келли — бизнесмен, миллионер.

Уильям Келли сам дал все необходимые разъяснения по поводу случившегося. Он давно подозревал, что у них не все чисто с финансами. Поэтому и решил лично обыскать кабинет их главного финансиста. Келли искал, например, списки лиц, которые вносили в фонд партии суммы, превышающие одну тысячу долларов. Хотел проверить приход, расход и наличие долларов по этой статье. Но таких списков не обнаружил. Безуспешно пытался Келли найти объяснения и многим расходам во время избирательной кампании, когда республиканцы двигали в президенты Голдуотера.

Сытый голодного не разумеет. Келли, видимо, забыл, что в руководящем центре республиканцев не все такие миллионеры, как он. Кое-кто испытывает более острую нужду в наличных, чем Келли. А давно подмечено, что богачи больше всех негодуют на воров. Вот и не выдержало у Келли ретивое...

Короче говоря, еще раз оскандалились голдуотеровцы. Вынес сор из избы бдительный Келли. Председателю Блиссу пришлось освободиться от услуг Келли. Как сказал поэт, «его пример другим наука».

Последнюю и эффектную точку в скандальной истории поставил президент США Джонсон. На обеде, устроенном для сбора средств в фонд демократической партии, он сострил, выступая перед собравшимися: «Уходя, я проверил свой стол и убедился, что он надежно заперт».

В. НИКОЛАЕВ

На площади небольшого итальянского городка Альяны, расположенного невдалеке от Флоренции, стоит высеченный из гранита памятник. На постаменте надпись: «Иван (Паоло) Барановский». Немногие из иностранцев, сражавшихся в Италии с немецкими и итальянскими фашистами, заслужили столь высокую честь. Кто же такой Иван Барановский?

Италия помнит Ива

К. БЕЛОВ

Заключенных концлагеря Мунсуммано близ Генуи разбудило ночью завывание сирен. Гестаповцы в срочном порядке эвакуировали лагерь в Германию. Войска Англии и США, развивая наступление на Апеннинском полуострове, создали угрозу для немцев.

И вот в ночь на 9 сентября 1943 года поезд с узниками отправился в дальний путь. Изможденные, голодные люди, запертые в узеньких итальянских вагончиках, тихо переговаривались между собой.

Среди этой массы заключенных находились трое русских военнопленных. Один из них, светловолосый, лет двадцати юноша, негромко сказал своим соотечественникам:

— Теперь обязательно убегу! И черта с два меня возьмут в третий раз.

— Дверь на замке. На люках железные решетки. Зубами не перегрызешь,— заметил один из собеседников, которого звали Александром.

Его поддержал и тезка Барановского, Иван.

— А вот и перегрызу,— ответил Барановский и вытащил из-под видавшей виды гимнастерки, заправленной в рваные парусиновые брюки, короткий металлический стержень, напоминающий гвоздодер.— Когда вели нас, нашел на станции у путей. Дождемся следующей ночи, взломаем стенку.

— Рискованное дело,—возразил Александр.— Несколько человек убегут, а остальные как? Поезд часто останавливается на станциях, и охрана заметит дыру.

Барановский задумался.

— Тогда взломаем пол,— сказал он.— Убежим все!

Мгновенно план Барановского обошел весь вагон. Поляки, сербы, чехи, греки, бельгийцы, французы, находившиеся в вагоне, с нетерпением ждали ночи. Освободили место в конце вагона, и Барановский принялся за работу. Взламывал пол только при движении, когда стук колес заглушал удары ломика. Наконец дыра пробита. По одному пленные падали на ходу вниз и оставались лежать между рельсами. Когда поезд скрылся из виду, беглецы ушли в горы.

Блуждали несколько дней. Трое русских шли на юг в надежде встретить партизан. Голод заставил зайти в небольшое селение. Барановский говорил по-немецки, а в концлагере немного научился и французскому. Он объяснил крестьянину, что ищет партизан, и попросил немного хлеба. Наконец итальянец понял, что перед ним русские военнопленные. Он накормил их, запряг ослика в повозку, велел всем троим лечь в нее, накрыл мешками с соломой и отправился в Альяны. Местечко это было базой партизан.

У одной из таверн итальянец остановил своего ослика и тут же скрылся за дверьми дома. А вскоре вернулся с каким-то человеком. Незнакомец открыл ворота, и повозка въехала во двор.

— Принимай, Боржиоли, товар. Я думаю, он вам подойдет,— сказал крестьянин и сбросил мешки.

Боржиоли Орацино поздоровался с русскими парнями и пригласил в таверну. Впервые за многие месяцы неволи они досыта наелись макарон с овечьим сыром.

— А теперь я провожу вас в горы, на Иль Тэсо, к Манфордини. Там вы получите оружие и будете зачислены в отряд.

— Спасибо, синьор Боржиоли,— поблагодарил Барановский.

— Вам нужно научиться говорить по-итальянски,— сказал Боржиоли.— Вы будете ходить в разведку.

— Можете нас экзаменовать через месяц,— шутливо ответил Барановский и широко улыбнулся.

Вскоре русские оказались в горах Иль Тэсо. Командир Манфордини встретил ребят из России с каким-то особенным теплом. Узнав, что двоих русских зовут Иванами, он с улыбкой заметил:

— Командиру легче давать распоряжения, когда имена его подчиненных разные. Да и для конспирации лучше иметь псевдоним. Давайте одного из вас назовем итальянским именем, ну, скажем, Паоло.

— Хорошо, я беру это имя,— согласился Барановский.

Манфордини познакомил русских с партизанами взвода, в который их зачислили.

— Вот этого,— показал он на красивого парня,— зовут Германо Беллучи, этого — Аделмо Санитини, а этого — Бруски, вот Пуччи — наш лучший стрелок. Словом, весь взвод перед вами. А теперь расскажите, как оказались у нас?

— Я был сержантом Красной Армии, раненым попал в плен,— объяснил Барановский.— Из Германии привезли в концлагерь под Геную. До войны жил на Кавказе, работал на паровозоремонтном заводе.

— А я до войны был студентом, сам из Киева,— сказал высокий крепкий парень, тезка Барановского.

Самый старший из троих, Александр, тоже рассказал свою биографию. Он 1920 года рождения, по профессии — шофер.

Через несколько дней Барановский и его товарищи приняли боевое крещение на итальянской земле.

Разведка донесла, что по дороге в Пистою, где находился штаб немцев, едет казначей с деньгами. Командир отряда выстроил бойцов и сказал:

— Нам нужны деньги. Причем много. Приказываю захватить сейф.

Фашистский казначей с охраной, попав в засаду, оказал отчаянное сопротивление. Но вско-

Плакат, выпущенный ассоциацией итальянских партизан. На снимках — погибшие товарищи Ивана Барановского. Фото русского партизана Паоло в Италии не оказалось. Его заменил герб Советского Союза.

на-Паоло

ре вся группа немцев была уничтожена, за исключением одного, который бежал. За ним в погоню пустились Бруски и Пуччи. Немец добежал до поселка Санта Манна и нырнул в казарму. Партизаны незаметно подобрались к казарме и забросали ее гранатами. Несколько фашистов было убито. Немцы, увидя, что против них сражается всего двое партизан, атаковали смельчаков. Те бросились в лес. Гитлеровцы окружили рощу и, прочесывая лес, начали сжимать кольцо.

Пуччи и его друг Бруски сопротивлялись отчаянно. Вот уж и диски автоматов пусты. В ход пущены пистолеты... В обойме остался последний патрон. Пуччи поднес пистолет к виску.

— Прощай, друг!— крикнул он раненому товарищу и нажал на спусковой крючок.

Бруски остался один. Он притворился убитым. Немцы, убедившись, что партизаны мертвы, решили взять тела и показать населению. Возможно, кто-либо опознает партизан и выдаст их родственников. По дороге фашисты обнаружили, что один из бойцов жив. Они доставили его в город и начали пытать, но показаний не добились.

Один итальянец пробрался в горы и рассказал о готовящейся над партизаном расправе. Командир задумался...

— Немцев рота, нас взвод,— наконец сказал он.

— Ну и что?! — воскликнул Барановский.— Справимся!

— Хорошо, Паоло,— согласился командир.— В случае чего заменишь меня.

Партизаны пробрались в город незаметно. Фашисты не могли и предположить, что «лесные бандиты», как они называли борцов Сопротивления, могут напасть на них средь бела дня.

Стремительный удар, жаркая схватка. Бруски на свободе.

— В этой операции лучше всех действовал ты, Паоло,— похвалил Барановского Боржиоли.— За отвагу дарю тебе русский автомат.

Барановский никогда раньше не видел у Боржиоли этого автомата. Он спросил:

— Откуда?

— Трофеи итальянской дивизии «Сфорцеска», их прислали из России в прошлом году. А вскоре дивизию разгромили на Дону ваши войска.

Наступила зима 1944 года. Паоло, уже хорошо владевший итальянским языком, не раз ходил в расположение врага, доставал ценные сведения. Много боев на его счету в Италии, много воинских эшелонов, пущенных под откос.

— Тебя наверняка представят к ордену,— сказал ему однажды Манфордини.— Окончится война, женим тебя на дочери крестьянина Помпасы. Тебя эта семья так полюбила. А синьорина— красавица.

— Нет, синьор Манфордини, к Помпасам я захожу не потому, что мне нравится Мариза. Ее отец в молодости бывал в России, на Кавказе. Вот мы и говорим с ним о моей родине. Как окончится война, поеду домой, меня ждут мать с отцом. Хочу учиться в институте. А женитьба не уйдет.

Барановский улыбнулся, взял гитару и запел «Катюшу».

Партизаны подхватили песню на своем языке, и понеслась она над горами Иль Тэсо.

...Весенним мартовским днем отряд партизан под командой Барановского возвращался с боевого задания. Невдалеке от базы их остановил дозорный.

— Плохи наши дела, Паоло,— сказал он.— Группа Беллучи попала в засаду и схвачена фашистами. Наших доставили в Альяны, и на завтра назначена казнь.

— А черта лысого они не хотят? Идем на базу, там все решим.

Барановский предложил план освобождения партизан из военной комендатуры.

— Дом этот я хорошо знаю,— сказал он.— Вместо окон там узкие щели с решетками. Стена полуметровой толщины. А из окон наверняка будут бить пулеметы и автоматы. И все-таки взять эту крепость можно. Я думаю, надо послать в комендатуру одного нашего бойца, переодетого в монашескую одежду. Его никто не задержит. Мало ли какие дела у монаха в комендатуре!

Партизаны приняли план.

— Кто будет монахом?— спросил командир.

Вызвался Барановский.

— Нет, Паоло, в этой роли должен выступить кто-нибудь из итальянцев. Тут большой риск.

Все же Барановский убедил командира, что предложенный им план он должен выполнить сам.

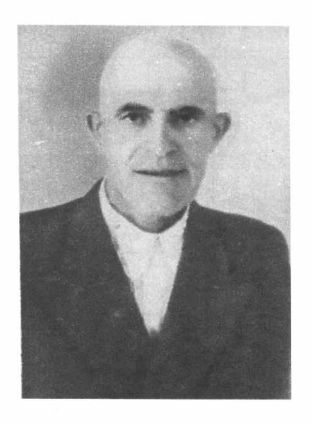
Подобравшись к комендатуре, партизаны окружили здание и залегли, ожидая появления Паоло.

Монах неторопливо приблизился к зданию, миновал часового и, заглянув в окно, встретился со стволом пулемета. Затем он направился к двери. Дернув за ручку, он открыл ее и метнул гранату. Раздался оглушительный взрыв. Партизаны открыли из автоматов огонь по окнам. Паоло поднялся с земли и кинул вторую гранату в окно. Но до взрыва успела прокатиться пулеметная очередь. Барановский упал, сраженный несколькими пулями. Взрыв. Пулемет замолк. Партизаны пошли в наступление. Они захватили комендатуру и освободили своих товарищей.

Иван Барановский мечтал встретить победу, но не дожил до нее. Он мечтал вернуться на родную советскую землю, но остался вечно лежать в итальянской земле. Партизаны похоронили его в братской могиле, а когда окончилась война, благодарные граждане Италии воздвигли Паоло памятник.

О героических подвигах Ивана Барановского в нашей печати рассказывается впервые. И мы надеемся, что его родные, друзья и однополчане узнают о том, как храбро сражался с фашистами бесстрашный воин.

ГОРЕЦ — ВОСПИТАННИК ЛЬВА ТОЛСТОГО

Магомед Эфендиев.

21 марта 1906 года в селе Ашага-Цинит (Дагестан) во время празднования навруз-байрама произошел трагический случай: ружейным выстрелом случайно убили человека. Убийца скрылся. Царские судьи решили так: не важно, кто именно понесет наказание, важно, чтобы наказание было. Без всяких улик осудили четверых случайно подвернувшихся людей, в том числе моего пятнадцатилетнего дядю Магомеда-Сабри Эфендиева (Алиева). Юношу на двенадцать лет выслали в Тульскую губернию, в город Крапивна, где ссыльного приютил городской голова Юдин.

Юдин понял, что неиспорченный, душевно чистый, не умеющий лгать и скрывать свои чувства юноша не мог быть преступником, и сделал его чем-то вроде своего помощника. Однажды утром Юдин вместе с Магомедом поехал на почту на железнодорожную станцию Щекино. На улице увидели двух всадников. Юдин встрепенулся и, взяв юношу за плечи, сказал:

— Видишь этого всадника с седой бородой? Запомни его хорошенько, и ты всю жизнь будешь гордиться, что видел Льва Толстого, великого писателя.

Когда всадники поравнялись с коляской, Юдин поклонился. Поклонился и юноша, рассматривая Льва Николаевича. Толстой был в темно-сером пальто, из-под которого видна была белая рубаха. Толстого, как это позже узнал Магомед, сопровождал домашний врач писателя и его друг Маковицкий.

Толстой и Юдин были хорошо знакомы.

— Кто это?—спросил Лев Николаевич, указывая глазами на юношу.

Юдин объяснил, что Магомед — ссыльный и что он временно устроил его у себя.

— Из какой вы местности? — спросил Лев Николаевич.

— Из Дагестана.

— Кто по национальности: кумык, аварец, лезгин?

— Лезгин.

— В школе учились?

— Нет, не учился. В школе у нас учатся только богатые. Старший брат немного обучил меня арабской грамоте.

— Русской грамоте хотите учиться? — спросил Лев Николаевич.

Юноша не ответил, но глаза его радостно заблестели.

Магомед Эфендиев навсегда запомнил тот день, резко изменивший его судьбу.

Вскоре Лев Николаевич начал хлопотать, и молодого ссыльного перевели в Ясную Поляну. Отвез его в имение Толстых Андрей Львович, сын Льва Николаевича.

В Ясной Поляне молодого лезгина встретили радушно. Ему показали усадьбу, познакомили со всеми домочадцами, отвели отдельную комнату.

Обучение Магомеда по указанию Льва Николаевича начали на другой же день после приезда. Уроки ему давали Татьяна Львовна, дочь писателя, Душан Петрович Маковицкий и учитель яснополянской школы. После возвращения из Парижа сына Льва Николаевича — Льва Львовича — Магомед стал учиться и рисованию...

— Относились ко мне очень хорошо,— вспоминает мой дядя Магомед Гамидович.— Софья Андреевна всегда была ласкова со мной. Часто я бывал в имении Андрея Львовича, где охотились на куропаток и лисиц. Лев Николаевич интересовался ходом моих занятий, спрашивал, что пишут из дому. «Не скучай, не теряй бодрости, голубчик,— говорил Лев Николаевич.— Все у тебя впереди. А сейчас старайся хорошо учиться».

Дядя провел в Ясной Поляне около четырех лет; многому научился, многое понял, узнал.

В ноябрьские дни 1910 года в траурной процессии за гробом писателя среди многих людей всех званий и состояний шел и молодой человек в кавказской одежде — Магомед Эфендиев.

После смерти Л. Н. Толстого тульский губернатор отозвал Магомеда вновь под надзор полиции. Но по просьбе Софьи Андреевны Магомеда взяла на поруки наследница А. В. Суворова Л. В. Хитрово. Он прожил в ее имении в селе Кончанском, Новгородской губернии, до Октябрьской революции.

В 1917 году Эфендиев вернулся на родину, в Дагестан, был продкомиссаром по Южному Дагестану, ответственным секретарем райисполкома, директором группы рыбозаводов...

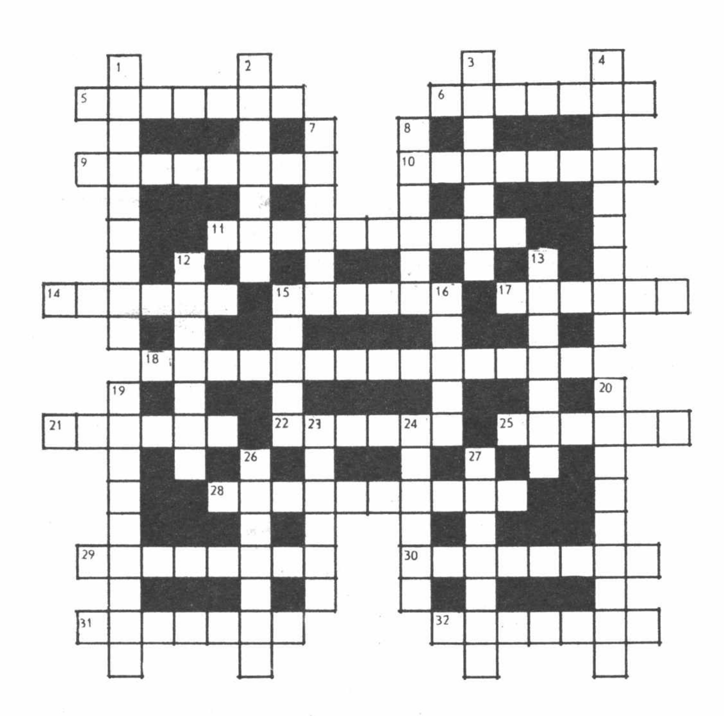
В 1959 году Магомед побывал в Москве и в Ясной Поляне, повидался и беседовал с личным секретарем Л. Н. Толстого В. Ф. Булгаковым, а также с другими научными сотрудниками яснополянского музея-усадьбы Л. Н. Толстого.

В настоящее время Магомед Гамидович Эфендиев — пенсионер, живет на станции Белиджи в Дагестане. Несколько лет он работал над воспоминаниями о Л. Н. Толстом. Недавно эта книга вышла в свет в Дагестанском издательстве под названием «Я знал Льва Толстого и его семью».

Муса ЭФЕНДИЕВ

В Ясной Поляне. Этот рисунок с натуры сделан 17-летним Магомедом Эфендиевым.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Марка автомобиля. 6. Прибрежное судоходство. 9. Столица Шотландии. 10. Перерыв, пауза. 11. Итальянский архитектор и инженер, построивший Успенский собор в Московском Кремле. 14. Русский баснописец. 15. Старинная рукопись. 17. Приток Волги. 18. Призма. 21. Гимнастический снаряд. 22. Ураган. 25. Рельефное изображение печатного знака. 28. Исследование одной темы, одного вопроса. 29. Роман И. С. Тургенева. 30. Объем звучания музыкального инструмента или голоса. 31. Узкая полоса побережья Средиземного моря. 32. Гриб.

По вертикали:

1. Знаменитый борец. 2. Советский биолог. 3. Музыкальное произведение. 4. Автор балета «Спартак». 7. Русский публицист и поэт. 8. Город в США. 12. Порт на Дунае в Чехословакии. 13. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник». 15. Огородное растение. 16. Отрезной талон у ценных бумаг. 19. Участок ботанического сада. 20. Млекопитающее семейства дельфиновых. 23. Точка лунной орбиты, наиболее удаленная от Земли. 24. Государство в Африке. 26. Музыкальная пьеса из популярных мелодий. 27. Курорт на берегу Черного моря.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 28

По горизонтали:

5. Репродуктор. 8. Вычегда. 10. Триолет. 13. Белила. 14. Ленто. 15. Каолин. 16. Бекар. 18. Пришвин. 20. Каноэ. 21. «Цитадель». 22. Крамской. 25. Осина. 27. Теплица. 28. Залом. 32. Мартен. 33. Гараж. 34. Опушка. 35. Ромашка. 37. Область. 39. Минералогия.

По вертикали:

1. Город. 2. Докер. 3. Перевал. 4. Морошка. 6. Былина. 7. Печора. 9. Афелий. 10. Тетива. 11. Лепешинская. 12. Сизоворонка. 17. Радда. 18. «Полет». 19. Нерпа. 20. Комуз. 23. Оправа. 24. «Динамо». 26. Нитрон. 29. Алушта. 30. Онтарио. 31. Потанин. 36. Клещи. 38. Брошь.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. **Оформление Л. ШУМАНА.**

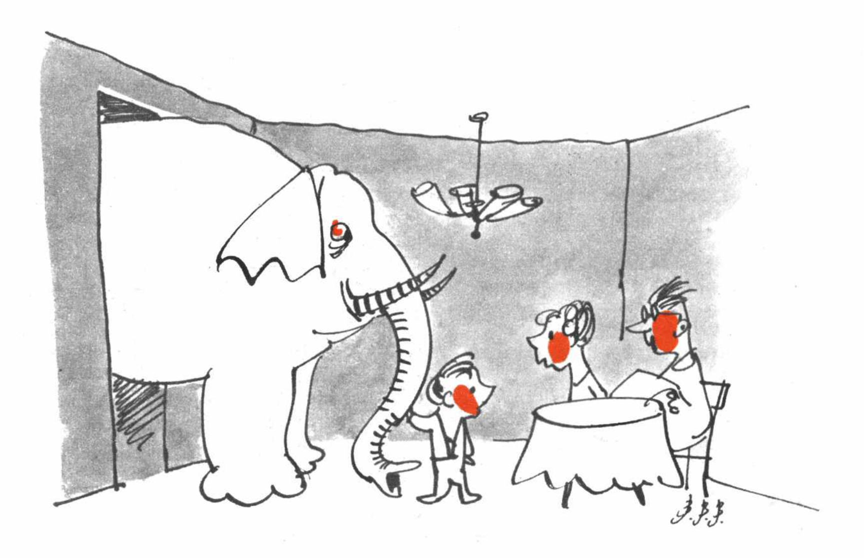
Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 2353. Подписано к печати 14/VII 1965 г.
Формат бум. 70 × 108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Заказ № 1808. Тираж 1 850 000. Изд. № 1146.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

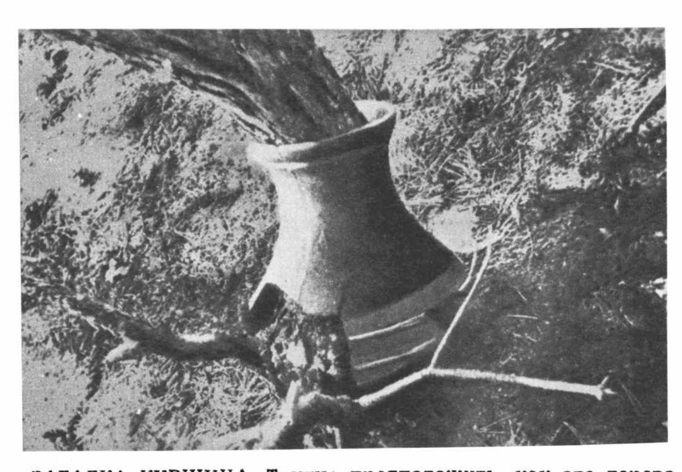
— У дяди свинка?

— Мама, нам нужно место под живой уголок.

На первой странице обложки: Рижская школьница Анита Бремтелис на большом спортивном празднике. Когда-нибудь и она первой коснется финишной ленты. А пока Анита выполняет почетную обязанность: по существующей традиции кубки, которые должны быть вручены победителям, торжественно выносят дети к месту состязаний.

Фото Дм. Бальтерманца.

ЗАГАДКА КУВШИНА. Трудно предположить, как это дерево очутилось внутри кувшина. Я сфотографировал его на берегу реки Читинки.

С. Билида.

На последней странице обложки: Матч СССР — Бразилия. В центре — лучший нападающий мира Пеле.

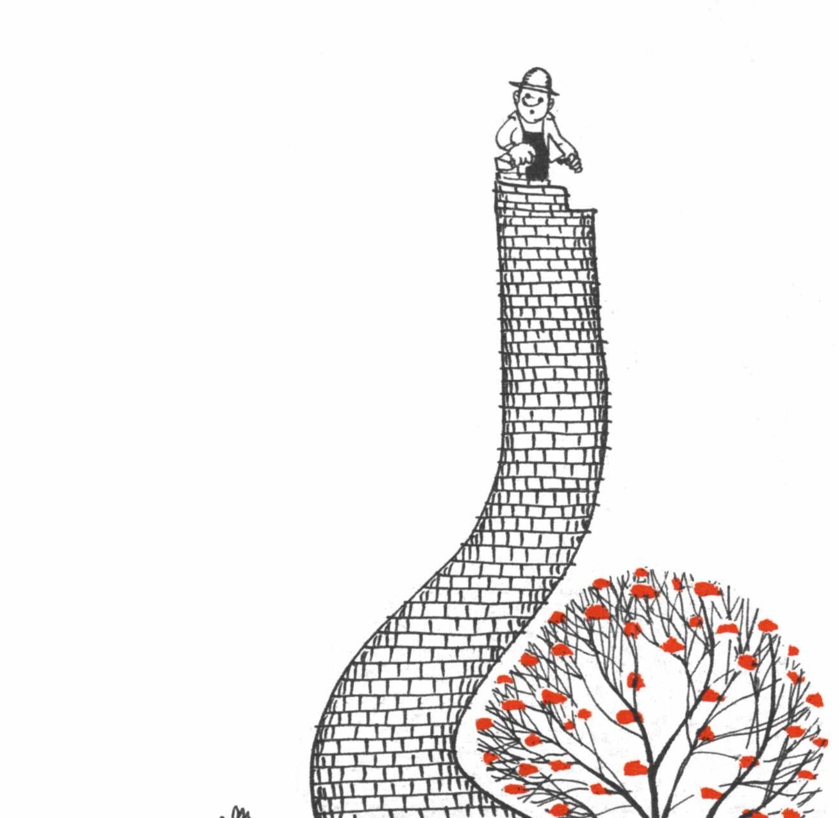
Фото А. Бочинина.

Забавные мелочи

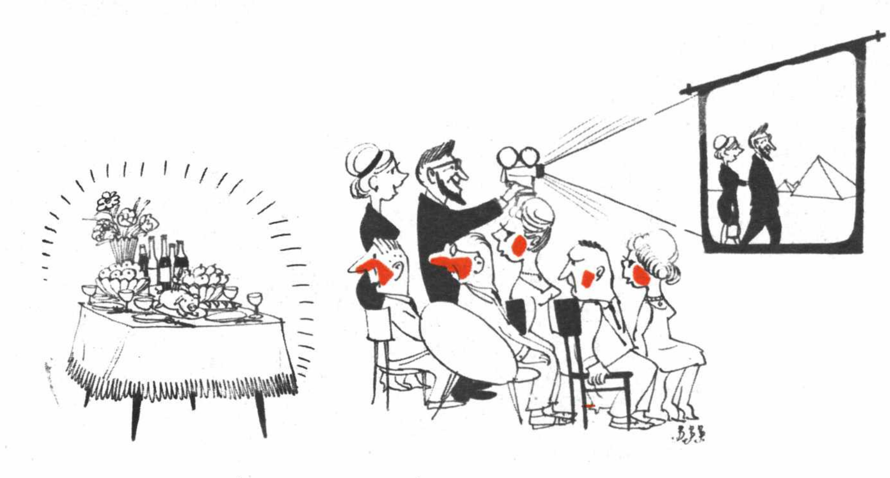
ДЕЛЬФИН С НЕБА...

Над черноморским поселком Лазаревская прошел сильный ливень. Когда строители широкоэкранного кинотеатра вышли из-под навеса, они с изумлением увидели на земле полутораметрового дельфина.

Строительная площадка в километре от моря. Что за чудо? Оказывается, дельфин упал с неба. Его захватил и занес сюда мощный смерч, поднявшийся перед грозой на море.

— Этот каменщик — член общества охраны природы.

— А теперь я вам покажу ленту всего на полтора часа.

Рисунки В. Воеводина.

— В последнее время он увлекся гимнастикой йогов.

Рисунок В. Каневского.

КОРМУШКА В ШЛЯПЕ

Подобную сценку можно часто наблюдать на Трафальгарской площади в Лондоне. Большой любитель пернатых Альфред Скиннер выходит на прогулку с птичьей кормушкой, которую он устроил на полях своей шляпы.

СЧАСТЛИВАЯ НАХОДКА

В букинистическом магазине города Палермо (Италия) случайно обнаружен пятый экземпляр очень редкого рукописного издания «Божественной комедии» Данте, написанный на пергаменте.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ПУГОВИЦЫ

Один из парижских домов моды предложил новинку — платья и плащи с играющими пуговицами. Каждая пуговица, когда нажимаешь на нее пальцем, издает несколько тактов из популярной мелодии.

ОБЕЗЬЯНА-ДОМРАБОТНИЦА

Житель Милана Триальфили — дрессировщик животных. Он приучил обезьяну Сабину помогать ему в домашних хлопотах. Сабина подает своему хозяину одежду, вешает ее в шкаф, приносит из почтового ящика газеты и журналы, натирает пол.

И ОСЛИК ТАНЦУЕТ ТВИСТ

Музыкант джаза Альберт Фальке купил в Турции симпатичного ослика, который обнаружил большие способности к танцу. Вскоре ослик выступит в Гамбурге перед публикой. Он будет танцевать твист.

ПРАКТИЧНЫЙ ВОРОН

Посетителей пляжа приморского городка Трогире (Югославия) развлекает ворон Тома. Получив от когонибудь монету, он берет ее в клюв и летит к мяснику за куском мяса.

ТРОЕ БЛИЗНЕЦОВ

Такого случая в венском зоопарке не было 30 лет. Недавно у тигрицы Андры появились на свет трое близнецов. Малыши оказались большими проказниками, что доставляет немало хлопот служащим зоопарка.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663